Ч38 211
штемпель

ДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Ч38 211

А. Н. НАСОНОВ

МОНГОЛЫ И РУСЬ

(ИСТОРИЯ ТАТАРСКОЙ ПОЛИТИКИ НА РУСИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ДАР
Коровкина П. П.

238
211

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. Н. НАСОНОВ

МОНГОЛЫ И РУСЬ

(ИСТОРИЯ ТАТАРСКОЙ ПОЛИТИКИ НА РУСИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор акад. *Ю. В. ГОТЬЕ*

Государственная ордена
исторический
библиотека РСФСР
1455223

Редактор проф. К. И. Тройников

Технический редактор И. П. Пошешулин Корректор О. В. Герцман

Сдано в набор 20/XII 1939 г. Подписано к печати 7/VI 1940 г. Формат 60×92½16. Объем 11⅛ п. л. Учетн.-изд. л. 13. В 1 п. л. 46000 печ. зн. Тираж 2000 экз. Уполн. Главлита № А-22921. РИСО № 653. АНИ № 1133.

1-я Образцовая типография треста „Полиграфкнига". Москва, Валовая, 28. Заказ № 5249.

ВВЕДЕНИЕ

«Татарское иго продолжалось... свыше двух столетий. Это было иго, которое не только подавляет, но растлевает и иссушает самую душу народа, который ему подпал. Монгольские татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства».

Из книги Маркса «Secret Diplomatic History of Eighteenth Century».

«На Западе — в Англии, Франции, Италии и отчасти Германии — период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, в виду чего там нации при своем развитии облекались в государственные формы... На востоке Европы, наоборот, процесс образования национальностей и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было; оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия».

Из книги Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос».

Проблема изучения истории татарской политики на Руси ставится мною впервые. Постановка такой проблемы вытекает из указаний на «традиционную политику татар». Эти указания мы находим в книге Маркса «Secret Diplomatic History of Eighteenth Century» (edit. by Eleonor Marx, London, 1899, pp. 78, 80). К сожалению, указания Маркса не послужили толчком к специальному изучению вопроса.

Тема моего исследования, таким образом, — не история русско-татарских отношений, но и не общий вопрос о влиянии владычества татар на русскую экономику, социальный строй, государственность и культуру. Интерес к «татарщине» как к «политической буре» определил постановку темы. Поставленное задание обусловливает хронологические рамки настоящего исследования: оно не

переходит за первую четверть XV в.: разлагаясь и хирея, Золотая Орда не могла более вести политики в прежнем смысле, т. е. так или иначе направлять внутриполитические отношения на завоеванном русском Северо-востоке и Севере в интересах своего господства [1].

Исторические построения русского средневековья запечатлелись в летописных сводах, не являвшихся, однако, плодом исторической научной работы в современном смысле слова. Поскольку летописи в основной своей традиции [2] были памятниками официального значения, естественно, что их составители не могли прямо и свободно описывать события. В настоящее время трудно себе представить всю сложность задачи, стоявшей перед составителем официальных летописей в эпоху сильной татарской власти. Тверские своды и своды московские по-разному освещали отношение князей к Орде. Можно также указать, что, может быть, не случайно ряд пространных откровенных рассуждений о татарском иге падает на годы, когда в Монгольском государстве происходили смуты. Таков рассказ о восстаниях 1262 г. Они были направлены против откупщиков ордынской дани, приезжавших, как свидетельствует наше исследование, не от Берке, а от императора Хубилая. Как раз в 1262—1263 гг. в империи происходили смуты, [3] и эти смуты положили начало отделению «Золотой Орды» от монгольской империи. Обстоятельства позволяли летописцу пространно и откровенно рассказать о восстаниях 1262 г. В начале XV в., в годы, когда смуты в Золотой Орде стали усиливаться, летописец записал несколько обобщающих мыслей по вопросу о политике татар, сеющих рознь между князьями. [4] В XV в. московские летописцы стали неохотно вспоминать о некоторых фактах зависимости княжеской власти от ханской в XIV в. — возможно, как о фактах позорных. Так, например, может быть не случайно в московских поздних сводах выпущено известие о съезде князей в 1304 г., когда «чли грамоты царевы ярлыки», имеющееся в своде начала XV в. (Троицк. л.) [5]. Московская традиция оказала наибольшее влияние на последующую историографию.

И в новое время о политике татар писали мало; этот вопрос не подвергался, как мы говорили, специальному разбору. Отдельные

---

[1] Я говорю «Северо-востоке», так как области Полоцка и Смоленска, Галичина, Волынь, Киевщина и Черниговщина, как известно, в XIII и XIV вв. перешли в руки других завоевателей: поляков и великого княжества Литовского.

[2] Летописными сводами, представляющими эту традицию, не исчерпывается летописный материал. До нас дошло, например, несколько драгоценных летописных списков — бесхитростные компиляции «книжных списателей», соединявших политически разнородный материал См. А. Насонов, Летописные памятники Тверского княжества (ИАИ, 1930, № 9—10); его же, Летописные своды Тверского княжества (ДАН-В, 1926, ноябрь—декабрь).

[3] О смутах см. D'Ohsson, Histoire des mongols, II, 352—358.

[4] См. Рог. и Симеон. лл., под 1409 г. Общий летописный протограф этих летописей кончался на 1412 г.

[5] См. XVIII том П. С. Р. Л. и Воскр. л. под 1304 г.

указания на политику монголов на Руси можно встретить в научно-популярных и научных сочинениях, начиная с «Истории Российской» Щербатова, в работах И. Беляева, Костомарова, Пресняков, Приселкова, Покровского и др.

В общей оценке значения татарского ига на Руси мы видим большие расхождения. Одни историки придавали монгольскому завоеванию очень большое значение, главным образом как фактору, будто бы способствовавшему развитию государственного начала на Руси или даже определившему это развитие; по их мнению, монгольское иго способствовало или даже определило образование самодержавия и единодержавия (Карамзин, Костомаров). Другие историки считали, что влияние монгольского ига на развитие нашей страны вообще было незначительно (Соловьев, Ключевский). По-видимому, в дореволюционной обстановке легче воспринималась мысль об активной политике русских князей в Орде, чем мысль об активной политике татар на Руси, даже теми историками, которые придавали татарскому игу большое значение. Современная историкам XIX — начала XX в. Россия была государством с доминирующим над другими народностями Восточноевропейской равнины классом великорусского центра. Представление о современной им России они невольно переносили в известной мере на былые времена. Они охотно рассуждали о результатах политики русских князей в Орде, но вопрос о татарах на Руси не изучали или касались его мимоходом. В большинстве случаев они держались мнения, что п а с с и в н о е поведение монголов содействовало процессу государственного объединения Руси.

Наше исследование обнаруживает наличие монгольской политики (в указанном смысле: такой политики, когда завоеватель направляет внутриполитические отношения в завоеванной стране в интересах своего господства) более чем на протяжении полутораста лет. Мы доказываем, что монголы вели активную политику и основная линия этой политики выражалась не в стремлении создать единое государство из политически раздробленного общества, а в стремлении всячески препятствовать консолидации, поддерживать взаимную рознь отдельных политических групп и княжеств. Такой вывод предполагает, что единое «великорусское» государство, каким мы его видим в XVII в., образовалось в процессе б о р ь б ы с татарами, т. е. в XV—XVI вв., частью во второй половине XIV в., когда борьба была возможна по состоянию самой Золотой Орды.

В статье «Князь и город в Ростово-Суздальской земле» («Века», I, 1924 г.) я писал: «На севере в XII и в начале XIII в. начинают проявляться бытовые черты старой вечевой Киевской Руси, в основе своей общие укладу жизни всех волостей того времени, получавшие в различных волостях лишь различную степень и форму выражения в зависимости от местных индивидуальных условий волостной жизни». Но какова была общая тенденция в предмонгольскую эпоху, в каком направлении развивались политические связи и отношения? Само существование (в XII—XIII вв.) земель-

«волостей», областей-княжеств указывает скорее на тенденцию к политическому обособлению. Выделение сыну Всеволода, князю Константину, Ростова с пятью городами, выделение в семейное, отчинное владение Переяславля и Юрьева указывает на тенденцию к политическому дроблению в пределах отдельной земли-волости. Но на ряду с тенденциями к обособлению, с действием факторов разъединяющих, существовали тенденции к объединению, действовали факторы связывающие. Иными словами, несмотря на отсутствие единого централизованного государства, на Руси действовали, на ряду с силами в направлении к обособлению, силы в направлении к единству. Я разумею сферу политической жизни, хотя сказанное можно распространить и на другие стороны отношений того времени. В статье «Князь и город...» я показал, что фактором, тормозившим процесс дробления, служила деятельность «старейшего» города. В Ростовской волости — вследствие продолжительной оторванности ее от Юга и в силу сложившихся особенностей местного быта — старейший центр Ростов получил особенное значение, играя роль главы местной внутренней волостной организации, «изначала» являясь политическим и военным руководителем волости, этим самым объединяя другие поселения и охраняя единство земли («Века», I, стр. 27). Но действие сил в направлении к единству можно обнаружить и вне пределов земли-волости. Еще в домонгольскую эпоху сложились условия, благоприятствовавшие образованию сильной княжеской власти на Северо-востоке. Через Ростово-Суздальскую землю проходил водный путь, связывавший области Руси с Востоком. Другие пути из Руси на Восток шли из Киевщины через области северного Черноморья. В XI в. сношения с Востоком на этих южных путях были затруднены вследствие нашествия половцев, что, на ряду с другими причинами, ускорило рост экономического и политического значения Ростово-Суздальской земли, где шло движение по водным путям к Каспию. Понятно, что на Северо-востоке образовалась социальная среда, способствовавшая развитию сильной княжеской власти, претендовавшей на значение общерусской власти. Материал свидетельствует о том, что в XII и в первой половине XIII в. развернулась борьба за политическое преобладание на территории Восточно-европейской равнины; в источниках красной нитью проходит соперничество между двумя сильнейшими княжествами — Черниговским и Ростово-Суздальским (или Владимиро-Переяславле-Ростовским); стремление двух сильнейших княжеств, лежавших на территории Волжско-Окского бассейна, утвердить свое влияние в других областях и держать в своих руках все важнейшие политические центры и торговые узлы. Известно, что Всеволод распространил свою власть на Киев и сферу своего влияния на Великий Новгород. Он достиг успехов в борьбе с черниговскими князьями за влияние в Рязани, Смоленске и Витебске. Неудачи Всеволода в конце его княжения и перерыв в борьбе создали впечатление, что осуществление в XII в. политических задач, преследуемых северо-

восточными князьями, было последней вспышкой догоравшего пламени. Это не совсем верно. Незадолго до нашествия монголов мы наблюдаем новую вспышку, борьба возобновляется. А перед самым нашествием, после того как Михаил Черниговский вокняжился в Галиче, посадив в Киеве Изяслава, когда Киев стал предметом борьбы между Изяславом и Владимиром, Ярослав Суздальский, князь Переяславля-Залесского, в 1236 г., обладая княжением в Великом Новгороде, двинулся на юг, оставив в Новгороде сына Александра (впоследствии—Невского), и занял Киевский стол.

Рост местного боярства, властного и независимого, сильного и политически влиятельного землевладельческого класса, заставляет князя искать опоры не только в боярской среде. К великому сожалению, история классовой борьбы и классовых настроений в предмонгольской Руси изучена далеко не достаточно. Почти не использован, например, такой важный памятник, как «Слово Даниила Заточника». Признаки сильного боярства с широкими притязаниями мы замечаем и на Северо-востоке. Но особенную силу получило, как известно, боярство в Юго-западной Руси.

Монголы использовали существовавшие на Руси политические отношения. Решающим моментом при выборе политической линии монголами вначале была их оценка общей ориентации того или иного князя или группы князей (отношения князя к хану, его внешнеполитической ориентации) и классовых столкновений. Интересы татар как властителей побудили их в связи с опасностью, грозившей монгольскому владычеству с Запада, поддерживать северо-восточного князя в его соперничестве с черниговским. На Юго-западе, где князь не отказывался от борьбы с Ордою и где исключительную силу имело боярство, монголы, опираясь на окраинные области Юго-западной Руси, учитывали враждебное отношение местного боярства к князю. На Северо-востоке усилия монголов были направлены к тому, чтобы использовать в интересах своего владычества и князя и местное боярство и изолировать массы в их противодействии порядкам ордынского владычества. Последнее относится преимущественно к князьям ростовской группы: отношения с ними приобретали особую остроту, поскольку их княжением охватывался «старейший» вечевой центр волости (Ростов) и наиболее тесно связанные со «старейшим» городом «пригороды» (Ярославль, Углич, Белоозеро, Устюг) и поскольку вечевой центр волости оказался вечевым центром восстаний против порядков ордынского владычества, выступлений масс против монголов-завоевателей, точнее — против монгольской степной аристократии. Чрезвычайно важно, что анализ материала позволяет мне установить тождество между организацией, отмеченной летописью под 1257 г., и баскачеством. Тем самым настоящее исследование неопровержимо устанавливает, что непосредственная организация татарского владычества на Руси была в руках монгольской степной аристократии. Вывод, добытый мною путем анализа материала, получает, таким образом, широкое значение.

Определяющим мотивом политики монголов в XIV и начале XV в. было желание не допустить значительного усиления какого-либо князя или княжеской группы; политика монголов была направлена к разжиганию розни и местного сепаратизма. Даже воздействуя на ход организации «великого княжения Владимирского», они принимают меры, имеющие в виду не допустить усиления личного влияния князя, получившего ярлык на великое княжение Владимирское. Основная линия политики монголов побуждала их поддерживать политический сепаратизм. Образование централизованного государства явилось, таким образом, отнюдь не в результате мирной деятельности монголов-завоевателей, а в результате борьбы с монголами, когда борьба стала возможна, когда Золотая Орда начала слабеть и разлагаться, и на русском Северо-востоке поднялось народное движение за объединение Руси и за свержение татарского владычества.[1]

[1] Первая глава настоящей книги первоначально была посвящена некоторым вопросам истории домонгольской Руси. Она выпущена мной в интересах архитектоники книги. Выводы исследования этой главы частью приведены мной в одной из статей, написанных для подготовляемого к изданию многотомника по истории СССР, и в статье «Татарское иго в освещении М. Н. Покровского». Работа над монографией «Монголы и Русь» была начата в 1924 г., и в 1934 г. монография была представлена для напечатания в Историко-археографический Институт Акад. Наук СССР.

ГЛАВА I

В течение 1237—1242 гг. армия, посланная монгольским императором, завоевала Северо-восточную Россию, Киевщину, Польшу, Венгрию и Моравию и вторглась в пределы Австрии и Балкан.[1] Получив известие о смерти императора Угедея,[2] монгольское войско, не потерпев ни одного поражения, двинулось через Молдавию и Валахию обратно на Восток.[3] Один из главных военачальников, внук Чингис-хана, князь Бату или Батый, остановился в Поволжье и присоединил страну «орусов» вместе с Кипчаком и Северным Кавказом к территории своего удела, входившего в состав великой монгольской империи.[4] Его удел охватывал теперь не только «лесные народы» от низовьев Селенги до Иртыша, северную часть Се-

---

[1] G. Strakosch-Grassman, Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242, Insbruck, 1893; D. Wolff. Geschichte der Mongolen oder Tataren, Breslau, 1872.

[2] Угедей умер в декабре 1241 г. См. Стенли Лэн-Пуль, Мусульманские династии, пер. с примеч. и дополн. В. Бартольда, СПб., 1899; G. Strakosch-Grassman, op. c., 172; Иакинф, История первых четырех ханов из дома Чингисова, СПб., 1829, стр. 285: «В день синь-мао на рассвете преставился в походном дворце, на 13-м году царствования, на 56-м от рождения».

[3] Strakosch-Grassman, op. c., 172—173; W. Barthold, Batu-khan (Enzyclopaedie des Islām, t. I).

[4] Свой удел Батый получил от отца — Джучи, старшего сына Чингис-хана. Батый был вторым сыном Джучи. Старший сын Джучи — Орда, по-видимому, уступил первенство Батыю (?); по словам Рашид-ед-дина, Орда «при жизни отца и после того был в (большом) почете и уважении и хотя преемником Джучи был второй сын — Бату, но в ярлыках, которые Менгукаан писал на их имя по части управления и ясы (законоположения), имя Орды он ставил впереди. Орда был доволен назначением Батыя на царство и сам уладил возведение его (на престол) на место отца. Из войск джучиевых одной половиной правил он (Орда), другой — Бату» (см. Тизенгаузен, Материалы по истории Золотой Орды, II, персидские тексты, рукопись б. Аз. муз. АН, III, 295; не изд.; мы пользовались также переводами проф. А.А. Рамаскевича и С. Волина с дополненного и проверенного материала (подготовляемого к печати). Ср. Barthold, Batu-khan (Enzycl. des Islām, t. I); ставка Орды находилась, по свидетельству Карпини, к востоку от озера Ала-Куль (см. Карпини, изд. 1911 г., Лэн-Пуль, стр. 188, примеч. В. Бартольда).

Некоторые выводы настоящего исследования включены мною в статью, написанную для многотомной истории СССР, материалы которой были использованы при составлении учебника по истории СССР для вузов (см. История СССР, т. I, М., 1939 г., стр. 4).

миречья, все нынешние Киргизские степи, Хорезм и Мазендеран, но также Кипчак, Поволжье, значительную часть русской равнины, северное Причерноморье и Кавказ до окраины «прохода Бакинского».[1]

Русские северо-восточные князья были оставлены в своих отчинах, утверждены в качестве местных правителей. Им пришлось поехать в ставку Батыя, где великого князя Ярослава Всеволодовича,[2] а вслед за ним и других князей Ростово-Суздальской земли пожаловали княжениями и отпустили «расудивъ имъ когождо в свою отчину».[3] На Руси признали, что Русская земля стала землей «Канови и Батыевѣ» (т. е. землей Батыя и каана, или монголь-

---

[1] К тому же Аран и Азербайджан Джучи считал также принадлежащими к своим становищам; впоследствии эти области были предметом постоянного раздора между золотоордынскими Джучидами и иранскими Хулагуидами. См. Barthold, Batu-khan; его же, Очерк истории Семиречья, Верный, стр. 115—117; ср. Летопись Вассафа, главу о причинах вражды Хулагу и Берке (Тизенгаузен, Материалы, II, не изд.); Труды чл. Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, 131—132, примеч. 499, 500; ср. Рашид-ед-дин (Тиз., II, не изд.).

[2] Великий князь владимирский Юрий Всеволодович, как известно, был убит в битве при р. Сити (Лавр., 1238), и Ярослав сел во Владимире на столе после ухода Батыя, в 1238 г. (см. под 1238 г. Лавр., Воскр. лл. и др.).

[3] «Батый же почти Ярослава великою честью, и мужи его, и отпусти, и рек ему: «Ярославе! буди ты старѣй всѣмъ княземъ в Русскомъ языцѣ». Ярославъ же възвратися в свою землю, съ великою честью» (Лавр., 1243). «Князь Володимеръ Костянтинович, Борис Василкович, Василий Всеволодович, и с своими мужи, поѣхаша в Татары к Батыеви про свою отчину; Батый же, почтивъ я честью достойною, и отпустивъ я, расудив имъ когождо в свою отчину, и приѣхаша с честью на свою землю» (Лавр., 1244). Ср. в Истории инока Магакия (XIII в.) о поездке Смбата, брата армянского царя Гетума, к Батыю (по Патканову — к Гуюку); последний «пожаловал его землей и ленными владениями» (?) (или — другое значение — «благоволением, расположением»), дал великий ярлык, золотые пайзы...» (см. История монголов инока Магакии, XIII в., пер. К. П. Паткапова, СПб., 1871, стр. 18, 80—81; ср. Quatremère, Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan par Raschid-ed-din, т. I, стр. 216—217). О ярлыках русским князьям русские летописи упоминают только в известиях, начиная с XIV в. Но из одной записи на оборотной стороне договорной грамоты великого князя с Новгородом (Ярослава Ярославовича, 1270 г.) мы узнаем, что приезжали послы Чевгу и Баити «сажать Ярослава с грамотою» (С. Г. Г. и Д., I); ср. в Ипат. л., под 1255 г., о «Батыевой грамоте» венгерскому королевичу Александру, сидевшему в Кременце; см. В. Григорьев, Россия, и Азия, СПб., 1876, стр. 175—177. Летописные известия XIII в. ничего не говорят и о том, участвовал ли ордынский посол в «посажении» князя на великокняжеском столе в первые десятилетия ига; например: «посаженъ бысть въ Володимери на столѣ князь Василий Ярославичь меншии и бысть князь великии Володемерскии и Новугородцкии» (Симеон., 1272); указанная нами запись на договорной грамоте 1270 г., когда Ярослав Ярославович был вновь принят новгородцами на стол, прямо говорит, что Чевгу и Баити приехали «сажать» Ярослава; возможно, таким образом, допустить предположение, что уже в XIII в. сажал великого князя на великокняжеском столе ордынский посол; ср. Льв. л. под 1431 г.: «а съ нимъ (Василием Васильевичем) посолъ Монсырь Уланъ царевичь, тотъ его посадилъ октября 5, а индикта 8»; характерно, что это известие, сохранившееся в составе митрополичьего летописца, в великокняжеских сводах опущено (см. Симеон. л. и Эрмитажный список Гос. публ. библ. им. Салтыкова—Щедрина № 416 б).

ского императора) и что «не подобаеть» на ней «жити не поклонившеся има».[1] Организация данничества в завоеванной России, наравне с другими областями империи, стала в непосредственную зависимость от императорского двора. Собранные подати или часть их, помимо Батыя, шли прямо в императорскую казну, где решались вопросы организации сбора налогов в провинциях.[2]

Первые годы владычества татар совпали с временем междуцарствия в монгольской империи, когда делами правила вдова императора Угедея — Туракина.[3] При дворе регентши стал пользоваться полным доверием магометанин Абдур-Рахман, прибывший первоначально в Монголию в качестве купца.[4] В самом конце царствования Угедея ему, вопреки настояниям главного министра Елюй-Чуцая, был отдан на откуп сбор налогов в Северном Китае.[5] При Туракине его поставили во главе управления финансами империи,[6] и откупная система получила, вслед за тем, широкое применение; в правлении Гуюка (1246—1248) большое количество купцов доставали разрешения на сбор налогов с провинций в виде платы за поставки на императора;[7] а со смертью Гуюк-каана князья Чингисханиды давали полномочия на сбор налогов в Ирапе.[8]

Подобного рода способ сбора податей практиковался при Туракине и Гуюк-каане, повидимому, и в пределах завоеванной России. Плано Карпини рассказывает, что в бытность его в России «был прислан туда один саррацин, как говорили из партии Гуюк-каана и Батыя». Этот «саррацин»[9] (вероятно — мусульманский купец) увел часть населения, «остальных же, согласно своему обычаю,

---

[1] Сказание о князе Михаиле Черниговском, приписываемое о. Андрею (Н. Серебрянский, Древнерусские княжеские жития, тексты, стр. 55, в Чт. в Общ. ист. и др. росс., 1915, кн. 3); редакция эта появилась, по определению Серебрянского, во второй половине XIII или не позже начала XIV в. (ор. с., стр. 115).

[2] Так, например, по Юань-ши (официальная китайская летопись) в 1253 г. «князь Бату прислал Тобци просить у хана (императора) 10 тыс. слитков серебра (около 110 тыс. руб. серебром) на покупку жемчугу. Хан дал только тысячу слитков...» и т. д. (Иакинф, ор. с., 1829, стр. 319); см. Gaubil, Histoire de Gentschiscan, p. 140—144, и в Китайской истории Ганьму, в изложении Каменского (не изд.): «При Мунгальском дворе татарин Ахама (Ахмет) был главным сборщиком государственных в Западе оброков, кои прямо относятся к императору» (Китайская история Тунь-дзянь-Гань-му, «перевод сделан Каменским», Рукоп. отд. Гос. публ. библ. им. Салт.—Щедр. № F. IV. 192); это было при Хубилае; о «бесурменине», приехавшем от Хубилая на Русь, см. ниже.

[3] Лэн-Пуль, ор. с., стр. 179; Иакинф, ор. с., стр. 290, 295.

[4] D'Ohsson, Histoire des mongols, t. II, 1834, стр. 189; Иакинф, ор. с., 292, 293.

[5] D'Ohsson, II, 189—190; Иакинф, ор. с., 281—282.

[6] D'Ohsson, II, 190; Histoire générale de la Chine ou annales de cet empire; traduites du Tong-kien-kang-mou, par... Mailla, t. IX, Paris, M. DCCL. XXIX, 237—238.

[7] D'Ohsson, II, 266.

[8] D'Ohsson, III, 125—127; ср. ibid., II, 265.

[9] «Монголы называли магометан sartol. Это слово, как и название саррацины, происходит от арабского sharki—«восточный». Ср. Rockhill» (примеч. Малеина к Рубруку, стр. 192).

пересчитал и наложил на них дань шкурами.[1] Северо-восточные летописные своды не сохранили упоминаний об этом перечислении. Имело ли это перечисление местный характер и пришли ли вслед за ним на Северо-восток какие-либо ордынские чиновники, — сказать трудно; во всяком случае, известия за эти годы о «баскаках» (монгольских военачальниках, которые держали «в повинении покоренное население») относится только к Южной России.[2]

Появление военно-политической организации в Северо-восточной Руси последовало, согласно нашим летописным сводам, вслед за переписью 1257 г.

«Исчисление народу в России» в 1257 г. находилось в известной связи с общеимперскими мероприятиями, предпринятыми в царствование императора Менгу (1251—1259), возведенного на престол после смерти Гуюк-каана. В Китае и в Трансоксиании (1250—1251), а вслед за тем и в Иране (1251—1253) был введен налог (в Трансоксиании и Иране, как известно, он был поголовным), пропорциональный силам плательщиков.[3] Решение о реформе подат-

[1] См. Плано Карпини, История монголов, пер. Малеина. СПб., 1911, стр. 33. Немного выше П. Карпини говорит: «Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся... И вот чего Татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества» (ibid., стр. 33); (ср. Воскр. л., под 1238 г.: «тоя же зимы приидоша отъ восточныя страны на Рязаньскую землю, лѣсомь, безбожнии татарове съ царемь Батыемь... и оттолѣ (с Онузы А. Н.) послаша послы своя, жену чародѣицу и два мужа с нею, ко княземь Рязаньскимъ, просяще у нихъ десятины во всемъ: во князехъ, и въ людехъ, и въ конехъ, 10-е в бѣлыхъ, 10-е въ вороныхъ, 10-е въ бурыхъ, 10-е въ рыжихъ, 10-е в пѣгыхъ».

[2] См. в Ипат. л., под 1255 г., о пленении «баскака» Львом: «приѣхаша Татарѣ ко Бакотѣ и приложися Милѣй к нимъ, Данилови же пошедшу на войну на Литву, на Новъгородокъ, бывшю роскалью, посла сына си Лва на Бакоту, посла Левъ дворьского перед собою; изъѣхавше яша Милѣя (и) баскака». Бакота — город в «Понизьи» (Юго-западной Руси). См. Н. Барсов, Материалы для историко-географ. словаря России, Вильна, 1865, стр. 3; см. А. Крылов, Населенные места Подольской губ., Каменец-Подольск, 1905, с. Бакота, Ушицкого у., в 40 в. от уездного города. См. у П. Карпини о разрушении по указанию «башафа» (баскака) какого-то города «в земле Команов» (т. е. половцев, тюрков-степняков): «башафов (baschathos), или наместников своих они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город или землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят, без ведома жителей, по приказу того правителя, которому повинуется упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле Татар, с одним городом, который они сами поставили над Русскими в земле Команов» (Карпини, изд. 1910 г., стр. 34).

[3] D'Ohsson, II, 262, 263—266; III, 127. «Cette proposition ayant été approuvée, le maximum de l'impôt personnel en Perse fut fixé à sept dinars, et le minimum à un dinar; tandis que, dans la Chine et dans la Transoxiane, les plus pauvres étaient taxés à une pièce d'or et les plus riches à quinze (Raschid). Selon Djouveini en Chine et dans la Transoxiane les plus imposés payaient dix pièces d'or, et les moins imposés en payaient une» (op. c. II, 263); «la taxe sur le bétail, appellée countchour, fut fixée à une tête

ного дела повело за собою новые переписи в империи. В 1252 г. была учинена «перепись народу китайских земель».[1] В 1253 г., по возвращении из Монголии правителя Ирана — Аргуна, произвели перепись в Иране.[2] Одновременно решено было при дворе произвести перепись и в пределах России: в 1253 г., как сообщает официальная китайская история Юань-ши, император отправил Бицик-Берке сделать «исчисление народу в России».[3] Едва ли можно сомневаться, что это был тот самый Берке или Беркай, который, по словам Новгородской летописи, был одним из главных «численников», прибывших в 1258 г. (1259) в Новгород для переписи населения.[4] В Юань-ши (99 цз.) мы находим именно форму «би-чже» в значении «секретарь».[5] Армянский историк XIII в. Киракос (1201—1272) переводит «бичикчи» (бицикчи) словом «писец»[6].

---

par cent de chaque espèce, et ceux qui possédaient moins de cent pièces en étaient exempts (ibid., 264). «После сего, — читаем в Юань-ши (1251), — при дворе введены новые постановления, которых требовали обстоятельства времени. Хан приказал отобрать все печати, которые придворными чинами или князьями без разбора были выдаваемы» (Иакинф, ор. с., 308).

[1] По Юань-ши; см. Иакинф, ор. с., 316.

[2] D' Ohsson, III, 128; ср. К. П. Патканов, История монголов по армянским источникам, в. II (из истории Киракоса), СПб., 1874, стр. 78; по Киракосу, Аргун был отправлен произвести перепись в 703 г. (1254—1255) армянской эры; ср. К. П. Патканов, История монголов Магакии, XIII в., СПб., 1871, стр. 23—24. Имеются указания, что за единицу при переписи (в Армении, Грузии, Агвании и окрестных областях) брали мужского пола душу (см. Патканов, ор. с., в. II, стр. 78 (из истории Киракоса); M. Brosset, Histoire de la Géorgie, p. 1, l. 2, 1850, стр. 552); данные о том, что брали за единицу при переписи населения в Грузии противоречивы (см. Brosset, ор. с., стр. 551).

[3] См. Иакинф, ор. с., 319; И. Беляев, Лекции по истории русского законодательства, М., 1879, стр. 271.

[4] См. Новг. I, 1259; Рог., 1259; E. Bretschneider, Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources, v. II, London, 1910, p. 80, примеч. 840. «Тои же зимы приѣхаша оканьнии Татарове сыроядцы Беркай (Берка) и Касачикъ с женами-своими и инѣх много», и далее: «И бысть заутра съѣха князь с Городища, и оканьнии Татарове с нимь. И злыхъ свѣтомь яшася по число» (Новг. I, 1259). «Того же лѣта приидоша изъ Орды въ Новъгородъ Берка и, Кацикъ десятины просити и выгнаша ихъ не давше» (Рог., 1259); ср. Новг., I, 1257 г.; Касачик (Кацикъ ?), может быть, — численник, посланный от Батыя, на ряду с Берке, который был отправлен императором; по крайней мере об отправке Касачика вместе с Берке Юань-ши не упоминает; ср. у Киракоса о том, что в 703 г. (1254—1255) армянской эры «Мангу-хан и великий военачальник Бату отправили сановника Аргуна... и другого вельможу из Орды Бату, Тура-Ага, со многими другими чиновниками — произвести перепись...» (Патканов, II, 78). Кацика (имя человека) значит собачка. Солонское «речение»; на китайском — «хэ-си» (прибавление из Исторического словаря династии Гинь; Иакинф, ор. с., 395).

[5] А. И. Иванов и Н. Веселовский, Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши; Зап. разряда военн. археологии и археографии Русск. военно-истор. общ., т. III, П, 1914, стр. 22; Bretschneider, II; ср. Quatremère, ор. с., (Raschid-ed-din), стр. 297; «le bitketchi (secrétaire), qui était un des principaux émirs».

[6] Патканов, II (Киракос), 49; ср. Hammer-Purgstall, Gesch. der Gold. Horde, Pesth, 1840, стр. 240.

В Иране «битикчи» (бицикчи) выступали при Гассане как раз в роли численников.[1]

В 1257 г., когда, согласно нашим летописям, приступили к переписи в России, император, по словам Юань-ши, назначил в Россию сына своего зятя — Китата[2] на должность даругаци;[3] в их обязанность в провинции, помимо общего надзора за ходом дел по праву хранителей печати, входили: перепись населения, сбор дани и доставка ее ко двору.[4] Наши сведения о том, как производили перепись, дают основание предполагать, что за единицу считали не мужскую голову, а дом или семейство подобно тому как это издавна было принято в Китае.[5]

---

[1] D'Ohsson, IV, 380 и др. (Raschid); «il (Gazan) ordonna l'envoi dans chaque province d'un Bitiktchi chargé de dresser un état de toutes ses communes, et de réparitir les impôts d'après le dernier recensement, en ayant soin que les impositions soient modérées... Les Bitiktchis allèrent dans les provinces, levèrent le cadastre de chaque commune, et en fixèrent les impositions» (ibid., 380); см. также стр. 375. Ср. Hammer-Purgstall, Geschichte der Ilchane, в. II, Darmstadt, 1843, стр. 171. Как видим, «исчисление народу в России» началось не сразу вслед за отправлением Бицик-Берке в Россию. Батыя уже не было в живых; он умер в 1255 г. (653 г. — 10 февр. 1255 г. — 19 янв. 1256 г.); сын его Сартак, утвержденный императорским приказом главою улуса Джучи, правил, вероятно, менее года (См. Лэн-Пуль, ор. с., Тизенгаузен, II, рукоп. б. Аз. муз., III, 295); к осуществлению императорского распоряжения о переписи приступили, таким образом, когда золотоордынским князем был уже несовершеннолетний Улагчи, поставленный по приказу императора во главе джучидских владений после смерти Сартака (см. Лэн-Пуль; Тиз., II).

[2] Китат (имя человека) значит: Китай и китаец. Монгольское «речение». На китайском — «ци-дай, ци-да-дай» (см. Иакинф, ор. с., показание древних имен и названий, исправленных в историческом словаре династии Юань, стр. 368).

[3] По Юань-ши, в 1257 г. «Китата, сына ханского зятя Ринциня (император), назначил в должность Даругаци в Россию» (Иакинф, ор. с., 331).

[4] «Кроме общего надзора за ходом дел, по праву хранителя печати, дарухачи в провинциях имел еще другие обязанности или права, упоминаемые в Юш. (цз. 7, 16), а именно: 1) перепись жителей; 2) набор войск из туземцев; 3) устройство почтовых сообщений; 4) собирание податей и 5) доставление ко двору дани (говорится о дорухачи в Аннаме как внешнем владении)» (примеч. арх. Палладия к «старинному монгольскому сказанию о Чингис-хане» — Юань-чао-ми-ши, Труды чл. Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 256).

[5] По китайской истории Ганьму, когда было решено (в 1236 г.) учинить перепись народонаселению в Китае, «все чины просили, чтобы каждого совершеннолетнего мужчину считать за дом; но Елюй-Чуцай воспротивился сему. Тогда единогласно сказали ему: «В нашей державе, равно и в западных царствах, везде один совершеннолетний считается за дом. Как можно, оставя уложение великой державы, принять систему царства погибшего?» Елюй-Чуцай сказал на сие: «От древних лет, как существует Китай, никогда одну мужскую душу не считали за дом. Но если в самой вещи принять сие, то успеем собрать подати только за первый год, а потом все разбегутся». Монгольский государь принял мнение Елюй-Чуцая, и Хадаху представил монгольскому государю перепись, по которой оказалось 1 040 000 семейств, или домов» (Иакинф, ор. с., 264). Как видим, во время переписи 1236 г. в Китае принимали за податную единицу, следуя древнему китайскому обычаю, «семейство, или дом» (а не мужскую голову); как было во время последующих переписей в Китае, — мы

Численники ушли, но оставили на территории русского Северо-востока какую-то организацию, смысл которой остается до сих пор неразгаданным в нашей историографии. Летопись сообщает, что численники «исщетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Мюромьскую... и идоша в ворду». Летопись ничего не говорит, что вместе с этими лицами командного состава, начиная с десятника, пришли бы на Русь и монгольские солдаты; она ясно говорит только, что пришли десятники, сотники, тысячники и темники. Если мы примем во внимание, что на обязанности даругаци, на ряду с организацией переписи, податного дела и устройства почтовых сообщений, лежал набор войск из местного населения, то поймем,

---

не знаем (1252 г. и др.). Материал свидетельствует, повидимому, что этот же принцип был принят и во время ордынской переписи в России. Новг. I л. прямо говорит, что численники начали ездить по улицам «пишюче домы христьяньскыя» («и почаша ѣздити оканьнии по улицамъ, пишюче домы христьяньскыя», Новг. I, 1259). Это известие служит как будто указанием, что за счетную единицу численники брали дом или семейство. Последнее подтверждается текстом жалованной грамоты рязанского великого князя Олега Ивановича Ольгову монастырю (1356—1387), где население погостов, перешедших к монастырю, исчисляется не по количеству людей (или мужских голов), а по количеству «семей» (тогды дали святой Богородици дому 9 земль бортных, а 5 погостов, Песочна, а въ ней 300 с е м и й, Холохолна, а въ ней полотораста с е м и й, Заячины, а въ ней 200 с е м и й, Веприя 200 с е м и й, Заячковъ 100 и 60 с е м и й (А. И., I, № 2).

В Китае и Трансоксиании и в Иране в 1250—1253 гг. было установлено, как мы говорили, взимание налогов соразмерно силам плательщиков (о величине этих налогов, изменявшейся соразмерно имущественному положению тяглецов, — по Рашиду и Джувейни, — см. выше, стр. 12, примеч. 3). Был ли распространен татарами этот принцип (посильности) обложения и на Россию?

В 1257 г. татарские послы, по рассказу Новг. л., по приезде в Новгород, «почаша просити десятины и тамгы, и не яшася Новгородци». В 1259 г., по приезде в Новгород, татары, еще до начала переписи (судя по ходу изложения летописного рассказа), производили какой-то побор, брали «туску»: «и по волости много зла учиниша, беручи т у с к у оканьнымъ Татаромъ» (Новг. I). (Не побор ли это в пользу численников?).

Может возникнуть предположение, не было ли требование «тамги и десятины» в 1257 г. просьбой дать предварительный побор. Это предположение, впрочем, представляется нам мало вероятным: что такое «туска», мы не знаем и во всяком случае нет основания предполагать под этим термином «тамгы и десятины». Вернее, что просьба дать «тамгы и десятины» была просьбой дать «число» и согласиться платить «тамгы»; на эту просьбу «не яшася новгородци» (Новг. I, 1257); в 1259 г., когда етали грозить на Новгород походом («аже не иметеся по число, то уже полкы на Низовьскои земли»),—«яшася Новгородци по число» (Новг. I). В таком случае «десятину», т. е. побор, соразмерный имуществу тяглеца, татары должны были получить в результате переписи. Напомним, что весть о том, что татары хотят «тамгы и десятины», пришла в Новгород (Новг. I) «изъ Руси», т. е. из Северо-восточной России (Новг. I, 1261), где как раз приблизительно в это время началась перепись (Лавр., 1257). Возможно, что «десятиной» летописец называет ордынскую «дань». Летопись вместо «тамгы и десятины» прямо говорит о дани: татары «почаше просити д а н и, и не яшася по то новгородци» (Новг. IV, 1257); ср. в ярлыке Менгу-Тимура: «Д а н ь ли или иное что ни боудеть т а м г а, поплоужное, ямъ, воина...»

Далее, под 1259 г., в Новг. I л., после сообщения о начале переписи, сказано: «творяху бо бояре себѣ легко, а меншимъ зло». В этом можно, на

что сын императорского зятя приехал не только для того, чтобы руководить переписью, но и для того, чтобы наладить в завоеванной провинции какую-то постоянную военно-политическую организацию. Дело в том, что монголы составляли, как известно, отряды или полки из иноплеменных народов, например киданей, тюрков и других, назначением которых было не только заменять в войсках и сражениях войска монгольские, но и держать в повиновении покоренные народы.[1] Командный состав (т. е. десятники, сотники, тысячники, темники) полков, набиравшихся из населения завоеванных областей, приходил обычно из страны завоевателей и состоял из собственно татар или монголов.[2] Монгольские воеводы, по арх. Палладию, командовавшие такими отрядами, назывались в Монго-

---

первый взгляд, видеть указание на «одинаковую для всех подать после переписи, подать поголовную»; так, по крайней мере, понимает дело Н. Чечулин (см. «Начало в России переписей и ход их до конца XVI в.», Библиограф, 1889, № 2). Известие это можно, однако, понять и иначе и видеть, в данном случае, указание на злоупотребление бояр при переписи имущества; так и понимал, повидимому, это место летописного рассказа К. А. Неволин (см. «Об успехах госуд. межевания в России до императрицы Екатерины II». Соч., т. VI, СПб., 1859, стр. 448). В пользу последнего предположения говорит, во-первых, то, что бояре принуждены были содействовать татарам в переписи: «и повелѣ князь стеречи ихъ сыну посадничю и всѣм дѣтемъ боярьскым по ночемъ», и далее: «вятшии велят ся яти меншим по числу» (Новг. I) и, во-вторых, слова того же летописного рассказа (несколькими строками ниже), вслед за сообщением о переписи: «зане навелъ бог за грѣхы наша ис пустыня звѣри дивияя ясти силных плъти и пити кровь боярьскую» (Новг. I, 1259). Итак, возможно, что, «пишюче домы», численники описывали имущество и при переписи имелось в виду обложение, соразмерное силам плательщиков. Ср. С. Б. Веселовский, Сошное письмо, II; М. А. Дьяконов, Русск. истор. журнал, кн. 2. Ср. в сборнике Кирши Данилова, стр. 13: брал «дани невыходы царски невыплаты с князей брал по сту рублевъ, съ бояръ по пятидесятъ, съ крестьянъ по пяти рублевъ...» и т. д.

О переписи 1275 г. знаем только следующее: «того же лѣта бысть на Руси и въ Новѣгородѣ число второе изо Орды отъ царя, и изочтоша вся, точию кромѣ священниковъ и иноковъ и всего церковного причта» (Никон. л.).

[1] См. Труды чл. Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, стр. 255, примеч. (641) арх. Палладия.

[2] Монах Юлиан, посланный в Восточную Европу перед самым нашествием татар на Северо-восточную Русь и посетивший, между прочим, Суздальскую землю, а также области, уже опустошенные татарами, писал следующее: «Taliter autem cuneum suum ordinant, quod decem hominibus unus Tartar praeest, iterum centum hominibus unus centurio. Hoc ideo tali astutia factum est, ne exploratores supervenientes possint inter eos aliquatenus latere, et si forte contingeret numerum eorumdem dominui per bellum, posset restitui sine mora, et populus collectus ex diversis infidelitatem aliquam non possit facere», Regesta ... Bohemiae et Moraviae, opera C. Erben, p. 1, 600—1253, Pragae, 1855, стр. 475; Hormayr Gold.Chronik, II, p. 67; см. также Wolff, op. c., стр. 272—273.

Вассальные отношения в монгольском обществе были организованы в стройную систему Чингис-ханом. Монгольская степная аристократия получала наследственные звания сотника, тысячника, темника; носящие же эти звания получали общий титул noyan, т. е. «господин», «сеньор», «военный сеньор» (см. Владимирцов, Общественный строй монголов, 1934, стр. 103—104).

лии таньмачи, а у нас — баскаки.[1] Прямые следы существования на Руси таких отрядов (составленных из туземного населения), действовавших у нас в последующие годы, мы наблюдаем в летописном рассказе о баскаке Ахмате. Этот баскак имел в распоряжении своем «отряды, которые пополнялись «людъми», сходившимися «со всех сторон», и состояли частью из «бесермен», а частью — из «Руси»; они жили в особых слободах; в одном из таких отрядов, например, переходившем из одной «слободы» Ахмата в другую, было 30 человек «Руси» и двое «бесермен».[2] Таким образом, как можно заключить из летописного известия под 1257 г. («ставиша десятники и сотники и тысячники и темники...»), с уходом численников на Руси были сформированы (набраны) особые отряды, частью из местного населения, с пришлым командным составом, которые поступали в распоряжение баскаков. Эти баскаческие отряды были поставлены в пределах земель Муромской, Рязанской и Суздальской. Последующие показания материала подтверждают наш вывод. Начиная с 1269 г. появляются известия о «владимирском баскаке», действующем «с татарами» в военных экспедициях,[3] а в послании митрополита Феогноста по поводу определения границ рязанской епархии видим обращение «к баскакам и сотникам».[4]

О дальнейшем распространении баскаческих отрядов мы сведений не имеем. Можно предположить только, что в последней четверти XIII в. баскачество было введено и в земле Смоленской. Глеб Ростиславович, как известно, подчинялся воле великого князя владимирского, получившего от хана ярлык на великое княжение, и ходил с ним в 1270 г. на Новгород, а в 1274 г. получил от Орды приказание двинуться вместе с другими князьями против Литвы;[5] вслед за тем в Смоленск начинают наезжать и требовать постоя ханские чиновники.[6]

---

[1] См. Труды чл. Росс. дух. миссии в Пекине, IV, стр. 255, примеч. арх. Палладия (641): «таньмачи были Монгольские воеводы, командовавшие полками из иноплеменных народов, например Киданей, Тюрков и других... Назначение полков таньмачи было заменять в войсках и сражениях войска Монгольские и держать в повиновении покоренные народы. У нас в России таньмачи назывались баскаками». Ср. Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, IV, 155, 159; Патканов, ор. с., II, 39—41; D'Ohsson, op. c. III, 103—104. О «баскаках» в Иране во второй половине XIII в. см. D'Ohsson, op. c., III, 191 (1256); IV, 381, 405 (при Газане); ср. Hammer, Ilchane, II, 171.

[2] Симеон и Лавр. лл.; ср. Никон. л., 1283—1284, где — позднейший текст, с прибавлениями.

[3] Никон., 1269—1270 и 1273; Новг., Соф. I, 1269.

[4] «Благословенье Феогноста, митрополита всея Руси, къ дѣтемъ моимъ, къ баскакомъ и къ сотникомъ и къ игуменомъ и попомъ...» и т. д. (1333—1353 гг.). Грамота митрополита Феогноста на Червленый Яр о принадлежности тамошнего края к рязанской епархии. Памятн. др.-русск. канон. права, ч. I, № 18, стр. 163—166).

[5] Голубовский, История Смоленской земли, 304; Новг. I, Никон. лл., 1270; Ипат., 1274.

[6] «...а на которомь подворьи стоять Немци, или гость Немьцьскии, не поставии на томь дворѣ князю ни Татарина ни иного которого посла». Смоленская Торговая Правда, Русско-Ливонские акты, 440—445; Голубов-

Только Новгород и оставался на особом положении. Судя по летописному тексту, численники не ставили там «десятников, сотников, тысячников и темников»:[1] дальнейшие события также не дают основания предполагать о существовании новгородского баскачества.[2]

Следы пребывания баскаческих отрядов сохранились, может быть, в названиях некоторых русских поселений. В пределах б. Европейской России мы встречаем целый ряд поселений с названиями: Баскаки, Баскаково, Баскачи и т. п. Топографическое распределение их на территории б. Европейской России позволяет думать, что, может быть, происхождение части этих названий связано с местопребыванием или деятельностью баскаческих отрядов или баскаков.

Мы не встретим их, во-первых, на территории, непосредственно принадлежавшей Золотой Орде, — в Поволжье (начиная с б. губерний Нижегородской и Казанской), в Кипчаке (в южно-русской степной полосе) и в Крыму.[3] Во-вторых, мы не встретим их в б. западных губерниях, т. е. в областях, лежавших за пределами золотоордынского владычества, и даже в областях, во всяком случае в части своей лежавших за пределами татарского владычества: в б. губерниях Витебской и Могилевской.[4] В-третьих, мы не найдем их под Новгородом и на территории новгородских пятин, где, как мы видели, баскаческие отряды поставлены не были.[5]

ский, op. c., 170; ср. ibid., 304, 305. Ср. у Рашид-ед-дина (D'Ohsson, IV, 405): «Tout commandant (Baschkak) partant pour son poste emmenait plus de cent familles, qui toutes se logeaient dans les maisons des particuliers...»

[1] Новг. I, 1257—1259, Лавр., 1258, и др. лл.

[2] См., например, события 1269—1273 гг. по Никон. и Новг. I лл.

[3] Так, их нет в б. губерниях: Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Астраханской; нет их также в б. области Войска Донского, в б. губерниях Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Полтавской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической (см. Списки насел. мест Российской империи, сост. и изд. Центр. стат. ком. мин. вн. дел, XXV XIV, XXXIX, XXXVI, XXXVIII, II, XII, XXX, XLII, IX, XLVI, XXXIII, XIII, XLI.

В б. Самарской губ. находим только немецкую колонию Баскаковка (см. Список насел. мест. № 1642; Семенов, Геогр.-стат. словарь, т. I); об урочище Баскак см. Доп. к А. И., II, 149. Поскольку мы пользуемся при определении территории «Списками населенных мест», — сохраняем указания на старые административные деления.

[4] См. Список насел. мест Витебской губ., изд. Губ. стат. ком., Витебск, 1906, и Список насел. мест Могилевской губ. См. также Алфав. список насел. мест Ковенской губ., изд. Ков. губ. стат. ком., Ковно, 1903; Указатель насел. мест Гродненской губ., изд. Гродн. стат. ком.; Виленская губ., полн. список насел. мест, сост. Гошкевичем, Вильно, 1905.

[5] По крайней мере в б. Петербургской и Олонецкой губерниях их нет (см. Списки, XXXVII); в б. Новгородской губ., на территории пятин, их нет; в пределах б. Новгородской губ. находим только одно село Баскаково, Череповецкого у. (Воронинской вол.), при р. Шексне, т. е., надо думать, на территории Ростовского, точнее Белозерского княжества (см. Карту новгородских пятин, К. А. Неволин, О пятинах и погостах новгородских, 1853; Список насел. мест Новгородской губ., в. IX, 1912).

Значительное большинство этих селений расположено в б. Центральной России. На территории Смоленского княжества, в б. Смоленской губ., находим Баскакова (б. Бельский уезд) — в сторону от дороги из Смоленска на Тверь (через Ржев); затем — Баскаково, недалеко от границы б. Московской губернии — по гжатскому почтовому тракту, и, наконец, Баскаково — по правую сторону р. Угры, на восток от Смоленска; к последнему селению примыкает и с. Баскаково, б. Мосальского у., Калужской губ., расположенное в юго-западной части уезда, недалеко от границы б. Смоленской губ.[1] На территории Тверского княжества находим с. Баскаково под г. Кашиным (в 10 верстах), по дороге из Углича, т. е. из Ростовского княжества, в Кашин, и с. Баскаки — приблизительно в 30—40 верстах к северу от г. Твери.[2] На территории Ростовского княжества, в одной б. Ярославской губ., обнаруживаем целую цепь селений (десять) с названиями: Баскаково, Баскачево и т. п., продолжение которой на северо-востоке составляют с. Баскаково, б. Вологодской губ., Грязовецкого у., лежащее недалеко от границы б. Ярославской губ., и с. Баскаково, б. Тотемского у., по правую сторону р. Сухоны, т. е. в направлении к Устюгу. Может быть, на территории Ростовского (точнее — Белозерского) княжества лежали также с. Баскаки, б. Новгородской губ., Череповецкого у. на р. Шексне и с. Баскаки, при речке Баскаковке, б. Весьегонского у.[3] На территории Рязанского княжества обнаруживаем с. Баскаково, б. Данковского у., и в районе рязанского порубежья—с. Баскачь в б. Тульской губ., Каширского у.; а недалеко от Тулы — с. Баскаково (Лупанье).[4] По дороге из Костромы на Суздаль находим с. Баскаково в б. Костромской губ., Нерехтинского у.;[5] на территории Суздальского княжения — с. Баскаки, в 27 верстах от Суздаля, и, наконец, на территории великого княжения Владимирского — с. Баскаки, под г. Владимиром, в 17 верстах (на восток) от города.[6]

---

[1] См. список насел. мест Смоленской губ., № 1482, 10795, 7140; Список насел. мест Калужской губ., № 3578. Ср. также о с. Баскачь, Каширского у., стана Раставского (Писцовые книги XVI в., СПб., 1877, стр. 1309—1311); ср. также о д. Баскаковой Пусто-Ржевского у. (Ак. И., II, 413).

[2] См. список насел. мест Тверской губ., № 6491, 856.

[3] См. список насел. мест Ярославской губ., № 1319, 1524, 2039, 2324, 6853, 6711, 8823, 9333, 7420, 7825; Список насел. мест Вологодской губ., № 3628, 9049; Список насел. мест Новгородской губ., в. IX, изд. 1912 г.; Список насел. мест Тверской губ., № 2126. Об углицкой д. Баскача см. А. А. Э., I, 9, 41; Акты юрид. быта, I, 93; ср. также о земле Баскача в Закубенье (вероятно, по дороге от Белоозера на Устюг): Доп. к А. И., I, 13. См. также о с. Баскаково б. Костромской губ. Макарьевского у.: Сп. насел. мест Костр. губ., № 8091.

[4] Список насел. мест Рязанской губ.; Список насел. мест Тульской губ., № 2588, 1064.

[5] Список насел. мест Костромской губ., № 8479.

[6] Список насел. мест Владимирской губ., № 5222, 67. На остальном пространстве Европейской России мы нашли только три села Баскакова в Закамских землях: одно — в Соликамском у., недалеко от р. Камы, в 39 верстах от уездного города, см. Списки насел. мест, XXXI, № 6438 (ср. в Новг.

Баскак «владимирский» (Амраган) назывался «великим», очевидно, в отличие от других баскаков, ему подчиненных.[1] Об этом, с одной стороны, свидетельствует текст летописи Новгородской, в составе Софийской I и Новгородской I летописей, с другой стороны — текст Тверского свода, в составе Никоновской летописи.[2] Другие баскаки, повидимому, держали баскачество разных княжений, если судить по тому, что Ахмат, согласно летописному рассказу, «держал баскачество»Курского княжения.[3] Не сохранилось сведений, сколько их было, и указаний на те города или княжения, в которых они сидели. Отметим только, что в Ростовском владычном своде имеем случайное упоминание о смерти (ростовского?) баскака Кутлубуга.[4] В чем же выражалась деятельность баскаков в Северо-восточной Руси и какое назначение выполняла эта организация? По своему значению баскаческие отряды заменяли, в сущности, войска монгольские.[5] В 1269 г. великий князь Ярослав Ярославович, «сдумавъ с новгородци», стал копить против немцев на Низовской земле рать; собрав «всѣхъ князей», он привел их в Новгород; вместе с русскими князьями прибыл и «великий баскак владимирский» Амраган и зять его Айдар «со многими татары». С прибытием баскака и «татар» война против русских означала, очевидно, войну против Золотой Орды. Узнав о прибытии баскака и татар, немцы, «устрашишася и вострепетавше, присланa съ великимъ челобитьемъ и со многими дары послы своя, и добиша челомъ на всей воли его,

---

I л., 1332 г.: «великый князь Иванъ приде изъ орды и вьзверже гнѣв на Новъгородъ, прося у нихъ серебра Закамьского»), и два — в Уфимской губ., к западу от тракта Уфа — Бирск (причем одно из них — Понамарева-Баскакова; см. Список насел. мест, XIV, № 207, 1543, в земле башкир [?]); затем — с. Баскачаны в Бессарабской губ., Хотимского у., при р. Пруте, приблизительно в 40 верстах от с. Бакоты (ср. в Ипат. л., 1255 г., о баскаке— у г. Бакоты); и, наконец, — с. Баскаково (Орламское) в Псковской губ. и у., в 60 верстах от города, повидимому у б. границы владений Ливонского ордена (см. Списки насел. мест, XXXIV, № 1825).

[1] Секретная история династии Юань (Юань-чао-ми-ши) говорит, что Угедей оставил в Иране «Чормаханя и других в качестве таньмачи» (Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, IV, 155). По словам Киракоса, Чармаган (Чормахан) был «главный военачальник их»; другие, по смыслу текста, должны были ему подчиняться (Патканов, II, 39—41; ср. D'Ohsson, III, 103—104 и др.); эти военачальники, подчиненные «главному» таньмачи, сидели по разным городам или округам: см. Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, IV, 159; «во всех городах для хранения их поставил таньмачи»; ср. D'Ohsson, III, 104: «il tuaient les préfets que Tchormagoun, à son passage, avait placé dans les districts de cette province, et recherchaient ceux qui s'étaient attachés aux Mongols (Djouvéini)»; ср. стр. 191.

[2] Новг. I и Соф. I лл., 1269; см. Никон. л., 1269, 1273 гг.; ср. А. Н. Насонов, Тверские летописные своды (ДАН СССР 1926); его же, Летописные своды Тверского княжества (Изв. Акад. Наук СССР, 1929).

[3] Симеон., 1283.

[4] Акад. л. (список Моск. дух. акад., № 5/182) под 1305 г.: «того же лѣта преставися баскакъ Кутлубугъ»; ср. А. А. Шахматов, Ермол. л. и Рост. влад. свод.

[5] Ср. Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, IV, 255, примеч. арх. Палладия (641).

и всѣхъ издариша и великого баскака и всѣхъ князей Татарскихъ и Татаръ; зѣло бо боахуся и имени Татарского».[1]

Можно догадываться, что основной обязанностью баскаков была служба внутренней «охраны». Они должны были «держать в повиновении» покоренное население. В самом деле: в 1273 г., когда новгородцы не пожелали принять на Новгородский стол великого князя Василия Ярославовича, поставленного на великое княжение ханом, баскаческие отряды приняли участие в военных экспедициях против Новгорода, в результате которых новгородцы принуждены были принять Ярослава.[2] Ханские ярлыки не оставляют сомнения в том, что баскаки имели ближайшее отношение к сбору налогов.[3] Нет указаний, однако, чтобы в их постоянную обязанность входил сбор налогов. Ярлыки перечисляют чиновников, ведавших сбор ордынских податей: даньщиков, поплужников, таможников.[4] Ахмат собирал дань, согласно тексту летописи, не по обязанности баскака, а по праву откупщика, поскольку он откупал сбор дани у ордынской администрации.[5] Вернее предположить, таким образом, что обязанность баскаков заключалась не столько в сборе дани, сколько в поддержке сборщиков, особенно когда требовалось вмешательство военной силы. Напомним, что неуплата дани (как явствует из летописного рассказа под 1270 г.) рассматривалась как неповиновение власти хана и служила достаточным основанием для вмешательства ордынских войск.[6]

---

[1] Никон., 1269; Новг. I л. также говорит, что немцы, «увѣдавше», прислали послов «с молбою: «кланяемся на всеи воли вашей, Норовы всеи отступаемся» (Новг. I, 1269).

[2] Никон., 1273: «князь велики Василей Ярославичь... съ великимъ баскакомъ Володимерскимъ Иаргаманомъ, и со княземъ Айдаромъ и съ многыми Татары царевыми воеваша Новгородцкиа власти... Того же лѣта князь велики Тферский Святославъ Ярославичь... иде съ Татары царевыми и воеваша Новгородцкиа власти»; ср. А. Насонов, Тверские летописные своды и Летописные своды княжения Тверского (ИАН, 1930, стр. 769).

[3] См. в ярлыке Менгу-Тимура: ...и от попов и отъ черньцев ни дани и (—и) ни иного (—го) чево (=чьего) ни хотять ни възмоуть баскаци княжи писци поплоужникы (=и) таможници...» (Приселков, Ханские ярлыки, тексты, стр. 98; С. Г. Г. и Д., 11)

[4] См. там же: «Менгоути (=е) меро (=ь) во слово людьскым баскакомъ и княземъ и пол (+ъ) чнымъ княземъ и г (=к) данщикомъ и к писцемъ и к (+ и къ) мимояздящимъ послом...» и далее: «...баскаци княжи писци поплоужникы (=и) таможници...» (см. Приселков, ор. с.). Князья, упоминаемые в ярлыке, конечно, князья Орды, а не русские князья. О князе (بک) и княжем писце или княжем «битекачи» (بک بیتکاچی) см. у Березина, Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева (Труды вост. отд. Арх. общ., ч. VIII, 1864, стр. 445, 457). Ср. И. Д. Беляев, О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках, Архив истор.-юрид. сведений, изд. Н. Калачевым, кн. I, М., 1850, стр. 108.

[5] Симеон., 1283: «откупаша у Татаръ дани всякиа...» и т. д.

[6] В 1270 г. Ярославу, чтобы получить войско из Орды, пришлось представить царю дело так, будто новгородцы отказались платить ордынскую дань; см. Новг. I л.: «Уже бо бяше царь отпустилъ рать на Новъгородъ по Ратиборову лживому слову, рече бо Ратиборъ царю: «Новгородци тебѣ

Внутренняя «охрана» завоеванной провинции являлась, надо думать, ближайшей задачей баскаческих отрядов. Недаром они появились тогда, когда настоятельно требовались средства «охранения». Осторожные и отрывочные сообщения сводов «Суздальской земли» ничего не говорят о том, как был встречен населением приезд численников, и только откровенный и пространный рассказ Новгородской летописи заставляет думать, что далеко не везде и на Низу перепись прошла благополучно. Уже одно только известие из Низовской земли о намерениях татар произвело в Новгороде переполох: «Приде вѣсть изъ Руси зла... смятошася люди чересъ все лѣто» (Новг. I, 1257). Когда в город приехали татарские послы, население, на просьбу дать «тамгы и десятины», ответило отказом. Новгородский князь Василий, сын Александра Невского, бывший на стороне населения, «побѣже въ Пльсковъ» (т. е. в Псков).

Александру Невскому волей-неволей пришлось вместе с татарами усмирять взбунтовавшихся. Он вывел сына (князя Василия) из Пскова и послал в Суздальскую землю, «а Александра (повидимому — новгородца) и дружину его казни: овому носа урѣзаша (т. е. татары, см. ниже), а иному очи выимаша, кто Василия на зло повел».[1] Когда, год спустя, вновь приехали татары, уже в более значительном количестве, собираясь произвести исчисление, с ними прибыли князья — Александр Невский, Борис и Андрей, посетившие предварительно ставку хана.[2] Снова в городе, по рассказу летописца, начался «мятежъ великъ»; и «чернь» упорно не хотела «дати числа». Опасаясь нападения, татары даже обратились к Александру с просьбой дать им сторожей — «ать не избьють насъ»; и великий князь «повелѣ... стеречи ихъ сыну посадничю и всѣмъ дѣтямъ боярьскымъ по ночемъ».[3] На другой день, «заутра», новгородцы, наконец, «яшася по число», испуганные, как кажется, угрозой — «аже не иметеся по число, то уже полкы на Низовьскои земли».[4]

Итак, до 1257 г. мы не находим никаких следов организации татарского владычества в Северо-восточной Руси. С 1257 г., вслед

не слушають; мы дани прошали тобѣ, и они насъ выгнали, а инѣх избили, а домы наша розграбили, а Ярослава бещьствовали»; ср. те обвинения, которые новгородцы предъявили Ярославу (Никон. и Новг. I лл., 1270).

[1] Отрезание частей тела, повидимому, практиковалось татарами в разных случаях. Так, по Джувейни, во время Батыева нашествия после взятия одного города монгольские царевичи «отдали приказание отрезать (убитым) правое ухо. Сосчитано было 270 000 ушей» (цифра, возможно, сильно преувеличена). (Тизенгаузен, II, рукопись).

[2] Новг. I, 1259 и Лавр., 1257: «Поѣхаша князи в Татары, Александръ, Андрѣи, Борисъ: чтивше Улавчѣя, приѣхаша въ свою отчину»; под 1258 г.: «Того же лѣта поидоша князи в Татары, Олександръ, Андрѣй, Борисъ, Ярославъ Тфѣрьский; чтившие Улавчия и вся воеводы, и отпущени быша въ свою отчину... то же зимы приехаша численици в Володимерь и поидоша численици и князя к Новугороду Великому, Александръ, Андрѣй, Борис, ищтоша и поехаша опять в Володимерь...»

[3] Новг. II, 1259.

[4] Ibid.

за «исчислением народа», были поставлены на Северо-востоке отряды, находившиеся в распоряжении баскаков, для «охранения» завоеванной провинции. Владимир попрежнему считался стольным, великокняжеским городом, владимирский князь — великим князем; на ряду с ним появился теперь «великий баскак владимирский», но то, что мы знаем о нем, в связи с событиями того времени, ничего не говорит о попытках с его стороны руководить «великим княженьем», умалить действие великокняжеской власти: в 1269 г. он идет вместе с полками, собранными великим князем, «на Нѣмци». В 1270 г., после личных столкновений великого князя с новгородцами, он не препятствует вызывать из Орды рать на Новгород, хотя посол великого князя, чтобы вызвать из Орды войско, прибегает к неправильному доносу; когда же новгородские послы объясняют хану настоящую причину столкновения их с великим князем, хан приказывает вернуть войско обратно;[1] наконец, в 1273 г., когда новгородцы отказываются принять князя, вновь посаженного ханом на великокняжеский стол, он принимает участие в военных экспедициях против Новгорода.

Не видим мы со стороны Орды, в первые десятилетия владычества, попыток изменить и основное направление «внешней» политики Владимирского стола. Интересы Батыя и его ближайших преемников (Сартака, Улагчи) побуждали Орду итти навстречу общерусским притязаниям владимирского князя, поддерживая последнего в его соперничестве с черниговским князем; интересы эти обусловливались опасностью, грозившей владычеству монголов с Запада, и той позицией, которую занял по отношению к Орде черниговский князь Михаил. В условиях ига получила неожиданное завершение старая борьба за Киев и за преобладание на русской равнине между княжеством Черниговским и великим княжеством Владимирским, продолжавшаяся, как мы видели, со второй половины XII в.

В 1237/38 г., в год татарского нашествия, Киев был покинут Ярославом и, вслед за тем, занят Михаилом Черниговским. В том же году к Михаилу прибыли татарские послы, очевидно с предложением войти в соглашение с Ордою. Михаил их «не послушал», но встретиться с татарским войском все же побоялся и вскоре (в 1239 г.) из Киева убежал в Венгрию. Киев занял сначала Ростислав Мстиславович Смоленский, а затем Даниил Галицкий, посадивший в городе тысяцким Димитрия, которому и пришлось выдержать осаду монгольского войска. Михаил между тем из Венгрии бежал в Польшу, а оттуда к Даниилу Галицкому. Даниил, посоветовавшись с братом, обещал Михаилу Киев. Но черниговский князь, боясь татар, остался при Данииле в его земле, где его приняли на содержание, а когда Киев был взят, поехал в Польшу.[2] Только после того, как

[1] Новг. 1, 1270; ср. Никон. л.

[2] Ипат., 1238; ср. Strakosch-Grassman, op. c., 6. О хронологии Ипат. л. см. Грушевский, Хронологія подій Гальицько-Волинської літописи, 1901.

пришла весть, что иноплеменники «сошли суть и(зъ) землѣ Рускоѣ», он вернулся к Киеву и поселился под городом «во островѣ». [1] Но зимою 1242/43 г. монгольское войско двинулось обратно на восток; и Михаил перебрался в Чернигов, откуда проехал за рубеж в Венгрию.[2] У Михаила, находившегося одно время в тесной связи с галицким князем, выработалась, таким образом, известная общность с ним в тактике по отношению к Орде; в 1245 г. Батый захотел распространить взимание ордынской дани и на Галичскую землю (см. в Ипат. л., 1250 г.: «и дани хотять...» и т. д.). К Даниилу приехал от Могучего (Мауци) татарский посол с требованием Галича: «Прославшу же Могучѣеви посолъ свои к Данилови и Василкови, будущю има во Дороговськы: «дай Галичь» (Ипат., 1250). Даниил принужден был поехать к Батыю.[3] На пути галицкий князь застал другого татарского военачальника Куремсу (Коренца), по летописному рассказу, на левой стороне Днепра, за Переяславлем.[4] Вслед за тем Куремса перешел, имея, согласно тому, что слышал Карпини, 60 тысяч вооруженных людей, на правую сторону Днепра, ибо уже Карпини застал его на «русской стороне» Днепра, как он называет правую сторону, где, по свидетельству того же автора, Куремса и кочевал (по левую сторону кочевал Мауци); то же явствует и из повествования об обратном пути Карпини. [5] Таким образом, произошло передвижение на запад, что подтверждается, повидимому, и тем, что летопись в дальнейшем не раз упоминает о Куремсе, но не упоминает более о Могучем (Мауци). Передвижение Куремсы на запад нельзя не поставить в связь с нажимом татар на галицкого князя (требование: «дай Галич») и опасениями вторжений с запада. «А этот вождь, — прямо пишет Карпини про Куремсу, — является господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно и врасплох» [6]. Даниил принужден был ехать к

---

[1] Ипат., 1240.

[2] Ср. Ипат. л. под 1240 и 1245 гг. («в о з в р а т и с я Чернигову»).

[3] «Бысть в печали велицѣ, з а н е н е у т в е р д и л ъ б ѣ з е м л ѣ с в о е я г о р о д ы: и думавъ с братомъ своимъ, и поѣха ко Батыеви, река: «не дамъ полуотчины своей, но ѣду к Батыеви самъ» (Ипат., 1250). Последняя фраза заставляет предположить, что Даниил, отправляясь к Батыю, желал оттянуть время и тогда уже допускал возможность обмана в отношении к Батыю; или что в требованиях Могучего, предъявленных Даниилу («дай Галич»), дело шло о чем-то большем, чем дань; труднее всего согласуется с материалом высказанное в литературе предположение (см. Г р у ш е в с к и й, 1112, 64), что татары хотѣли передать Галич другому князю (Михаилу Черниговскому).

[4] Ипат., 1250; Карпини говорит, что Мауци был старше Коренцы (op. c., 47).

[5] К а р п и н и, op. c., 48, 60.

[6] К а р п и н и, op. c., 47. Дальнейшие показания материала подтверждают наши предположения. Мы располагаем данными для того, чтобы, во-первых, предполагать, что Куремса продолжал свое продвижение далее, к западу, и во-вторых, чтобы полагать, что в связи с этим продвижением часть земель Юго-западной Руси подпадала под непосредственную власть татар. Мы знаем, например, что еще под 1241 г. летопись упоминает о болоховских

Батыю, но по возвращении вскрылись истинные намерения Галицкого князя, когда он завязал переговоры с папой Иннокентием IV

князьях; и под тем же годом сообщает о Болоховской земле: «оставили бо ихъ Татарове, да имь орють пшеницю и проса; Данилъ же на нѣ болшую вражьду (держа), яко отъ Татаръ болшую надежду имѣаху» (Ипат.); их «оставили», т. е., вероятно, освободили от набора в войско, двигавшееся на запад. Земля эта тогда не находилась под непосредственной властью татар, судя по тому, что летопись упоминает о «болоховских князьях»; наконец, согласно летописному рассказу, татары ушли на запад; описываемые события (под 1241 г.) имели место до их возвращения с похода. С обязательством же пахать на них «пшеницю и проса» были связаны какие-то льготы: «яко отъ Татаръ болшую надежду имѣяху». Эту льготу они ожидали, очевидно, получить (или что она будет продлена) по возвращении татар с западного похода. Но уже в событиях начала 50-х гг. «болоховские князья» более не упоминаются, а говорится, что к Даниилу приходили «вси болоховци» (Ипат., 1257). С другой стороны, летописный рассказ позволяет заключить, что этот район (верхнего Побужья) подпал под непосредственную власть татар, подобно Каневу, о котором Карпини прямо говорит, что он был «под непосредственной властью татар» (ор. с. ,45). В ответ на рать Куремсы Даниил (и Лев) «воздвиже рать противу Татаромъ»; рать «противу Татаром» выразилась в том, что люди Даниила и Льва взяли Межибожие, воевали Болохов, «Побожье и люди Татарьскыя»; а весною были взяты «всѣ городы, сѣдящия за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жедечева» (Ипат., 1257). Можно думать, что новое положение перечисленных в летописи мест (об их местоположении см. в статье Н. Дашкевича, в Универс. известиях, №6, 1884 г.), подпадавших под непосредственную власть татар, стояло в связи с появлением (в конце 40-х — начале 50-х гг.) людей Куремсы в непосредственном соседстве с ними, в «поле». Под 1259 г., летопись говорит, что Куремса из-под Лучска возвратился «во станы (вар.: въ страны) своя, рекше в поле». Известен материал с данными XV в., а также второй половины XVI—XVIII вв., свидетельствующий о следах пребывания татар от Буга до Нижнего Днестра (см. проф. Ф. Петрунь, Нове про татарську старовину возькодністрянського степу, Східній світ, № 6, 1928; там же — сообщение С. Дложевського об археологическом материале Гошкевича; а также Ф. Петрунь, Степове Побужия... в Журн. научно-исслед. кафедр в Одессе, т. II, 1926). Так или иначе, но в 1420 г. Зосима из Бряслава на Буге, куда он прибыл из Киева, двинулся в направлении к Нижнему Днестру, на Белгород, и из Бряслава вышел «въ поле Татарское, и идохом 50 миль тою дорогою Татарскою, еже вовется: на Великий Донъ» (см. Н. Сахаров, Сказания русского народа, т. II, 1849, стр. 60).

Собиравшие специально сведения о политических взаимоотношениях татары не могли не знать, что болоховские князья были склонны к совместным действиям с галичанами (т. е., повидимому, с галицким боярством) и враждебны Даниилу (Ипат., 1235, 1241). В 1235 г., т. е. незадолго до Батыева нашествия, они выступали против Даниила; и при своем движении татары именно с ними вошли в соглашение, как мы выше видели (о том, чтобы пахать на татар «пшеницю и проса»). Известия 1235 и 1241 гг. обнаруживают характер социально-политической борьбы в Юго-западной Руси (а также «грабительское» поведение местных феодалов).

Видимо, татары учитывали враждебное отношение местного феодального боярства к Даниилу, опираясь на окраинные области Юго-западной Руси (юго-восточные окраины Галицко-Волынского княжества). Доказательством служат, во-первых, судьбы Бакоты в Понизьи, во-вторых — Межибожья в Побожье. В Бакоте на сторону татар переходит Милей после приезда баскака (отношения Ипатьевского и Хлебниковского списков к их общему протографу позволяют полагать, что верное чтение имеем в Хлебниковском списке, где перед словом баскака стоит союз «и»: Милея и баскака); Молчановский правильно отмечает признаки принадлежности Милея именно к местным сильным людям (см. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г., Киев,

в расчете получить от него военную помощь против татар. [1] Подобно Галицкому князю, Михаил Черниговский также не желал выражать покорность Орде и также только в 1246 г. приехал в Орду к Батыю «прося волости своей от него» (Ип., 1245; Лавр., 1246).

Между тем соперник Михаила — Ярослав Суздальский сразу же по возвращении Батыя с западного похода (в 1243 г.) приехал к нему с выражением покорности. Как видим, в интересах Батыя было выдвинуть в противовес Михаилу, занявшему неприязненную позицию по отношению к татарам, его соперника — владимирского князя и пойти навстречу общерусским притязаниям последнего. По словам летописи, Батый поставил его в положение старейшего «всѣмъ княземъ в Русскомъ языцѣ» и передал ему Киев, как князю, за-

---

1885, стр. 149—151). Как в Бакоте на сторону татар переходит Милей, так и на стороне татар и Межибожье, где ранее (еще в 1234 г.) летопись упоминает галичского боярина Бориса Межибожского, принимавшего участие в борьбе с Даниилом.

Итак, переход Болохова, Межибожья и ряда других окраинных районов Юго-западной Руси (юго-восточных окраин Галицко-Волынского княжества) под непосредственную власть татар стоял в связи, как мы думаем, с продвижением Куремсы на запад в конце 40-х — начале 50-х гг. XIII в. Вовлекая в сферу своего непосредственного влияния эти области, татары учитывали враждебное отношение местного феодального боярства к Даниилу.

[1] После возвращения из Орды Батыя Даниил Галицкий, видевшийся перед тем с миссией Карпини, «вблизи ставок Картана» (зятя Батыя), и осведомленный уже о предположении подчиниться папской власти, выразил на это предложение свою готовность через какого-то «своего аббата». Очевидно, на это известие последовала ответная булла папы (см. Н. Д а ш к е в и ч, Переговоры папы с Даниилом Галицким об унии Юго-западной Руси с католичеством, Универс. известия, 1884, № 8, стр. 159; К а р п и н и, ор. с., 61), в которой он, «склоняясь на просьбу» князя, принимал его и «его царство» под «покровительство св. Петра» (Historica russiae Monumenta, т. I, изд. А. И. Тургенева, СПб., 1841, № LXII, стр. 57). На обратном пути, таким образом, миссии не пришлось уже уговаривать братьев (Даниила и Василька), и после совещания «между собою, с епископами и другими достойными уважения людьми» они, по словам Карпини, ответили, «что желают иметь господина папу своим преимущественным господином и отцом, а святую римскую церковь владычицей и учительницей», и отправили с ними к папе «свою грамоту и послов» (К а р п и н и, ор. с., 61). Иннокентий IV получил в то же время ответное насмешливое и вызывающее послание Гуюк-каана (подлинник этого письма, написанного на персидском языке арабскими письменами, не так давно открыт в Ватиканском архиве; он опубликован акад. P. Pelliot; см. P. P e l l i o t, Les Mongols et la papauté, Paris, 1923, extrait de la Revue de l'orient chrétien) и убедился, что домогаться преданности монгольского владыки и обращать его в католичество — дело почти безнадежное и что опасность монгольского нашествия отнюдь не миновала (каан писал, между прочим, что силою бога вся территория земли им определена, и «теперь, — обращался он к папе и к королям, — вы должны сказать с открытым сердцем: мы будем [вашими] подданными; мы [вам] отдадим нашу силу. Ты лично во главе королей, все вместе, без исключения, приходите к нам предложить службу [«service»] и признание своей вассальной зависимости [«hommage»]»]; с тем большей радостью отнесся он к возможности распространить свою власть на Востоке через посредство русского князя и получить от него сведения о намерениях татар. Принимая покровительство папы, Даниил имел в виду получить военную помощь через Иннокентия IV для борьбы с татарами (Ипат., 1255; Historia Monumenta, т. I, № LXIII, LXVII, LXVIII и др.; Д а ш к е в и ч, ор. с., 165—177).

нявшему первенствующее положение на Руси. [1] Ярослав послал в Киев своего наместника боярина Еиковича (надо думать, в том же 1243 г.), на пребывание которого в Киеве указывает летописный рассказ о поездке Даниила Галицкого в 1246 г. (1245—1246) к Батыю: «и приде Кыевоу обдержащоу Кыевъ Ярославоу б о я р и н о м ъ с в о и м ъ Еиковичемъ Дмитромъ» (Ипат., 1250). [2] Таким образом, в соперничестве князей владимирского и черниговского Батый стал на сторону первого; в противовес князю черниговскому, он утвердил Ярослава в правах на Киев и в положении князя старейшего «в Русскомъ языцѣ». Вслед за тем Батый сделал и дальнейшие шаги в том же направлении. Не доверяя черниговским князьям, поскольку они держались западной ориентации, и уступая происках князя владимирского, он приказал умертвить представителей Черниговского княжества. По приказу Батыя был убит, прежде всего, прибывший в Орду Михаил. У Карпини мы встречаем упоминание о казни и другого черниговского князя, а именно Андрея; [3] по словам Карпини, Андрей «все-таки был убит», хотя преступление, в котором он обвинялся, «не было доказано». [4] Известие Карпини находит неожиданное подтверждение в летописном материале. В тексте Тверского свода XV в., в составе Рогожской летописи, мы находим известие о том, что в один год с Михаилом Черниговским был убит и Андрей Мстиславович. [5] Владимирский свод, как видим, совсем умалчивает об этом событии. Историки обычно объясняли смерть Михаила отказом выполнить языческий обряд. Причины его гибели лежали глубже, чем принято думать. Документы дают возможность вскрыть исторически сложившиеся отношения, которые привели Михаила к смерти. Отказ пройти через огонь мог только послужить предлогом для казни. Впрочем, даже Карпини свидетельствует, что сам по себе обряд очищения огнем не мог сыграть роковую роль в судьбе черниговского князя; он послужил только удобным «случаем»: «для некоторых, — пишет Карпини, — так же они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими». [6] Вместе с тем материал сохранил конкретные штрихи, указывающие на участие владимирского князя в кровавой расправе. Предупреждение о казни, по рассказу Карпини, передал Михаилу сын владимирского князя Ярослава. Согласно летописным данным, в это время в Орде

---

[1] Лавр., 1243.

[2] Ср. Густ. л. (П. С. Р. Л., II).

[3] «Андрей князь Чернигова (Cherneglove)», К а р п и н и, ор. с., 9; ср. Р. В. З о т о в, О Черниговских князьях по Любецкому Синодику и о Черниговском княжестве в Татарское время (Летоп. зан. Археогр. ком., в. IX, СПб., 1893, стр. 91—94).

[4] См. К а р п и н и, ор. с., 9.

[5] См. Рогожский «летописец» (П. С. Р. Л., т. XV, в. I, Петр-д, 1922) под 6754 (1246) г.: «то же осѣни преставися Ярославъ вел(икии), сын Всеволодоч (ь) въ Татарѣхъ сен (тевриа) 30, и оубиенъ бысть о т ъ Б а т ы я к н я з я Андрей Мьстиславич (ь)».

[6] См. К а р п и н и, ор. с., 34.

как раз находился сын Ярослава Святослав.[1] Итак, владимирский князь мог торжествовать победу: его соперник в борьбе за преобладающее положение на русской равнине — князь черниговский — был уничтожен, а Черниговское княжество политически разбито.[2] Этим успехом северо-восточный князь был в значительной степени обязан Батыю.

Отношение Батыя к Ярославу не изменилось, повидимому, и тогда, когда великий князь попал в немилость при императорском дворе. Монгольская империя считалась собственностью целого рода (потомков Чингис-хана), члены которого должны были съезжаться вместе для обсуждения общеимперских дел на сеймы (курултаи); но

---

[1] Ibid., стр. 8, Лавр., 1246.

[2] Отметим также, что после утверждения монгольского владычества черниговская епархия была закрыта; см. Строев, Списки русских иерархов; Макарий, История русской церкви, т. IV, СПб., 1886, стр. 108.

Не позднее начала 60-х гг. XIII в. политический центр Черниговщины переносится в Брянск, — как предполагают, вследствие прилива населения в этот северный, окраинный, лесной район, в связи с приходом татар (см. Любавский, Областное деление..., стр. 43—44). Князь Роман Михайлович именуется в летописи уже князем брянским. Судя по тому, что в 1275 г. Роман, которого татары «вельми жадахуть», с Глебом Смоленским пришли «с великою силою» к Новугородку (Ипат., 1274), можно думать, что Роман располагал еще значительным количеством людей (о числе «темь» людей, оставленных его сыном, см. ниже, в главе IV). Характерно почти полное отсутствие сведений за конец XIII и первую половину XIV в. о Черниговщине (и Переяславщине). Об интересных для нас событиях в Курской области, помещенных в летописи под 1283—1284 гг., см. ниже, в главе IV.

В ярлыке Менгли-Гирея Сигизмунду 1506—1507 гг., восходящему, как полагают, к архетипу конца XIV в., мы читаем: «Курскую тму з выходы и данми и з землями и водами; Сараева сына Егалтаеву тму, Милолюб (Рагодощ) з выходы и данми и з землями и водами; Мужеч, Оскол, Стародуб и Брянеск со всеми их выходы и данми и з землями и водами...» и т. д. (А. З. Р., т. II, № 6; ср. подобное же перечисление там же, в грамоте под № 200, 1540 г.). Проф. Петрунь предлагает толкование: тьма Сараева сына Егалдая: Милолюб, Мужеч, Оскол («Ханські ярлики на Українські землі», Східній світ, № 2, 1928). Однако грамота № 6 ставит под сомнение такое понимание (грамота № 200 совершенно исключает его), ибо, приняв его, пришлось бы включить в ту же «тьму» и Стародуб и Брянск. [В «росписи польским дорогам» (времен Федора Ивановича) указано: «а от Ливен же до Оскола, до Еголдаева городища через Муравскую дорогу и через речку Опоньки езду 2 дни. А от Еголдаева городища до Муравской дороги до верх Осколу езду верст с 40, а верховье оскольское у Муравской дороги (см. Д. И. Багалей, Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, Харьков, 1886, стр. 2).] Равным образом грамота № 6 не дает оснований для отождествления Курской тьмы с тьмою Еголдая, ибо в тексте они обозначены, как две разные тьмы. К сожалению, мы не знаем, существовал ли Еголдай в эпоху литовского владычества и был ли он выходцем из Золотой орды, посаженным Литвою на землю; неизвестно, равным образом, отражает ли данное название отношения древнего (долитовского) времени, являясь следом деятельности какого-то лица, деятельности военно-административного характера или финансового.

Так или иначе, нет оснований предполагать образования местных феодалов-землевладельцев из татар по порубежью Литвы и Московского государства помимо политики этих государств. Известно, что Витовт сажал пленных татар на землю, обязав их нести военную службу (см. Любавский, ор. с., стр. 527; А. Барбашев, Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы,

вместе с тем монгольской империей управлял избиравшийся на курултае император — преемник Чингис-хана. [1] В основе верховного управления лежала известная двойственность, которая дала себя знать после смерти Угедея (1241 г.). [2] С одной стороны, верховным авторитетом для потомков Чингис-хана, по принципу родового владения, был старший в роде, а именно Батый (с кончиной

СПб., 1885, стр. 95). Нам известно, что князья Олелько и Семен раздавали остерские имения, между прочим, «Татаром киевьскимъ» (Акты Западн. России, т. I, № 77, стр. 98—99). Известно о пожаловании московским правительством Касиму Городца (городка) мещерского с образованием особого рода феодального ханства в интересах обороны от враждебных Москве татар и борьбы с ними (см. В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1863, стр. 26—43). Мы не можем утверждать, что происходило оседание землевладельцев-феодалов из татар по порубежью не в порядке правительственной деятельности Московского государства или Литвы. И сведения родословной книги о Глинских, на которую ссылается проф. Петрунь, не противоречат представлению о кочевом феодализме монголов, как оно складывается в науке, о кочевом феодализме в Золотой Орде (до литовских завоеваний), сочетавшемся, сосуществовавшем с торговым городом или военно-торговым городом: «Мансур-Кият князь, — читаем в родословной книге, — зарубил три городы Глинеск, да Полдову, да Глеченицу, дети же Мансур-киятовы: меньшой сын Скидерь князь, поймав стадо коней и верблюдов, и покочевал в Перекопи, а большой сын его Алекса князь, а остался на тех градех прежереченных городех».

Когда Витовт приехал к Киеву, он послал к князю Алексе, в крещении Александру, и к сыну его Ивану. И отец с сыном приехали к Витовту и «били челом ему в службу и своими предреченными тремя городы» (Временник Моск. общ. ист. и др. росс., кн. X, М., 1851, стр. 195—196). Оставляя в стороне вопрос, в какой мере рассказ соответствует исторической действительности, обращаем внимание, что самый рассказ следует как будто понимать в том смысле, что Мансур-Кият и его дети были кочевыми феодалами, в сфере власти которых (в непосредственной власти татар) находились три городка. После того как указанная территория перешла к Литве, князья (согласно «хотению» Витовта) оказались у него на службе и получили от него в пожалование вотчины: «и дал им на приказ вотчины волости: Станку, Хорозов, Сереков, Гладковича». Далее следует особый рассказ о пожалованиях Александру и его сыну (см. Временник, X, стр. 196).

[1] По мнению акад. В. В. Бартольда, «единство империи сохранялось до тех пор, пока еще было живо влияние личности ее основателя, пока еще действовали воспитанные им люди, что продолжалось еще 30 лет после его смерти» (Бартольд, Образование империи Чингис-хана». Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., т. X, 1897, стр. 118); Ср. его же Bathu-khan (Enzycl. des Islām).

[2] Чингис-хан назначил себе преемником своего сына Угедея, который после смерти отца был избран императором на курултае (см. Джувейни, D'Ohsson, II, 9; Mailla, Histoire générale de la Chine, IX, 131). Угедей оставался верным заветам своего предшественника, и при нем единство империи не нарушалось. «Имея в виду, что Джучи, на основании прежнего высочайшего повеления Чингис-хана, должен был отправиться с войском, завоевать все области Севера», он «на основании того же указа поручал это (дело) Батыю», а другим царевичам повеле «собраться всем у Батыя» (см. Тизенгаузен, Материалы, II, не изд., Рашид-ед-Дин). Когда во время похода сын Угедея Гуюк и внук Джагатая Бури повздорили с Батыем, император высказал беспристрастие, принял сторону Батыя и сначала приказал даже сослать своего сына «на отдаленные границы» (см. Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, IX, 155—157; Barthold, Bathu-khan.).

четырех сыновей Чингис-хана); с другой стороны, по принципу личного наследования, высшей властью пользовался тот из них, который занимал императорский престол, переходивший от Чингис-хана по прямой линии (Гуюк). Памятник житийной литературы, появившийся (как определил Н. И. Серебрянский) во второй половине XIII или не позже начала XIV в., признает, что русская земля принадлежит не только Батыю, но и каану; на ней «не подобаетъ жити... не поклонившеся има; мнози бо ѣхаша и поклонишась канови и батыеви». [1] Первые десятилетия владычества татар, когда Золотая Орда не отделилась еще от империи, «царем» для наших князей был именно «каан», или император, и его, а не золотоордынского князя, именовали они этим титулом; [2] «тое же зимы, — говорит, например, летописная запись времен Менгу-каана, — приеха Глѣбъ Василковичь ис Кану земли отъ цесаря» (Лавр., 1257); [3] составитель свода дает понять (в другом месте), что «служба цесарю» является необходимой обязанностью владимирского князя (см. Лавр. л., 1252 г.). Эта «служба» прежде всего обязывала русских князей ездить в далекую Монголию.

«Они посылают также за государями земель, — писал Карпини о монгольских императорах, — чтобы те являлись к ним без за-

---

[1] См. сказание о Михаиле Черниговском (Н. Серебрянский, Древнерусские княжеские жития, тексты, стр. 55).

[2] Ни Лавр. ни Ипат. летописи ни разу не называют Батыя, а так же Сартака и Улагчи «царем» или «цесарем» (см. Ипат. л. о Батые, 1237, 1240, 1243, 1250, 1255, 1259 гг.; Лавр. л. о Батые, 1242, 1244, 1245, 1246, 1247 гг.; о Сартаке — 1249, 1250 гг.; об Улагчи — 1256, 1257 гг.). Только со времени Менгу-Тимура (1266—1280), когда Золотая Орда окончательно отошла от империи, мы видим, что титул «цесаря» перенесен (русскими) на золотоордынского хана. В самом деле: с 1263 по 1283 г. в Лавр. л. — пропуск (недостает нескольких листов); последующих золотоордынских ханов (в тексте, начиная с 1283 г. Лавр. л. называет уже «цесарями»; см. Лавр. л. о Телебуге, под 1284 г.: «то ты коли рать была, со мною еси ко цесарю не бѣжал...» и далее: «... не идешь ни к своему цесарю, ни к Ногою на исправу»; о «Токтомере» (?), 1294 г.: «тое же зимы цесарь Татарский приде в Тфѣрь, имя ему Токтомѣрь» (с 1287—1294 гг. в Лавр. л. тоже пропуск). Недостающий текст в Лавр. л. (1263—1283 и др.) может быть в общем восполнен текстом Симеон. л. (или Троицк. л.), которая, как показал А. А. Шахматов, начиная с 50-го г. XIII в. очень близка в Лавр. л. В этом тексте Симеон. л. (1250—1301) впервые «царем» назван Берке в известии 1265 г. о его смерти: «умре царь Татарскый Беркаи»; вслед за тем золотоордынских ханов летопись называет уже «царями»; см. под 1275 г. о Менгу-Тимуре (1266—1280 [?]): «поѣха великии князь въ Татары къ цареви»; под 1277 г.: «поѣхаша на войну съ царем Менгутемеромъ», и далее: «царь же почтивъ добрѣ князей Русскихъ»; о Телебуге, под 1283 г.: «царь же Телебуга...» и т. д.; о Токтомыре, под 1293 г., о Тохте, под 1294 г.: «царь Тохта сѣде на царстве въ ордѣ». Итак, по отношению к золотоордынским ханам русские стали применять титул «царя» или «цесаря», начиная с Берке-хана; во всяком случае не ранее 60-х гг. XIII в.

[3] Т. е. Менгу-каана (1251—1259). См. также Лавр., л., 1262 г.: «бѣ бо тогда Титямъ приѣхалъ от цесаря Татарьского, именемъ Котлубий, зол сый бесурменинъ» (ср. Воскр. л.: «бѣ бо того лѣта приѣхал Титямъ посломъ на Русь от царя Татарского, именем Кутлубѣа, золъ сый бесрьменинъ»); «цесарь татарский» Кутлубий (Кутлубѣй) — это, очевидно, Хубилай (1259—1294).

медления». [1] Так, местные туземные правители Ирана впервые поехали в Каракорум еще в 1233 г., где были утверждены в своих владениях. [2] Царица Грузии Рузудан, провозгласив царем своего сына Давида, отправила его к Батыю, а тот, с своей стороны, послал его к Гуюк-каану. [3] Армянский царь Гетум, как известно, отправил своего брата к Гуюк-каану, а по воцарении Менгу Батый послал предписание царю Гетуму, чтобы тот явился на свидание с ним и с Менгу-кааном. [4] Некоторых князей в Монголии задерживали; у других же, которым они позволяли вернуться, по словам Карпини, вытребовали сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускали, «как было сделано с сыном Ярослава, некиим вождем аланов и весьма многими другими». [5]

Мы можем установить, что почти непрерывно у «Кановичей» пребывал кто-нибудь из наших князей. Уже в период междуцарствия, при Туракине, первым «къ Канови» поехал Олег Рязанский (Новг. IV, 1242). Повидимому, он прожил в Монголии довольно продолжительное время, так как только в 1252 г. его «пустиша Татарове... в свою землю» (Лавр.). [6] В первый же год, когда великий князь Ярослав посетил Орду, он послал своего сына «к Канови» (Лавр., 1243). Константин остался там с 1243 вплоть до 1245 г. Когда же он возвратился, ему на смену был вызван (поехал) сам Ярослав — как раз тогда, когда подготовлялись выборы нового императора.

Императорский престол после смерти Угедея оставался вакантным; около трех лет делами правила старшая из жен Угедея — Туракина, и выборы откладывались, так как старший в роде — Батый, будучи в плохих отношениях с сыном Угедея Гуюком, уклонялся от приглашений на курултай под предлогом болезни. [7] Наконец, Туракина и Гуюк начали действовать решительнее, пытаясь поскорее решить судьбу императорского престола (несмотря на натянутые отношения с Батыем) и в его отсутствие устроили выборы Гуюка. Ко дням избрания Туракина поспешила вызвать из провинций империи некоторых местных правителей и среди них великого князя Ярослава. Карпини видел их во время торжеств. [8] Решаясь на

---

[1] Карпини, ор. с., 34.

[2] D'Ohsson, III, 106—107.

[3] Патканов, II, 67—68. Ср. Histoire de la Géorgie, trad. par Brosset, p. I, 1850, стр. 528, где говорится, что Бату отправил Давида к Менгу-каану.

[4] Патканов, II, 80.

[5] Карпини, ор. с., 34.

[6] От Сарая до Каракорума считалось пути 4 месяца (см. Рубрук, Путешествие в восточные страны, пер. Малеина, 1911, стр. 100). Этот путь обычно и проезжали, приблизительно, в этот срок (см. Патканов, II, стр. 128, примеч. 31).

[7] Тизенгаузен, Материалы, II (не изд.), Рашид-ед-дин: «вследствие отсутствия его (т. е. Батыя) как старшего из всех (родичей), дело (о назначении нового) каана не устраивалось около трех лет»; вернее — более трех лет: Угедей умер в 1241, а Гуюк был избран императором только в 1246 г. (см. Лэн-Пуль, ор. с., 179).

[8] Карпини, ор. с., 54.

избрание императора в отсутствие Батыя, хотели, очевидно, иметь из отделенных областей, принадлежащих к территории Батыева удела, влиятельных представителей местной власти; Батый, с своей стороны, не мог, очевидно, воспрепятствовать поездке Ярослава в Каракорум, так как формально не порывал с Туракиной и Гуюком.[1] Прибывший из Батыева удела Ярослав показался по тем или иным соображениям опасным; [2] согласно рассказу Карпини, великого князя отравили (наши летописи также свидетельствуют, что Ярослав погиб в Монголии «нужною», т. е. насильственною смертью) и стали спешно вызывать ко двору Александра Ярославовича, намереваясь передать ему «землю отца»: «мать императора, — читаем у Карпини, — без ведома бывших там людей, поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы он явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать и остался, а тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца».[3] Как видим, не Батый был виновником смерти Ярослава. Можно думать, что Батый не изменил своего поведения по отношению к Ярославу, и до последних дней жизни владимирского князя пытался поддерживать с ним связь: возвращаясь из Каракорума, Карпини встретил Угнея, который «по приказу жены Ярослава и Батыя» ехал «к вышеупомянутому Ярославу» [4]. Источники рисуют Батыя, как осторожного и выдержанного политика; любопытно, что современники называли Батыя саинхан, т. е. добрый, прекрасный хан [5], а из персидских источников мы узнаем, что его считали не только щедрым, но проницательным и умным. [6]

По смерти Ярослава монголы попрежнему поддерживают общерусские притязания Владимирского стола. Ярославу, как мы видели, Батый возвратил Киев; Александр Невский также получает в Монголии право на «Киев и всю Русскую землю», а спустя некоторое время Батый сажает его на великокняжеский (Владимирский) стол. Как Карпини, так и русские летописи одинаково свидетельствуют, что Александр, вызываемый в Монголию, где ему хотели передать

[1] Ср. Grousset, Histoire de l'Asie, Paris, 1922; по мнению автора, Батый послал Ярослава, своего вассала, вместо себя (т. II, стр. 50); ни летописи ни Карпини об отъезде Ярослава не упоминают.

[2] Ср. версию Карпини, ор. с., стр. 57 («чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею»); см. о том же у Cordier, Histoire générale de Chine, II, 1920, p. 257; ср. версию, сохранившуюся в Соф. I и Воскр. лл. («обаженъ же бысть Феодоромъ Яруновичемъ царю»).

[3] Карпини, ор. с., 57; Лавр., 1246.

[4] Карпини, ор. с., 61.

[5] См. Тизенгаузен, Материалы, II; ср. История монголов инока Магакия, XIII в., пер. Патканова, стр. 18, 32; см. также Воскр. л. (П. С. Р. Л., VII), стр. 241: «Батый Сеинъ».

[6] Тизенгаузен. Материалы, II. См. Вассаф, об «обширном уме его» (Батыя) и о том, что он отличался «проницательностью»; Джувейни (1228—1283) о Батые: «исчислить дары и щедроты его... невозможно...» и т. д.; см. также в Истории Эльджузджани; ср. Рашид-ед-дин (ibid.); см. также Бартольд, Batu-khan (Enzycl. des Islām); см. также Histoire de la Géorgie, trad. par M. Brosset., v. I, 1850, p. 528.

«землю отца», медлил с отъездом. [1] Надо думать, что после смерти Ярослава на Владимирский стол был уже посажен Святослав Ярославович, согласно завещанию отца и утверждению Батыя; это обстоятельство, вероятно, и побудило Александра уклониться от прав на «землю отца»; право сесть «в Володимери на столѣ» получил Андрей, поехавший в Монголию вместе с Александром, а Александру дали «Кыевъ и всю Русьскую землю». [2] По приезде на Русь Андрей, имея предписание из Каракорума, согнал Святослава с Владимирского стола. Но вскоре после смерти Гуюк-каана и восшествия на императорский престол Мунке — друга и ставленника Батыя — Андрей принужден был бежать в Швецию, отказываясь, по словам великокняжеского свода, «цесаремъ служити», т. е. новому императору, причем перед бегством он сделал как будто попытку войти в соглашение с Даниилом Галицким, рассчитывая, очевидно, на военную помощь от папы. [3] Папа, как известно, готовясь объявить крестовый поход против татар, находился, в связи с этим, в переговорах с Даниилом. [4] Помощь против татар была оказана папой толь-

[1] Карпини, ор. с., 57; ср. Лавр., 1246—1247.

[2] Лавр., 1249.

[3] Лавр., 1250; Щербатов, История России, т. II, стр. 65; Wolff, ор. с., 389—390; Дашкевич, ор. с., стр. 165—175.

Даниил, повидимому, готовился к организации большого движения против монголов, рассчитывая на крестовый поход с Запада и, может быть, на восстание в Северо-восточной Руси. Можно думать, что союзника Даниил нашел в лице владимирского князя Андрея. В 1250 г. на «Суздальскую землю» приехал митрополит Кирилл. Лавр. л. рассказывает, что «тое же зимы о женися князь Ярославичь Андрѣй Даниловною Романовича: и вѣнча и митрополитъ в Володимери у святое Богородици, съ епископомь Кириломъ и много веселья бысть» (1250). Эти отношения стали известны, повидимому, в Орде. В 1252 г. Александр пошел «в Татары»; на этот раз он получил от Батыя «старѣйшиньство во всей братьи его» и возвратился «с честью великою»; непосредственно вслед за тем из Орды на Андрея Ярославовича нагрянула «Неврюева рать». Великокняжеский свод прямо указывает, чем был вызван погром: «Андрей не хотел «цесарем служити». «В то же лѣто, — читаем в Лавр. л. — вздума Андрѣй князь Ярославичь с своими бояры бѣгати, нежели цесарем служити, и побѣже на невѣдому землю со княгынею своею и с бояры своими; и погнаша Татарове в слѣдъ его, и постигоша и у города Переславля, богъ же схрании и молитва его отца. Татарове же рассунушаяся по земли, и княгыню Ярославлю яша, и дѣти изъимаша, и воеводу Жидослава ту убиша и княгыню убиша, и дѣти Ярославли в полонъ послаша; и людей бес числа поведоша, до конь и скота и много зла створше отъидоша» (Лавр., 1252). В новгородских летописях события (нашествие рати и бегство Андрея) изложены таким образом: «тогды же прииде Неврюи на Суздалскую землю, на князя Андрѣя; и бежа князь Андрѣй Ярославич в Свийскую землю» (Новг. I, 1251): «приде Неврюй царевичь ратью татарьскою на Суздаль, и прогна Андрѣя Ярославлича за море в Свѣю» (Новг. IV, 1252). «Того же лѣта приде Неврюй и Котья и Олабуга храбры на землю Суждальскую со многими вои и силою Татарьскою на великого князя Андрѣя Ярославича...» Далее сообщается о битве Андрея с татарами под Переяславлем, о бегстве его в Новгород, затем в Псков, оттуда в Колывань и, наконец, в «Свийскую землю» (Соф. I, 1251).

[4] Мы видели, что по возвращении из Орды Даниил вступил в открыто враждебные отношения с татарами. Возвращаясь из Орды, как мы говорили выше, Даниил принял покровительство папы, надеясь, очевидно, на его по-

ко на бумаге: союз же с папой означал шаг навстречу желаниям главы католического мира использовать в своих интересах затруднительное положение Руси. Александр, также получивший послание от папы, выступил решительным противником союза с папой Иннокентием III. Это, надо думать, побудило Батыя оказать поддержку Александру Невскому и выдвинуть его на великокняжеский стол. В том же 1252 г. Александр поехал к Батыю и по возвращении был посажен во Владимире.

Итак, в первые десятилетия владычества монголы не делали попыток умалить значение великокняжеского стола, руководить «великим княжением». Вслед за переписью 1257 г. на Северо-востоке появилась военно-политическая организация, но основным ее назначением была служба «внутренней охраны» в пределах завоеванной провинции. Вмешательство монголов во «внешнюю» политику великокняжеского стола также не имело целью изменить ее основное направление: общерусские притязания Владимирского стола находят даже поддержку со стороны Орды. И тем не менее во внутренней жизни края произошел глубочайший сдвиг в результате тех событий, которые были связаны с нашествием татар.

мощь в борьбе с татарами. Уже в конце, повидимому, 40-х гг. папа присылал легата с королевским венцом, а в 1253 г. состоялось коронование Даниила (Ипат., 1255; Грушевский, Хронологія подій Галицько-волинской літописи, 1901, стр. 36—37), и папа разослал грамоту ко всем христианам Богемии, Моравии, Сербии и Померании с проповедью крестового похода против татар (см. Hist. Russ. Monum., I, 1841, стр. 78). Итак, Даниил занял независимое в отношении к татарам положение.

До конца 50-х гг. (до 1256—1258) татары пытались, во-первых, удержать в сфере своего непосредственного владычества окраинные области Галицко-Волынского княжества (см. выше); во-вторых, они совершали «рати» на владения Даниила: «рать татарьская не престаеть злѣ живущи с нами...» (Ипат., 1255; слова относятся предположительно к концу 40-х гг.). Татар боялись, зная их поведение во время войны, о чем свидетельствуют слова Даниила: «аще сами будуть татарове, да не внидеть ужас во сердце ваше» (Ипат., 1255). Но силы, которыми располагал Куремса, не позволяли ему привести к покорности Даниила. Мы знаем о неуспехе Куремсы под Кременцом в 1254 г., о неудачной осаде Лучска в конце 1255 г. (Ипат., 1255 и 1259). И Даниил, как прямо говорит летопись, Куремсы не боялся: «Данило же держаще рать с Куремьсою, и николи же не бояся Куремьсѣ: не бѣ бо моглъ зла ему створити никогда же Куремьса, дондеже приде Буранда со силою великою» (Ипат. 1260). Он, во-первых, боролся с Куремсой и даже воевал и «взял» окраинные области в 1254—1255 гг. (Ипат., 1257—1258). Во-вторых, он «грады иныя заждай противу... татаромъ» (Ипат., 1259). Таким образом, он начал успешно бороться с татарами и без помощи папы. Дело изменилось, когда пришел Буранда «со множеством полковъ татарьскихъ, в силѣ тяжьцѣ и ста на мѣстѣхъ Куремьсѣнѣхъ» (Ипат., 1260). Приход Буранды составляет новую веху в политике татар на Юго-западе (ср. Грушевский, I, Історія Украіні — Руси, III², стр. 83).

Приход Буранды определяется периодом 1256—1258 гг., т. е. как раз совпадает с событиями на Северо-востоке — исчислением населения и организацией баскачества, стоявшими в связи с общеимперскими мероприятиями, как мы показали выше

Буранда требовал полной покорности и прежде всего участия в походе против Литвы, что шло вразрез с политическими видами Даниила. На сле-

На русском Северо-востоке на Владимир хотели смотреть как на общерусский центр, столицу «Русской земли», но фактически Владимир теперь был страшно обескровлен: ни Ростов, ни Ярославль, ни Углич, ни Тверь не подверглись, кажется, такому разграблению, не испытали такого беспощадного избиения своих обитателей. Когда к великому князю Юрию пришла весть, что Коломна и Москва захвачены татарами, было решено часть сил сосредоточить во Владимире, а часть — отвести на северо-восток, за Волгу. Во Владимире были оставлены князья Всеволод и Мстислав; сам же Юрий с князьями Васильком, Всеволодом и Владимиром отступил за Волгу, к реке Сити, и стал там «станом», стягивая туда же остальные силы. («И ста на Сити станомъ, а ждучи к собѣ брата своего Ярослава с полкы, и Святослава с дружиною своею; и нача Юрьи князь великый совкупляти всѣ противу Татаром»).[1] 3 (2) февраля неприятель подошел к г. Владимиру; владимирцы затворили городские ворота, вступить в переговоры с татарами отказались, и город был осажден. Осада Владимира продолжалась около 5 дней; за это время татары успели взять ближайший к Владимиру город Суздаль, укреплен-

---

дующий год пришло требование уничтожения городских укреплений: «оже есте мои мирници, розмечете же городы своѣ всѣ». Городские стены ряда городов были разметаны; а стены г. Владимира-Волынского сожжены; присланный же Бурандой татарин Баимура потребовал «городъ раскопати» (см. Ипат. л. под 1261 г. — о том, что г. Холм избежал уничтожения своих укреплений). Известия о событиях XIV в. Литовской летописи подтверждают как будто факт уничтожения укреплений, свидетельствуя о Подолии, что там тогда «не был ни одинъ городъ ни древомъ роубленый, а ни камениемъ боудованный» (см. П. С. Р. Л., т. XVII, стр. 99, ср. стр. 170, 278, 389, 496).

Мы не знаем, чтобы подобные требования были предъявлены князьям северо-восточным. Правда, нам известно, что, когда в 1410 г. татары подошли к г. Владимиру-Залесскому, «града тогда не было»; но нет данных полагать, что отсутствие стен было результатом требования татар. Сведений об укреплении г. Владимира-Залесского за XIV в. у нас нет, но о московском кремле, сгоревшем от пожара в 1331 г., они имеются (см. Симеон. л.).

Нет сведений о поездках галицко-волынских князей во второй половине XIII в. в ставку ханов. Но летопись сообщает о передаче территории по завещанию «при царех и при его рядьцѣхъ» (см. Ипат. л., под 1287 и 1289 гг.; ср. также Ипат. л. под 1287 г.: «а чего восхочешь искати по животѣ брата моего и своего, осе же ти царевѣ, а се царь, а се аз, молви со мною, што восхочешь»; см. также Линниченко, Замечания на статью Режабка в сборн. «Болеслав-Юрий II», изд. Акад. Наук. 1907). Ср. о свинцовой печати, привешенной к душевной грамоте Ивана Калита, которую А. В. Орешников считал, «без сомнения», татарской (Труды Моск. нумизм. общ., т. III, стр. 119—120). Весьма вероятно предположение Орешникова, что приложение этой печати было сделано на царевом (т. е. ханском) дворе в Московском кремле (там же).

Вместе с тем на приезд в Галицко-Волынскую землю из Орды «данщиков» материал не дает указаний. Знаем, что в 80-х гг. XIII в. «татарщина» шла «ко князю»: «а побором и татарщиною ко князю», —читаем в завещании Владимира Васильковича (Ипат., 1287). К сожалению, ни о переписи населения в Галицко-Волынской земле, ни о баскаках при Буранде сведений не имеем. Отношения же данничества сохранились, повидимому, и в XIV в. (см. Линниченко, ор. с., стр. 111; см. также показания в тексте буллы папы Бенедикта XII, 1341 г. в сборн. «Болеслав-Юрий II», стр. 156).

[1] Лавр., 1237; Воскр., 1238; Ипат., 1237.

пый деревянною стеною, а людей — частью умертвить, а частью увести в плен. Наконец, 7 февраля утром начался приступ. Сначала был захвачен «Новый градъ», а вслед за тем и «Печерний город», куда побежали князья и «вси людье». Епископ, обе княгини с детьми, бояре и народ заперлись в церкви св. Богородицы, но были «без милости запалени огнем». Церкви и монастыри подверглись разграблению. Население было частью перебито — «от уного и до старца и сущаго младенца», а частью уведено татарами «босы и безъ покровенъ въ станы своѣ, издыхающа мразом. И бѣ видѣти, — говорит летописец — страхъ и трепетъ, яко на хрестьяньскѣ родѣ страхъ и колебанье и бѣда упространися». [1] После взятия Владимира оставалось только стягивать все силы за Волгу, к р. Сити. Это была следующая позиция, где князья решили оказать сопротивление татарам. Туда прибыл Святослав «с дружиною»; туда же двинулся и Ярослав со своими полками. [2] Где был в это время князь Иван Всеволодович, мы не знаем; по смыслу общего стратегического плана он должен был также двигаться на северо-восток, к р. Сити. Татищев сообщает, на основании, может быть, неизвестного нам текста летописи, что Иван Всеволодович «самъ лесами хотел к Юрию с малым войском пройти, но не успел». [3] Во всяком случае, по ходу событий, города, лежавшие между Владимиром и Верхней Волгою, были, как видно, оставлены войсками князей. Население спасалось бегством; оно уходило на север, в направлении к р. Сити: летопись говорит, что после того, как Владимир пал, к Юрию пришла весть, «яко Володимеръ взятъ... а избывшии люди к тебѣ идутъ» (Воскр. л.). Весьма вероятно, таким образом, что города Ярославль, Ростов, Углич, Тверь и другие были сданы без боя и вследствие этого, согласно правилам монгольской войны, [4]

---

[1] Лавр., 1237; Воскр., 1238; в южном Ипатьевском своде изложение событий значительно сокращено и допущены искажения (источника Ипат. летописи?); см., напр., обращение Батыя(?) к горожанам (г. Владимира): «гдѣ суть князи Рязаньстии, вашъ градъ...» и т. д. (Ипат., 1237).

Всеволод и Мстислав, взятые в плен, были убиты «внѣ града», («а старѣйшая сына Всеволодъ съ братомъ внѣ града убита» (Лавр., 1237, ср. Воскр. л.); при каких обстоятельствах их захватили в плен, — мы не знаем; Ипат. л. говорит, что уже во время приступа Всеволод, «убояся», «самъ изъ града изыде с маломъ дружины, и несы со собою дары многии» (Ипат., 1237); возможно, что нечто подобное и имело место, но, во всяком случае, произойти это могло только тогда, когда весь «Новый» город был уже в руках татар: «и взяша градъ до обѣда (ср. выше — «по заутрени приступиша к городу»); от Золотых ворот у Святаго Спаса внидоша по примету чересъ городъ, а сюдѣ отъ сѣверныя страны отъ Лыбеди ко Орининым воротам и к Мѣдяным, а сюдѣ от Клязмы к Волжьскым воротом; и тако вскорѣ взяша Новый град. И бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людье бежаша в Печерний городъ» (Лавр. л., ср. Воскр. л.).

[2] Лавр., 1237.

[3] См. Татищев, История Российская, III, 472—473.

[4] D' Ohsson, II, 46; «d'après une loi de Tchinguiz-khan, toute ville investie, qui ne se rendait pas avant d'être attaquée, devait être mise à feu et á sang». В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 39—40: «Баласуган, повидимому, был занят монголами без сопротивления, так как по-

пощажены татарами: летопись, по крайней мере, ничего не говорит об их разгроме. [1]

С этой точки зрения могут представить некоторый интерес сведения, дошедшие до нас из местного угличского материала (критическая разработка которого пока не произведена); по этим данным, на общем совете города (Углича) было решено, что после отъезда угличского князя Владимира Константиновича, [2] когда Батый подойдет к Угличу «и потребует сдачи его, то немедленно сдать город, встретить Батыя за городом и просить пощады людям и городу... Угличский князь и бояре слыхали, что Батый не истреблял покорившихся ему городов, лишь бы это покорение не стоило татарской крови». [3] Когда неприятель стал приближаться, «многочисленные толпы народа... рассыпались по лесам и укромным местам». Навстречу Батыю вышли с дарами; город был занят, но разгрому не подвергся. Когда же Батый ушел и приехал угличский князь, возвратились «из дремучих лесов и спасавшиеся бегством горожане». [4]

Надо полагать, таким образом, что далеко не все города были так разгромлены, как Владимир, далеко не все испытали такое страшное избиение своих обитателей; оставшееся население Владимира бежало, как мы видели, на север, за Волгу, на территорию Ростовского княжества. Подобную эмиграцию или, вернее, бегство перед наступавшими монголами можно было наблюдать и на За-

---

лучил от них название Гобалыка, т. е. хорошего города; такие прозвания монголы вообще давали городам, сдавшимся им добровольно (ср. Зап. Вост. отд., VIII, 29—30)» и далее: «Мы видели, что Семиречье вместе с Восточным Туркестаном подчинилось монголам добровольно и потому, в противоположность Китаю, Мавераннагру и Западной Азии, нисколько не пострадало от монгольского нашествия» и т. д.

[1] См. Лавр. л. под 1237 г.: «... и ови идоша къ Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городець, и т и п л ѣ н и ш а в с е по Волзѣ, доже и до Галича Мерьского; а ини идоша на Переяславль, и тъ взяша... и нѣсть мѣста, ни вси, ни сел тацѣх рѣдко, идеже не воеваша на Суждальской земли; и взяша городовъ 14, опрочь свободъ и погостов, во один мѣсяць февраль...» Воскр. л. говорит только о сопротивлении и разгроме Торжка, который ждал помощи от Новгорода, и о сопротивлении Козельска, вслед за взятием которого последовало избиение его жителей (Воскр. 1238).

[2] Как видно из Лавр. л., Владимир Константинович отошел вместе с Юрием к р. Сити. О дальнейшей судьбе его см. Лавр. л., 1237, 1239, 1244 гг.; Воскр. л., 1238, 1244 гг.

[3] Ср. выше, стр. 36, примеч. 4.

[4] Ф. К и с с е л ь. История города Углича, Ярославль, 1844, стр. 46—49, 54. Для своей «Истории Углича» Киссель собрал разные местные рукописи: «все сказанное мною, — пишет он в Истории Углича, — основано на древних манускриптах, находящихся в разных руках угличских граждан, также при церквах и монастырях» (стр. 12). Между прочим, у него была местная угличская летопись («древняя угличская летопись»), которую он называет «Серебряниковой» (см. стр. 101 и др.) и другая, которую он называет «Супоневская» (см. стр. 84—85). Обе летописи изданы им не были. Но то же читаем мы и в изданном Угличском летописце (по списку Археогр. ком. № 18): «видя Батый, яко покоряются граждане и самовольно градъ сдають, запрети своимъ воемъ, дабы никакого кровопролития и разорения не чинили граду Угличу» (Труды Яросл. губ. уч. археогр. ком., в. I, стр. 92).

паде. С уходом монголов беженцы возвращались вскоре на свои места; по рассказу хроники Матвея Парижского, из одной только Дании вернулось на родину беженцев более 40 кораблей; [1] опустошенные поселения имели возможность, таким образом, быстро восстановиться. В ином положении находился г. Владимир. Ярослав Всеволодович сделал попытку «собрать людей» в опустошенный город. [2] Но не прошло и двух лет, как татары вновь появились в районе Клязьмы; с приближением татар население в ужасе бежало: летописец говорит, что, когда в 1239 г. татары стали «воевать» по Клязьме, «бѣ пополохъ золъ по всей земли и сами не вѣдаху и гдѣ хто бѣжить». [3]

Дальнейшее исследование не оставляет сомнения в правильности нашего предположения и показывает, что Владимир был сильно опустошен и разгромлен, что Ростов был, повидимому, в ином положении. Местное владимирское летописание (местные владимирские записи) почти непрерывно ведется вплоть до 1239 г. и после татарского погрома как бы умолкает. Скудные и отрывочные известия первых десятилетий послетатарского периода не обнаруживают систематических летописных записей во Владимире; летописный материал этого времени заполняют главным образом ростовские известия. [4]

В опустошенный Владимир не считали даже нужным поставить епископа: в течение нескольких десятилетий после погрома 1238 г., когда убит был владимирский епископ Митрофан, и вплоть до 1274 г., когда был поставлен еп. Серапион, г. Владимир пребывал совсем без епископа; [5] ростовская епископия оставалась единственной епископией в пределах всей Ростово-Суздальской земли, и Ростов, таким образом, сделался снова церковным центром всего края. [6]

---

[1] «Post quorum internecionem rex Dacie (Waldemarus) et rex Hungarie (Bela) fines per predictos Tartaros quasi in desertum redactos fecerunt christianis populis, quos illuc miserant, inhabitari. De quibus ex sola Dacia naves plus quam quadraginta exierunt» (Mon. Germ. Hist., Script., t. XXVIII, Ex Mat. Par. chron maior, 185). См. также о заселении графом Шауенбурга еп. Бруно (1245—1281 гг.) областей, опустошенных татарами (Wolff, op. c., 193 и примеч. 45).

[2] Воскр., 1238.

[3] Лавр., 1239.

[4] Лавр., 1231—1301; ср. в Симеон. л. известия XIII в.; ср. Насонов, Летописные своды Тверского княжества, таблица (схем. изобр. генезиса тверских летописных сводов).

[5] См. Строев Списки иерархов; ср. Голубинский, op. c., т. II, ч. I, 57—58. В 1274 г., по Симеон. и Троицк. лл., Серапион был поставлен «епископом Ростову, Володимерю и Новугороду»; ростовским епископом, между тем, еще по известию 1273 г., был Игнатий (Симеон., 1273); в следующем году (1275) Серапион умер; а в 1276 г. был поставлен Федор, уже «епископом Володимерю и Суздалю» (Симеон., 1276), в Ростове же видим епископа Игнатия (ibid, 1276). По Воскр. л. Серапион был поставлен «Володимерю и Суздалю и Новугороду Нижнему» (1274).

[6] Начиная с 1250 г., объезжая свою митрополию, на Северо-восток нередко приезжал из Киева митрополит Кирилл. Так, в 1250 г. он приехал из Киева через Чернигов и Рязань; на следующий год поехал в Новгород (а за-

Итак, именно Владимир был страшно обескровлен. Ни Ростов, ни Углич, ни Ярославль, ни Тверь, ни Кострома, ни Переяславль не подверглись, кажется, такому опустошению и разорению. История Владимирского княжества до монгольского нашествия тесно связана с историей роста г. Владимира, с историей этого нового вечевого, общеземского центра. Во второй половине XII и в начале XIII в. документы рисуют его многолюдным городом, с многочисленным военно-торговым населением, представлявшим собою (как город) значительную военную силу. Татарское завоевание нанесло ему сокрушительный удар. Ярослав, как мы видели, сделал попытку «собрать людей» в опустошенный город. И он и Александр продолжали жить еще во Владимире. [1] Но уже их преемники — «вел. князья Владимирские и Новгородские» — Ярослав Тверской, Василий Костромской, Димитрий Александрович Переяславский предпочитали, судя по отрывочным летописным известиям, оставаться в своих «отчинах» (в Твери, в Костроме, в Переяславле). [2] Владимир как город потерял свою силу и значение; он попрежнему оставался городом стольным, великокняжеским, но не мог уже более служить реальной опорой великокняжеской власти.

Но не только в этом надо видеть решительный сдвиг, который принесло с собою татарское завоевание в первые десятилетия.

Исследование обнаруживает, что деятельность митрополичьей кафедры в значительной мере лишилась своего политического значения, а вместе с тем и обладание Киевом как митрополичьей резиденцией теряло прежние политические преимущества.

В самом деле, хану, главе золотоордынского государства, необходимо было поддерживать непосредственные сношения с русским митрополитом, с представителем русской иерархии, или «главным попом», как называли его, по свидетельству русского источника, монголы; это требовалось и для успешного разрешения вопросов церковной жизни и церковно-политических отношений в пределах самой России, а также вопросов внешней политики, поскольку митрополит был связующим звеном между византийским императором и патриархом, с одной стороны, и русской митрополией — с другой, был как бы посредником между Русью и Византией.

В первые годы владычества татар, вплоть до 1250 г. (1246—

тем обратно во Владимир); в 1274 г. он приехал из Киева для поставления епископа Серапиона; в 1280 г. приехал из Киева и в том же году умер в Переяславле-Залесском; кроме того, мы видим его во Владимире в 1252 и 1255 гг., причем на следующий год он едет в Новгород; а также в 1261/62 г. — в Ростове (поставление еп. Игнатия), а в следующем году во Владимире, где он хоронит Александра Невского; возможно, таким образом, что в 1252 и в 1261 гг. он также приезжал из Киева (Лавр. и Симеон. Новг. 1 лл.; ср. Голубинский, ор. с., II ч. I, 57); ср. также Соколов, Русск. архиереи из Византии, Киев, 1913, стр. 163 и сл., где Кириллу по недосмотру приписана лишняя поездка в Новгород вместе с великим князем Александром (стр. 163—164).

[1] Лавр., 1238, 1239, 1252, 1255, 1258, 1259.

[2] Новг. I. 1264; Симеон. 1271, 1276, 1280, 1281, 1293, 1294.

1250), на Руси не было поставленного патриархом митрополита,[1] и сношения с русской церковью в Орде поддерживались через ростовского епископа Кирилла.[2]

В 1250 (1246—1250) г. на русскую митрополию был поставлен, наконец, митрополит. Новый митрополит (Кирилл) в полной мере был ставленником князя Даниила Галицкого. Он был избран Даниилом задолго еще до поставления его на митрополию: уже в 1242 г. мы видим его сопутствующим Даниилу в качестве будущего главы русской церкви.[3] Мало того, летописные известия свидетельствуют, что после возвращения митрополита Кирилла из Никеи[4] через Венгрию, он выступил в роли доверенного лица Даниила в попытке заключить какой-то союз между Даниилом и великим князем Андреем, — как можно предполагать, основываясь на дальнейшей судьбе Андрея, враждебный татарам, — и содействовал устроению брака Андрея с дочерью Даниила Галицкого.[5] В качестве доверенного лица Даниила он не мог, конечно, пользоваться доверием в Орде, тем более что направленный против татар союз галицкого князя с папой был окончательно разорван только в 1257 г.[6] Таким образом, деятельность нового митрополита с самого начала совершенно скомпрометировала его в глазах Орды: хан не вступал с ним в непосредственные сношения, и за все свое долголетнее управ-

---

[1] Кандидат галицкого князя — митрополит Кирилл был поставлен патриархом только в 1246—1250 гг., а до этого времени был, в сущности, лишь кандидатом на митрополичью кафедру. О времени поставления Кирилла см. Ипат. л., 1250 г.; Лавр. л. 1250 г.; Голубинский, История русск. церкви, т. II, в. I, II. — М., 1900, стр. 53—55; ср. Ф. Тарновский, Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к древней Руси, в. II, Киев, 1876, стр. 12.

[2] Это представляется уже вероятным в виду того, что после татарского нашествия (со смертью в 1238 г. владимирского епископа Митрофана) ростовский епископ оставался единственным главою церкви в Северо-восточной Руси; но мы имеем и прямые указания источников на непосредственные сношения русского епископа с Ордою: о его поездках в Орду в 40—50 гг. XIII в. сообщает «Повесть об ордынском царевиче Петре», составленная в первой половине XIV в. См. текст повести: Православный собеседник, ч. I, Казань, 1859, стр. 360—361; В. Ключевский, Древнерусские жития святых как исторический источник, М., 1871, стр. 40. См. также ниже, стр. 41, прим. 1.

[3] По словам Ипат. л., когда к Даниилу пришла весть о том, что Батый вернулся «изь Угор» и послал отряд на поиски галицкого князя, последний, захватив Холм, проехал к брату Василько, «пойма с собою Курила митрополита» (Ипат., 1243).

[4] Как известно, патриарх в это время пребывал в Никее; Константинополь с 1204 г. был захвачен крестоносцами.

[5] Лавр. л, 1250, 1252, ср. Новг. I, 1251; М. Щербатов. История Российская с древнейших времен, СПб., 1805, т. II, стр. 65; Wolff., op. c., 384—390; см. выше, стр. 33, прим. 3.

[6] Длугош, lib, VII, 779, цит. по Н. Дашкевичу. Переговоры папы с Даниилом Галицким об унии Юго-западной Руси с католичеством. Универс. известия, № 8, Киев. 1884, стр. 175. См. также К. Бестужев-Рюмин, О составе русских летописей до конца XIV в., СПб., 1868 (русские известия Длугоша до 1386 г.).

ление митрополией Кирилл, сколько нам известно, ни разу в Орде не был. [1]

Между тем в 1261 г. произошло событие большой политической важности, имевшее крупное значение в мировой истории, — Михаил Палеолог овладел Константинополем. [2] Эти события настоятельно потребовали так или иначе определить вопрос об отношениях между Византией и русской митрополией: в новой обстановке сношения золотоордынского государства с Царьградом получали исключительное политическое значение.

Уже начиная с 1262 г. между ханом Берке и египетским султаном устанавливается прочная дипломатическая связь: с этого года между Золотой Ордой и мамелюками идет непрестанный обмен посольствами и дружественная дипломатическая переписка. Основная цель этих сношений красной нитью проходит через все известия арабских источников: это — военный союз против иранских монголов. [3] Значение Византии в системе золотоордынской политики, отношения между Царьградом и правительством Сарая в значительной мере определялись связями между Византией и иранскими монголами, сближением восточного императора с иранским властителем (Хулагу, а затем сыном его Абакой) — общим врагом как египетских мамелюков, так и золотоордынских ханов. Конфликт 1263—1265 гг., когда Михаил Палеолог задержал послов султана к Беркехану, несомненно был вызван дружественными отношениями императора к Хулагу; оправдываясь перед послами, Михаил прямо ссылался на «опасения, чтобы Халагу не знал об этом» и чтобы в пропуске послов к Берке не заподозрил нарушения мира и не начал военных действий. [4] Поход татарского войска на византийские владения (совместно с силами болгарского короля Константина Теха), предпринятый в 1265 г. по приказу Берке, [5] стоял также в известной

[1] Вместе с тем, ростовский епископ Игнатий (1262 — 1288) неоднократно ходил в Орду; см. Акад. л., 1282 г.: «ходи Игнатий епископ в т о р о е въ Орду за причет церковный»; см. Православный собеседник, 1859, ч. I, стр. 363 (текст «Повести об ордынском царевиче Петре»).

[2] P a c h y m e r e s, 2, 26—32; Nicephorus G r e g o r a s, 4,2; ср. В. В а с и л ь е в с к и й, Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, стр. CXCVII (Летоп. зан. Археогр. ком., в. IX, СПб, 1893).

[3] Т и з е н г а у з е н, Материалы, I.

[4] По Эльмуфаддалю: «Застали они у него послов от Хулавуна, и он (Михаил, медля отправкой послов египетского султана) оправдывал перед ними замедление в отправлении их опасением, чтобы Хулавун не узнал об этом»; по Ибнельфорату: «Из опасения перед Хулавуном, что он узнает, что они прибыли по поводу его». По рукописи Ибнельфората Михаил извинял «удерживание их от отправки (в Кипчак) тем, что земля его далека от стран, соседних с царством султана Рукнеддина, но близка к землям, соседним с царством Хулаку, (который) услышав, что я позволил послам царя египетского отправиться к царю Берке, заподозрит (в этом) нарушение мира между мною и им и поспешит ограбить соседние ему земли мои» (Т и з е н г а у з е н, Материалы, I, 190). Напомним, что дружественные отношения с Хулагу Михаил пытался даже закрепить браком монгольского князя на своей побочной дочери (P a c h y m e r e s, 3,3).

[5] Вопрос о хронологическом определении этого похода едва ли должен вызывать какие-либо сомнения. Послы султана (по Ибнабдеззахыру) от-

связи с отношениями между Михаилом и правительством персидских монголов. Трудно сказать, в какой мере имело значение в данном случае задержание послов султана; во всяком случае, мы имеем свидетельство Эльмуфаддаля, что предводитель войск Берке потребовал от египетского посла (Эльфариса) письменное удостоверение в том, что тот «остается (в Константинополе) по доброй

правились 17 рамазана 661 г. (25 июля 1263 г.) (Тиз., I, 62). В рамазане следующего — 662 г. (27 июня — 26 июля 1264 г.) султан получил известие о задержании послов. Уже после этого известия султан написал Михаилу Палеологу составленное в резких выражениях письмо, в котором, между прочим, указывал на бесчинства, совершаемые войсками Берке в византийских владениях: «если причина задержки моих послов — дурные отношения твои к царю Берке и бесчинства, совершаемые войсками его в твоих владениях, то я улажу дела между тобою и им» (Тиз., I, 62—63). Султан, как рассказывает Ибнабдеззахыр, «написал (также) письмо к царю Берке по этому поводу, отослал его к эмиру Фариседдину Акушу Эльмасуди, отправившемуся с подарками к царю Берке, и приказал ему уладить мир» (Тиз., I, 63). Ибнабдеззахыр умер в 1293 г., 72 лет; его сочинение — одно из основных арабских первоисточников (ibid., 46). По сведениям Эльмуфаддаля, после того как послы пробыли в Константинополе 1 год и 3 месяца, одного из них — шерифа Имадеддина Абдеррахима Эльхашеми Эльабаси отпустили обратно в Египет (т. е. приблизительно в ноябре 1264 г.). Судя по тому, что письмо султана о военных действиях Берке было отправлено именно к Фариседдину (оставшемуся в Константинополе), можно предположить, что оно было написано уже после приезда шерифа в Египет, совершившегося, таким образом, или в ноябре или в июле (по Ибнабдеззахыру) 1264 г. (ibid., 61—63, 190). Получив распоряжение от султана «уладить мир», оставшийся в Константинополе Фариседдин помог заключить императору мир (или перемирие) с татарским военачальником, и когда татарские войска ушли, он был отпущен Михаилом к Берке-хану. Так как (по Эльмуфаддалю) пребывание Фареседдина в Константинополе длилось не менее 2 лет, то, следовательно, он отправился из Константинополя не ранее осени 1265 г. Итак, согласно рассмотренным арабским источникам, золотоордынцы производили набеги, возможно, уже в 1263 г., но поход, освободивший иконийского султана Изеддина, имел место в 1265 г., но не позже, т. е. еще при жизни Берке. Этот вывод вполне подтверждается и указанием других источников. Так, по Рашид-эд-дину, «к Стамбулу прибыло войско Беркая», освободившее Иззеддина (см. Тиз., I, рукопись; см. также персидский текст в изд. E. Blochet, 1911 г., стр. 549; см. примеч. на стр. 54—56); приблизительно к тому же времени относит событие и Никифор Григора, кн. 4. В изд. C. B. Pachymeres'a, освобождение Иззеддина татарами отнесено к 1265 г. (v. II, Bonnae, 1835, p. 754). К этому приблизительно времени относит поход и Бейбарс («Уже выше мы упомянули, что Берке, царь Татарский, перед смертью своею снарядил войско для завоевания Стамбула» — Тиз., I, 103; Берке умер в 1266 г.), и турецкий историк Мюнеддим баши (Мюнеддим баши, II, 572; В. Д. Смирнов, Крымское ханство, СПб., 1887, стр. 21). Ср. также о набегах Берке около 1265 г. у Ибнельфората: «в шеввале 663 г. (17 июля — 14 августа 1265 г.) хаджиб Шуджа-эд-дин Ибнеддаие отправился к царю Берке послом от султана для прекращения набегов царя Берке на земли Ласкариса, согласно просьбе Ласкариса об этом» (Тиз., I, 358).

Некоторые, сравнительно более поздние историки относят поход татар и освобождение Иззеддина к 1269—1270 гг. Это дало повод В. Д. Смирнову склониться к мнению, что поход татар и увод Иззеддина совершился не при Берке, а при Менгу-Тимуре (см. В. Д. Смирнов, ор. с., стр. 21—22). Действительно, Энувейри (ум. в 1333 г.) и Элайни (ум. в 1451 г.), а также историк XVII в. Мустафа-аль-Дженнаби относит поход татар и освобождение Иззеддина к 1269—1270 гг. (Тиз., I, 153, 154, 511; Смирнов, ор.

воле своей и что ему не препятствуют отправиться к Берке». [1] Непосредственная причина похода — сношения икопийского султана Изседдина (которого Михаил не выпускал на родину) с болгарским королем и татарами — подробно изложена у Пахимера; [2] но и оп

с., 21). В тексте сочинения Эльмакризи (ум. в 1441—1442 гг.) имеем приписку, как предполагает Тизенгаузен, сделанную самим Эльмакризи в подлиннике сбоку, чтобы указать, что событие, помещенное им под 662 г. (т. е. около 1264 г.), «собственно должно быть перенесено под 668 г.» (т. е. в 1269—1270 гг.) и затем уже позднейшим переписчиком ошибочно включено в общий текст (Тиз., I, 422). Место это помогает нам понять хронологическую ошибку некоторых арабских историков. Дело в том, что около 1270 г. был тоже совершен набег (другой) татар на Византию. О нем прямо говорит византийский историк Пахимер в гл. 4, 30 (см. Pachymeres, C. B., p. 757); о том же, повидимому, набеге говорит и Ибнхальдун под 670 (1271—1272 г.) (Тиз., I, 380). Этот второй набег на Византию и дал, очевидно, повод некоторым, главным образом более поздним историкам хронологически смешать оба похода, т. е. отнести первый поход ко времени второго.

Подобную же ошибку, но уже при чтении боннского издания Пахимера, допустил и Н. И. Веселовский. «У Пахимера, — пишет Веселовский, — сообщается, что в 1270 г. татары способствовали кралю Константину захватить сельджукского султана Изседдина, пришедшего из Малой Азии на помощь грекам, и тогда болгарскому кралю достались большие сокровища, из которых он щедро одарил татарское войско», и делает ссылку на боннское издание, т. I, гл. III, § 25, стр. 229—240 (Н. И. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Зап. Росс. Акад. Наук, VIII сер., т. XIII, № 6, П-д, 1922, стр. 40). На стр. 229—240 боннского издания мы действительно находим рассказ о походе татар и освобождении Изседдина (хотя кстати сказать, о том, что болгарский краль «щедро одарил татарское войско» из доставшихся ему сокровищ, в тексте ничего не говорится). Но в хронологической таблице этого издания под 1270 г. указано нашествие на Византию татар, когда они были призваны великим коноставлом Тарханиотом, о чем Пахимер говорит в гл. 4,30. Поход же татар, во время которого был освобожден Изседдин, отмечен в том же издании, вопреки утверждению Веселовского, под 1265 г., со ссылкой на гл. 3, 25 (см. стр. 754, 757).

Не подлежит сомнению также, что войско посылалось по приказанию самого Берке-хана, о чем свидетельствуют арабские источники; мы не знаем даже, участвовал ли Ногай в этом походе; и во всяком случае, как можно заключить из рассказа Пахимера, если и участвовал, то шел по приказанию Берке-хана. «Этот народ, — пишет Пахимер, — в то время управлялся самовластно, так как не совсем еще пока (тохарцы) подчинились Ногаю; ибо этот Ногай начал первый отлагаться от деспотов; живя с Тохарцами дружелюбно и обходясь запросто, он вместе с ними и при их содействии завоевал области не в пользу хана, как они его называли, который посылал его, но все, что приобретал, усвоял себе и им» (Pachymeres 3, 25, стр. 231). Ср. перевод под ред. проф. Карпова, который передает текст весьма неточно, искажая смысл отношений: «не в пользу хана, который посылал его, как они думали, но все, что приобретал, усвоял себе и им»; а также «ἀποστατεῖν τῶν δεσποτῶν» переведено: «низвергать деспотов» (см. «Византийские историки», пер. с греч. при СПб. дух. акад., Георгий Пахимер, СПб., 1862, 211; ср. Pachymeres, C. B., стр. 231, со слов: «οἰδέχαι ἄλλως» до слов «ἐκείνοις ἐσφετερίζετο»). Такое чтение может дать повод для неосновательного утверждения, что Ногай действовал уже при Берке самостоятельно.

[1] Тизенгаузен, ор. с., 191.

[2] Pachymeres, 3,25; о мотивах выступления Константина см. также Nicephorus Gregoras, 4.6. О родственных связях Берке с Изседдином как мотиве заступничества Берке за Изседдина, см. Смирнов, ор. с., 19—21.

говорит, что Изеддин знал о тайных условиях императора с Абакой, по которым надлежало оттянуть его возвращение на родину. [1]

Меньше нам известно о причинах набега татар на византийские владения при Менгу-Тимуре (около 1270 г.).[2] Желая предотвратить возможность подобных же нападений в дальнейшем, Михаил Палеолог, учитывая, очевидно, возраставшее влияние военачальника Ногая в делах Золотой Орды, выдал за него свою незаконнорожденную дочь Ефросинию (1273 г.) и, таким образом, приобрел в его лице союзника. [3]

Но в 70-х гг. XIII в вопрос о сближении Византии с иранскими монголами стал в новом соотношении. Надеясь на военную помощь против своего врага — египетского султана, Абака завязал оживленные переговоры с папой и давал понять как будто о своей готовности принять латинскую веру, рассчитывая на успех нового крестового похода против египетских мамелюков, владевших «святою землею». [4] Церковная уния 1274 г. между папой и византийским императором несла с собою непосредственную угрозу совместных действий византийского императора и иранских монголов против войск египетского султана. На Лионском соборе (1274 г.), где между папой и императором состоялось соглашение о подчинении греческой церкви Риму (император признал догмат filioque, опресноки и главенство папы; греческий клир подчинялся папскому владычеству, и право решений папы по церковным делам было принято даже без ограничений, которые входили в условия Ватаца), [5] император заверил о своей готовности принять участие (войсками, деньгами и продовольствием) в предполагаемом общем крестовом походе на освобождение «святой земли». [6] Эти успехи папской политики в Царьграде не могли ближайшим образом не беспокоить золотоордынскую дипломатию, тем более что папа Николай III делал дальнейшие шаги к укреплению зависимости Византии от папского престола [7] и, энергично действуя среди иранских монголов, [8]

---

[1] «ἤδει γὰρ ἄλλα τὸν βασιλέα πραγματευόμενον καὶ τὸ κῆδος ἔπειθε τὸ πρὸς τὸν Ἀπαγᾶν ὡς οὐκέθ' ὑποστρέφειεν» Pachymeres, 3,26; русский перевод Карпова, стр. 209. Абака вступил на престол в 663 г. (24 окт. 1264—12 окт. 1265 г.).

[2] О нем см. Pachymeres, 4,30; Ибнхальдун (Тиз., op. c., 380). О задержании послов царя Берке императором в 1266 г. см. Ибнельфорат (Тиз., op. c., 359).

[3] Pachymeres. 5, 3, 4; 6, 3, 6. 8.

[4] Annales Ecclesiastici, Od. Raynaldus, t. III, 1267, № 70,71; 1274 гг., № 21, 22; Н. Красносельцев, Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухаммедан, Казань, 1872, стр. 71 — 73; Pelliot, Mongols et papes aux XIII et XIV siécles, Paris, 1922, 11—12; ср. P. Pelliot, Les Mongols et la papauté (extrait de la Revue de l'Orient chrétien, 3 Ser., t. III, № 1 et 2), Paris, 1923, p. 2.

[5] W. Norden. Das Papstum und Byzanz. Berlin, 1903, S. 524—525 u. ff., ср. 369—370.

[6] Ibid., 532, 520—536.

[7] Ibid., 597—598; Pachymeres, 6, 14—15; ср. стр. 762.

[8] Mosheim. Hist. tartar. ecclesiast., app. № XXI, p. 71—76; Красносельцев, op. c., 74—75; Annales ecclesiastici... Od. Raynaldus,

пытался вместе с тем распространить свое влияние и среди «скифских татар», в областях, лежавших близ Юго-западной России.[1]

Итак, в то время как митрополит Кирилл, как мы видели, совершенно скомпрометировал себя в глазах Орды, и ханский престол не вступал с ним в непосредственные сношения, вопрос о посредничестве между русской митрополией и Византией, после утверждения византийского императора в Константинополе, не мог не получить серьезного политического значения с точки зрения золотоордынской дипломатии.

В 1261 г., в тот самый год, когда Михаил Палеолог овладел Константинополем, в Сарай был перенесен центр южной (переяславской) епископии.[2] Положение Сарайского епископа определяли новые, но достаточно характерные признаки; он выступает перед нами, как близкое ко двору, доверенное лицо хана; документы канонического права заставляют предполагать, что ему приходилось следовать за ханской ставкой даже в те периоды года, когда Орда кочевала.[3] Сарайский епископ явился как раз тем лицом, ко-

---

1278, № 22; ср. № 24 («excitati erant gentiles Tartari ad saracenicam superstitionem excindendam fidemque christianam amplectendam, ut vidimus egregie animati...» и т. д.).

[1] См. о том, что папа отдал приказ среди «скифских татар» «в пределах татарских» (говорится и о куманах) поставить епископа («Nonnulli vero alii ex eadem familia divini verbi semen inter Tartaros scythas feliciter sparserant, ac plures gentilitiis erroribus involutos, ad christi cultum traxerant: cumque nullus episcopus in iis regionibus ageret, et civitas, quae in Tartarorum limite sita erat, jamdiu deleta esset; unde Minoritae ad sacros ordines non poterant promoveri, qui iisdem Minoritis in iis regionibus praeerat, exposuit Pontifici episcopum in iis partibus magnas utilitates rei Christianae allaturum. Quibus permotus Nicolaus Philippum episcopum Firmanum A. S. L. instituere episcopum jussit (b) ac si qui proventus ad sedem Apostolicam spectarent, eos ad sustinendam dignitatem episcopo attribuere». (Od. Raynaldus, III, 1278, № 22). Самого епископа фирманского Филиппа папа уполномочил как в самом королевстве Венгрии, так и в смежных с нею частях («ac Poloniae, Dalmatiae, Croatiae, Ramae, Serviae, Lodomeriae, Galatiae et Cumaniae partibus illi conterminus») действовать между представителями церкви и людьми мирскими (Od. Raynaldus, op. c., 1278, № 23).

[2] О поставлении Митрофана в 1261 или в начале 1262 г. см. Лавр., Ерм. лл.

[3] См. Памятники древнерусского канонического права, ч. 1, Русск. истор. библ., VI, СПб., 1908, № 12 (Ответы... на вопросы сарайского епископа Феогноста), стр. 136; «Въпрос. Подобаеть ли, свящав трапезу, преносити отъ мѣста на мѣсто, и на ней литоргисати? Ответ. Подобаеть, занеже по нужи есть. Ходящие людие не имѣють себѣ упокойна мѣста; но стреши съ страхомъ и трепетомъ: въ чистѣ мѣстѣ поставити ю, и служити на ней»; ср. ibid. на стр. 136, примеч. 6 («ходящие», т. е. кочующие, кочевники). Ср. вопрос 23: «приходящимъ отъ татаръ, хотящихъ креститися, и не будетъ велика съсуда, в чемъ погружать ему?» Ярлык Менгу-Тимура был написан, например, во время кочевки; в конце его читаем: «на Талы писано». Тала значит по-монгольски «равнина», «степь»; поэтому «на талы» значит: на степи, в степи. См. В. В. Григорьев, О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству, в сборн. «Россия и Азия», стр. 234; ср. также конец грамоты Тайдулы: «на желтой трости орда кочевала написано». О кочевках ханской ставки см. у Ибнбатуты (Тиз., I, 289), Шерефеддина (Тиз., II, не изд.) и др.

торому в качестве представителя русской иерархии было поручено непосредственно сноситься с Византией, выполнять обязанности посредника между Царьградом и русской митрополией.

Из летописи мы узнаем, что сарайский епископ (с 1269 г.) Феогност ездил в Царьград не менее трех раз. [1] Первая поездка относится ко времени 1269—1276 гг.;[2] точнее определить время поездки невозможно, хотя по некоторым данным допустимо предположение, что посольство это состоялось около 1273 г., т. е. незадолго до Лионского собора. [3] Вторую поездку мы имеем основание с полной уверенностью приурочить к 1276 г. Дело в том, что до нас дошел акт, сохранившийся в греческом подлиннике; из него мы узнаем, что в 1276 г. епископ сарайский Феогност принимал участие на собрании в Константинополе, в церкви св. Софии, состоявшем из митрополитов и патриарха Иоанна Векка, поставленного за год перед тем на патриаршество, после того, как он (в церковных несогласиях) перешел на сторону императора. [4] Епископов на собрании, кроме Феогноста, судя по тексту акта, не было (были еще только владычные слуги); [5] сарайский епископ представлял собою, очевидно, исключение. Третья поездка состоялась в 1279 г. (или 1278—1279 гг.) т. е. в год, когда из Константинополя отправлялось посольство к папе Николаю III в ответ на его требования гарантий укрепления (светской) власти папы в Византии. [6] В обстоятельства этой поездки вводит нас рассказ русской летописи: «Того же лѣта, — читаем в Ни-

---

[1] Никон., 1279. О епископе сарайском Митрофане (1261—1269) мы почти никаких сведений не имеем (см. Симеон. л. под 1269 г.: «того же лѣта Митрофан, епископ Сарский, отписася епископья Сарскыя и пострижеся в скиму. В него мѣсто постави митрополитъ епископа Феогноста Русскому Переяставлю и Сараю»).

[2] 1269 г. — год, когда Феогност был хиротонисан; к 1270 г. относился вторая поездка Феогноста.

[3] По Ибнельфорату, «в шаабане 671 г. (21 февраля — 21 марта 1273 г.) султан отправил послов царя Менгутемира... в сообществе их он отправил (также) послов Ласкариса. Т и в., I, 361; ср. 1,57, 62.

[4] См. Пам. др.-р. канон. права, ч. I, Прилож., № 1, стр. 5—12. О патриархе Векке см. P a c h y m e r e s, 5, 13—15, 24—28; Nicephorus G r e g o r a s, 5,2. Ср. известие Ибнельфората о посольстве Менгу-Темура в 1275—1276 гг.: «в 674 г. (27 июня 1275—14 июня 1276 г.) султан... (отпустил) послов царя Менгутемира, которых отправил к государю их... и отрядил с ними послов» (Т и в., 1, 361).

[5] Кроме патриарха и митрополитов (перечисление) присутствовали: παρισταμένων καὶ θεοφιλεστάτων δεσποτικῶν ἀρχόντων, ὁ θεοφιλεστατος ἐπίσκοπος τοῦ Σαράη (Пам. др.-р. канон. права, 1, Прилож., стр. 6). Любопытно, что в позднейшем славяно-русском переводе этого акта прибавлено имя митрополита (Максима), будто бы присутствовавшего на соборе, и 4-й индикт изменен на 14; в 1276 г. митрополитом был не Максим, а Кирилл (ум. в 1281 г.), а также παρισταμένων καὶ θεοφιλεστάτων δεσποτικῶν ἀρχόντων переведены (или, вернее, заменены): «избранным попом и диаконом» (см. ibid., ч. I, № 12, стр. 130—131, и Прилож., стр. 6).

[6] Послы папы Николая III к Михаилу Палеологу были отправлены (инструктированы) в 1278 г. См. N o r d e n, op. c., 597—600; P a c h y m e r e s, C. B., стр. 762; о папских послах в Византии и о посольстве Михаила к папе см. P a c h y m e r e s, 6, 14, 18; N o r d e n, op. c., 601.

коновском своде под 1279 г. — прииде Феогнаст епископъ Сарайскый, втретии изъ Греческиа земли изо Царяграда; посылалъ убо его преосвященный Кирилъ, митрополитъ Киевский и всеа Руси, и царь Ордынский Менгу-Темирь къ патриарху и къ царю Михаилу Палеологу Греческому, отъ пресвященнаго Кирила митрополита грамоты и отъ царя Менгу-Темиря грамоты и поминки отъ обою» («тое же зимы, — читаем в Симеоновской и Троицкой летописях, — приѣха Феогностъ, епископъ Сарайский, из Грекъ, посыланъ митрополитомъ к патриарху и царемъ Менгутемеремь ко царю [греческому] Палеологу»). [1]

Летописный рассказ о третьей поездке Феогноста вскрывает, как видим, одну из основных задач посредничества между Царьградом и русской митрополией — исполнение дипломатических поручений к императору (или к императору и патриарху) от хана Менгу-Тимура. Поездкам представителя русской иерархии в Царьград давалось политическое назначение, и эта миссия возлагалась не на митрополита, а на сарайского епископа.

Исключительным положением, в которое была поставлена Сарайская епископская кафедра, таким образом, создавался до известной степени как бы новый церковный центр русской митрополии. [2] Надо думать, что и в делах внутренней политической жизни Северовосточной Руси сарайский епископ должен был играть значительную роль, выполняя те или иные дипломатические поручения хана; к этой мысли, впрочем, приводят нас некоторые конкретные штрихи в известиях летописного материала. Так, митрополичий летописец, в составе Львовской летописи, сообщает под 1296 г., что на съезде князей, состоявшемся после приезда ордынского посла Неврюя, благополучному разрешению вопросов содействовали, во-первых, местный владимирский епископ Симеон и, во-вторых, не митрополит, как следовало бы ожидать, а «владыко Сарайский Измайло» (Льв. л.).

Так, мало-помалу, обладание опустевшим и разгромленным Киевом как митрополичьей резиденцией теряло свои политические преимущества. Александр Невский, получив Киев, не поехал на юг, а остался в Новгороде. В дальнейшем, в XIII в., мы не слышим о князьях в Киеве, но не можем с уверенностью сказать, что князей там не было: о Киеве последующих десятилетий мы почти ничего

---

[1] П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 77, примеч. 1. О посольстве египетского султана к Менгу-Тимуру около того же времени см. у Ибнельфората: «в месяце ребиэльэввеле 679 г. (июле 1280 г.) султан отправил морем Шемседдина... и... окольничьяго Тюркского послами к царю Менгу-Темиру и написал с ними письмо Гыяседдину» (ответное посольство?) (Т и в., I, 361).

[2] Любопытно, что даже после того как власть митрополита приобрела полный авторитет в Орде, сарайский епископ пользовался еще, повидимому, некоторым преимуществом между епископами в деле сношения с Царьградом. Так, в 1354 г. рекомендательные об Алексее грамоты от русских епископов патриарх получил через епископа сарайского (см. Пам. др.-р. канон. права, Прилож., стр. 54).

не знаем. [1] Оторванная в условиях, созданных феодальной раздробленностью и в зависимости от условий, созданных татарским нашествием, Юго-западная Русь безнадежно уходила из поля зрения Владимирского стола.

Итак, после татарского завоевания во внутренней жизни края произошел глубокий сдвиг в результате тех событий, которые были связаны с нашествием татар. События эти обрекали на гибель как раз те идеи, в торжество которых верили во Владимире и которыми были воодушевлены составители северо-восточных летописных сводов перед татарским нашествием (XII—XIII вв.). На Владимир хотели смотреть, как на общерусский центр, столицу «Русской земли», но фактически именно Владимир был страшно обескровлен; ни Ростов, ни Ярославль, ни Углич, ни Тверь не подверглись, кажется, такому разгромлению, не испытали такого беспощадного избиения своих обитателей. На владимирских князей в первые годы ига продолжали еще смотреть, как на защитников не только земель Ростово-Суздальской, Новгородской и Смоленской, но и земель киевского юга, а фактически Киевщина все более и более уходила из сферы владимирских интересов. Церковно-политический центр в некотором отношении был перенесен в Сарай. Деятельность митрополичьей кафедры в значительной мере лишилась своего политического значения, а вместе с этим и обладание опустевшим Киевом как митрополичьей резиденцией теряло прежние политические преимущества. Оторванная татарским погромом Юго-западная Русь безнадежно уходила с поля зрения Владимирского стола.

Это крушение практических возможностей к осуществлению общерусской роли Владимирского стола оплакивалось как «погибель Русской земли». Таким плачем является сохранившийся отрывок памятника «Слово о погибели Русской земли» — памятника, по существу, чисто владимирско-переяславской литературы. «Отселѣ, — говорит автор, — до оугоръ и до ляховъ, до чаховъ, от чаховъ до ятвязи и от ятвязи до литвы до немець, от немець до корѣлы, от корѣлы до Оустьюга, гдѣ тамо бяхоу тоимици погании и за дышючимъ моремъ, от моря до болгарь, от болгарь до боур-

---

[1] О политической судьбе Киева во второй половине XIII в. ср. М. Грушевский, Очерк истории Киевской земли, Киев, 1891, стр. 445—450, ср. стр. 465—470; его же, Історія України — Руси, III, стр. 170—171 и др. Ср. Зотов, ор. с., стр. 207.

О том, что Киевская Русь подверглась «запустению» только после татарского нашествия, см. у С. М. Середонина, Историческая география, П-д, 1916, стр. 193—195, и рец. А. А. Шахматова в Русском истор. журн., кн. 1—2, 1917, стр. 207; не следует забывать о составе населения некоторых городов в связи с защитой окраин с помощью самих кочевников (домонгольский период). Ср. Грушевский, ор. с., стр. 144—161. Под 1300 г. отмечен в Лавр. л. переезд митрополита в Суздальскую землю «со всѣм своимъ житьемъ»; «митрополитъ Максимъ, не терпя татарьского насилья, оставя митрополью и збѣжа ис Киева, и весь Киев розбѣжалъся». Когда в 1331 г. владыка Василий проездом прибыл под Чернигов, «ту пригнашеся киевьскии князь Федоръ съ баскакомъ татарьскимъ в 50 человѣкъ разбоемъ» (Новг. 4 л.).

тасъ, от боуртасъ до чермись, от чермись до моръдви: то все покорено было богомъ крестианьскому языкоу, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду... »[1]

Северная, Северо-восточная и Юго-западная Русь, по представлению автора, были объединены перед татарским нашествием под единой властью, составляли единое государственное целое. Носителем этой общерусской власти был великий князь владимирский, и общерусским центром, следовательно, — г. Владимир, где сидел потомок и политический преемник киевских князей Юрия и Владимира Мономаха. [2] Нашествие татар, в сознании составителя «Слова», несло с собою, очевидно, «погибель», поскольку разрушалось государственное единство Русской земли и «погибало» значение г. Владимира как общерусского центра.

С разгромом и опустошением г. Владимира после татарского нашествия центр жизни Ростово-Суздальской земли передвинулся на север. Средоточием церковной и общественной жизни края сделался Ростов — древний вечевой центр волости. Туда, на территорию Ростовского княжества, потянулось, как мы видели, сбитое со своих мест население. И оттуда, со стороны старого Ростова, поднялась в 60-х гг. XIII в. волна вечевых мятежей против порядков ордынского владычества.

---

[1] См. Серебрянский, ор. с., тексты, стр. 109; ср., далее: «то половоци дѣти своя ношаху в колыбѣли...» и т. д. Автор, таким образом, полностью очертил территориальные пределы всей «Русской земли»; в пределы описанного им круга входят все русские области XIII в. О существовании в XIII в. (на Северо-востоке) других памятников с подобным же перечислением народов см. И. Н. Жданов, Русский былевой эпос, СПб., 1895; ср. Серебрянский, ор. с., 163—165.

[2] «То все покорено было богомъ... великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю кыевьскомоу, дѣду его Володимеру и Мана [ма] ху...» (Серебрянский, ор. с., тексты, 109).

ГЛАВА II

Выступление северо-восточных городов (1262 г.) ближайшим образом было направлено против мусульман-откупщиков, появившихся с распространением откупной системы. Наши сведения о Берке-хане (1258—1266) [1] говорят за то, что с его стороны можно было ожидать скорее поблажек по отношению к откупщикам-мусульманам: Берке (первый золотоордынский правитель, принявший мусульманство) имел тесные связи с мусульманами Ближнего Востока; по свидетельству Эльджузджани, он еще в юном возрасте обучался корану в Ходженте. [2] Но оказывается, что в данном случае откупщики приезжали не от Берке, не из «Золотой Орды».

Мы видели, что организация сбора налогов с провинций империи, и в том числе с России, по крайней мере частью, непосредственно относилась к деятельности центрального управления, зависела от великого хана (каана), или императора. Признаки этой зависимо-

---

[1] В. В. Бартольд склоняется к мысли, что Улакчи умер в 1257 г. и что «этот год, вероятно, надо признать годом вступления на престол Беркая» (Лэн-Пуль, 191; по Лэн-Пулю, Берке вступил на престол в 1256 г.). Но не правильнее ли принять 1258 г. как год вступления Берке во владение Золотой Ордой, так как в Лавр. л. не только под 1257, но и под 1258 г. говорится о том, что князья в Орде «чтивше Улавчия» (Лавр. 6767 — год мартовский).

[2] Эломари (египетский писатель первой половины XIV в., занимавший должность секретаря при султане), который почерпнул свои сведения о Золотой Орде главным образом из личных расспросов лиц, ездивших туда по торговым и дипломатическим делам, передает, что Берке еще при жизни Бату познакомился с исламом в Бухаре и принял новую веру из рук шейха Эльбахерзи (Тиз., 1,245). Но, как узнаем мы из истории Эльджузджани, Берке обучался корану еще тогда, когда достиг «срока обучения и наставления», что обучение происходило в Ходженте и это делалось в согласии с указанием его отца (Джучи). Но и по Эльджузджани, выросши, Берке ездил в Бухару (Тиз., II, рукопись); ср. также показания Рубрука (пер. Малеина, стр. 95); см. также Barthold, Berke (Enzycl. des Islām). О распространении мусульманства при Берке см. Тиз., I, 99, 64, 194 (Бейбарс, Ибнабдеззахыр, Эльмуфаддаль). Распространение мусульманства в Золотой Орде нельзя, между прочим, не поставить в связь с культурным воздействием восточных купцов-мусульман, хотя утвердилось оно в Золотой Орде только при Узбеке. Недаром существовал рассказ (придуманный впоследствии), который дошел до Абулгази (XVII в.), что сам Берке познакомился с мусульманством благодаря двум бухарцам торгового каравана; этот караван направлялся в Бухару, и Берке повстречал его, возвращаясь из Сарайчика (Aboul-Ghâsi, Histoire des Mongols et des tatares, p. 181).

сти мы встречаем и в 1262 г.; летопись рассказывает, что в то время в Северо-восточную Россию (в Ярославль?) прибыл от «цесаря татарского Кутлубия», т. е., как можно полагать, от императора Хубилая (1259—1294), [1] «золъ сый» мусульманин Титям (Титяк); его «поспѣхом» действовал некто Изосима, также принявший мусульманство, и «творил великую досаду» местному населению; он был убит в Ярославле, по словам летописи, в тот самый момент (в 1262 г.), когда по городам избивали или изгоняли мусульман, откупавших «дани». [2] Таким образом, откупщики приезжали на Русь в начале 60-х гг. XIII в. от императора монгольской империи, а не от Берке.

В начале 60-х гг. XIII в. в монгольской империи начались смуты — борьба между Хубилаем и Арикбугой,[3] золотоордынский правитель Берке, сначала как будто державший сторону Хубилая,[4] поддерживал Хайду против Алгу, который изменил Арикбуге и перешел на сторону Хубилая в 1262 г. [5] Эти смуты положили начало отделению «Золотой Орды» от империи. Сведения о событиях в империи должны были быть вскоре получены на Руси.

Какой практический вывод могли сделать на Руси из указанных событий? Деятельность откупщиков на Руси была страшным на-

---

[1] Об императоре Хубилае см. Jule, The book of ser. Marco Polo, ed. by Cordier, v. I—II, London, 1903; D'Ohsson, II, 338—505; H. Howorth, History of the Mongols, I, London, 1876, 216—283; Blochet, Introduction à l'Histoire des Mongols, 1910. R. Grousset, Hist. de l'Extrême-Orient, t. II, Paris, 1929.

[2] См. Лавр. л., 1262 г. «Томь же лѣтѣ убиша Изосиму преступника, то бѣ мнихъ образом точью, сотонѣ съсудъ; бѣ бо пьяница и студословець празднословець и кощюньникъ, конечное же отвержеся Христа и бысть бесерменинъ, вступивъ в прелесть лжаго пророка Мамеда (Махмеда); бѣ бо тогда Титямъ приѣхалъ отъ цесаря Татарьского, именемѣ Кутлубий, волъ сый бесурменинъ, того поспѣхомъ оканный лишеникъ творяше хрестьяномъ велику досаду, кресту и святымъ церквамъ поругаяся; егда же люди на врагы своя двигшася на бесурмены, изгнаша, иныхъ избиша, тогда и сего безаконного Зосиму убиша в городѣ Ярославли, бѣ тѣло его ядь псом и ворономъ». Ср. Симеон. л.; в Воскр. л.; «бѣ бо того лѣта приѣхалъ Титям послом на Русь отъ царя Татарского ...» и т. д. В Никон. л.: «и приатъ поспѣхъ отъ посла царева Титяка». Ср. Устюжское известие 1262 г. в составе Архангелогородской летописи: «занеже умножихася Татарове во всѣхъ Рускихъ, ясащики живуще не выходя». («Летописецъ, содержащий в себѣ Российскую историю от 6360 до 7106 г.», Москва, 1819, 6770 г. Ср. Gaubil, Hist. de Gentschiscan et de toute la dynastie... tirée de l'histoire chinoise, p. 140—141 [О Хубилае]).

[3] Хубилай и Арикбуга были сыновья Тулуя и внуки Чингис-хана.

[4] В 1260 г. Арикбуга поставил в улусе Джагатая Алгу, поручив ему охранять границы Кипчака от вторжений иранского князя Хулагу и золотоордынского князя Берке, которые могли двинуться на помощь Хубилаю (Рашид-ед-дин; D'Ohsson, II, 350).

[5] В 1262 г. Алгу изменил Арикбуге; в 1263 г. Хайду, внук Угедея, поддерживаемый наследниками Батыя, двинулся против Алгу, но был отброшен. На следующий год Арикбуга отдался в руки брата Хубилая; над Арикбугой был произведен суд; Хулагу Берке и Алгу скрепили постановления суда (см. D'Ohsson, II, 352—358).

родным бедствием; откупая дань, они «велику пагубу людямъ творили»: тем, которые не могли платить, они давали деньги в рост, а недоимщиков уводили в рабство («роботяще рѣзы [1] и многы души крестьяньскыя раздно [розно] ведоша»). [2] Теперь тот император, который их прислал, вел борьбу со своим соперником. Момент для призыва к восстанию мог быть благоприятным.

Древнерусское городское вече давало уже готовую форму для выражения народных настроений. Выступления городов «Ростовской земли» и вылились, естественно, в форму вечевых волнений: «избави Богъ от лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовьския земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганых, изволиша вѣчь, и выгнаша из городовъ, из Ростова, ис Суждаля, изъ Ярославля» (Лавр., л. 1262).

Волнения 1262 г. вспыхнули одновременно во многих городах «Ростовской земли». Устюжский летописец (в составе Архангелогородской летописи) свидетельствует, что вечевые выступления начались не только в Ростове, Ярославле и Суздале (по Воскр. л. — и во Владимире), но одновременно и по другим городам: «Въ лѣто 6770 бысть вѣчье на Бесермены по всѣм градом Русским, и побиша Татаръ вездѣ, не терпяще насилия от нихъ». Одновременность в выступлении многих городов против «бесермен» указывает на известную согласованность их действий. Текст устюжского известия сохранил даже прямое указание на какую-то грамоту, подававшую сигнал к восстанию: «и прииде на Устюгъ грамота от великого князя Александра Ярославича, что Татаръ бити».

Анализ материалов в новом свете показывает отношение Александра Невского к событиям. Если положение в империи позволяло надеяться, что изгнание за пределы Руси откупщиков, присланных от императора, не вызовет карательных мер со стороны татар, присланных из «Золотой Орды», то прикосновенность к делу Александра Невского как инициатора восстания становится вполне правдоподобным. Едва ли грамоты, рассылавшиеся по городам с призывом «татар бити», были подписаны Александром и им рассылались, но участие его в этом деле, отраженное летописью, теперь не представляется нам более плодом народной фантазии. [3] Александр Невский мог первый узнать о событиях, имевших место в монгольской империи, сделать практический вывод из полученных сведений и подать сигнал к восстанию. Ошибаются историки, когда полагают, что в 1263 г. Александр ездил в Орду, чтобы предотвратить кару, ожидавшуюся после восстания: в этом, как мы

---

[1] «Рѣзъ», как известно, значит — рост, процент; ср. выражение — давать «въ рѣзы», «рѣзоимание»; см. И. И. Срезневский, Материалы, III.

[2] См. Лавр., Воскр., и Симеон. лл. Эта фраза «и многы души крестьяньскыя раздно (розно) ведоша» означает, что откупщики недоимщиков уводили в рабство, как объяснял Щербатов (История России, III, 87), а вслед за ним — Карамзин (История Гос. Росс. IV, 55). Это объяснение подтверждается указанием Карпини.

[3] Ср. И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.), СПб., 1882, стр. 127.

видели, не было нужды. Сравнительный анализ летописного и житийного материала устанавливает, что причиной последней поездки Невского в Орду являлось не желание предотвратить кару после восстания (об этом нет данных), а происходивший усиленный набор среди русских. [1]

В составе населения Батыева юрта, будущего золотоордынского государства, даже в центральной части его — Кипчака и Нижнего Поволжья — монголы представляли собою сравнительно небольшую группу, и Золотая Орда только условно могла называться татарским государством. «Четырех упомянутых эмиров — писал Рашид-ед-дин на рубеже XIV в.— с четырьмя тысячами войска Чингис-хан отдал Джучихану; теперь бо̀льшая часть войск Тохты и Баяна суть из рода этих 4-х тысяч, а то, что прибавилось (к ним), состоит из присоединившихся к ним войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и других, да во время междоусобий родичей некоторые из них

---

[1] В литературе укрепилось ошибочное мнение, будто Александр Невский ездил в 1262 (1262—1263) г. в Орду для того, чтобы предотвратить кару, ожидающуюся после народного восстания, о котором сообщает летопись под 1262 г. См., например, у Соловьева: «понятно, что в Орде не могли спокойно снести этого события, и полки татарские уже посланы были пленить христьян; тогда Александр, чтобы отмолить людей от беды, отправился в четвертый раз в Орду» (История России, т. III, 842); то же у Иконникова — (Опыт русск. историогр., т. II, кн. I, 934); то же у Преснякова: после изгнания «бесермен» из городов великий князь Александр поспешил в Орду к хану, «дабы отмолилъ люди отъ бѣды» (Образование великорусского государства, 57). Источником такого толкования служит известие Воскр. л., что Александр поехал, «дабы отмолилъ люди отъ бѣды», причем летопись не объясняет, в чем заключалась эта «бѣда». В древнейших церковно-летописных житиях Александра Невского, составленных (по определению Н. Серебрянского) во второй половине XIII или в начале XIV в. с помощью светской биографии князя, написанной вскоре после его смерти, мы находим прямое указание на причины последней поездки Александра в Орду: «Бѣ же тогда нужа велика от поганыхъ и гоняхуть люди, веляхоуть с собою воиньствовати Князь же великый Олександро пойде ко царю, дабы отмолилъ людъ отъ бѣды, а брата своего моложьшаго Ярослава и сына своего Дмитрея с новогородци посла на западные страны и по вси полкы своя с нима» (рукоп. Псково-Печ. мон., Серебрянский, 118). Также читаем мы и в редакции жития 2-й Псковской летописи: «бѣ же тогда нужда велика отъ иноплеменникъ и гоняхуть христианъ веляше съ собою воиньствовати...» и т. д. (П. С. Р. Л., V, стр. 5). Редакция жития Лавр. л., по составу одинаковая с церковно-летописным житием Псково-Печерского списка, дошла в дефектном виде и обрывается на середине из-за отсутствия нескольких листов в сборнике. Летописно-церковная редакция жития, в той или иной обработке, была впоследствии использована и другими сводами: при сравнении жития Воскр. л. с Соф. 1 л. В. Максинка указал, что в разбираемом нами тексте в Воскр. л. мы имеем сокращение (см. В. Максинка, Житие Александра Невского, Пам. др. письм. и искусств, CLIII, 1913, стр. 81, 82—83). В составе Воскр. свода в ряду известий, взятых из Новг. л. под 1262 г., знакомый нам житийный рассказ изложен так: «того же лѣта князь великий Александръ восхотѣ поити в орду ко цареви, дабы отмолилъ люди отъ бѣды, а брата свого меншаго Ярослава и сына своего Дмитрия посла съ Новгородци на западныа страны, и всѣ плъки свои съ ними» (1262 г.). Как видим, автор Воскр. л. выпустил как раз существенные детали в объяснении причин отъезда великого князя в Орду и этим дал повод к неправильному толкованию текста.

ушли туда». [1] Монгольская армия формировалась из всех покоренных народов. «Они вербуют, — читаем мы о татарах в письме вице-министра миноритов Богемии и Польши, — себе сторонников из побежденных и подчиняют себе, заключая с ними союз». [2] Рассказывая о народе «моксель» (т. е. мокшанах, обитавших, приблизительно, в районе б. Пензенской губ.), Рубрук сообщает, что «их государь и бóльшая часть людей были убиты в Германии. Именно татары вели их вместе с собою до вступления в Германию». [3] Путешествовавший в Поволжье доминиканец Юлиан рассказывает, что бóльшую часть татарского войска составляют степные народы тюркского племени, которые сами себя охотно называют татарами; [4] а хроника Матвея Парижского сохранила письмо двух католических монахов, из которого мы узнаем, что, хотя воины монгольской армии и «называются татарами, в войске их много куманов и псевдохристиан (pessimi christiani)». [5]

Собственно монголы составляли в стране административное ядро, играя среди своего войска (чрезвычайно пестрого в национальном отношении) роль дисциплинирующей, организующей силы. По свидетельству Юлиана, монголы ставились начальниками войсковых частей, начиная с десятка, чтобы предупредить измену в армии, набранной из различных порабощенных народов. [6] В число этих народов вошли, конечно, и русские.

Лаврентьевская летопись рассказывает, что взятого в плен при реке Сити князя Василька Константиновича «нудиша и много проклятии безбожнии Татарове обычаю поганьскому быти въ ихъ воли и воевати с ними». [7] При взятии одного города он, по Рогеру, был окружен множеством плененных русских, куманов, венгров и меньшим числом татар; сначала были посланы вперед венгры, а когда их перебили, послали в битву русских, «измаильтян» и

---

[1] См. Тизенгаузен, II (не изд.); ср. D'Ohsson, II, 5. О том же говорит и персидская рукопись Муизза: «бóльшая часть войска в Дешткипчаке, Сарае и Хаджитархане до Руси и Черкесии происходят от этого народа» (т. е. 4 тысяч); к войску его присоединилось еще много других эмиров, но в подробности имена их неизвестны (Тиз., II, не изд.). По словам путешествовавшего монаха Юлиана, татарское войско, которое надвигалось на Россию, делилось на четыре части (См. Regesta Bohemiae et Moraviae, I, 474).

[2] Mat. Par. Ex Chron. Maior. M. G., т. XXVIII, p. 208.

[3] Рубрук, Путеш. в вост. страны, пер. Малеина, стр. 88.

[4] Regesta Bohemiae et Moraviae, I, 474—476. Ср. былину о Калине-царе, старой записи (в сборн. XVIII в. Кирши Данилова): «а с Калиномъ силы написано не много не мало на сто верстъ во все четыре стороны, еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ сорокъ королей с королевичемъ подъ всяким царем силы по три тмы по три тысячи, по праву руку ево зять сидить, а зятя зовут у нево Сартакомъ» и т. д. (см. изд. Публ. библ., СПб., 1901, стр. 101).

[5] Mat. Par. Ex Chron. Maior. M. G., т. XXVIII, p. 208; «Pessimi christiani» — псевдо-христиане: так католические монахи называли христиан восточной церкви.

[6] Wolff, Geschichte der Mongolen oder Tataren, Breslau, 1872, стр. 272—273.

[7] Лавр., 1237.

куманов.[1] Первый набор, таким образом, был произведен среди русских еще в период 1238—1241 гг.

Но опасность мобилизации не исчезла и после возвращения монголов из западного похода. Из истории Киракоса мы знаем, что уже после того, как грузинским князьям (находившимся под властью иранских монголов) были возвращены их владения, их стали «притеснять... податями, требованием рекрутов и постоянными посещениями».[2] По сведениям Вардана, татары (при Хулагу), выступив в поход против Мартирополя (Неперкерта), взяли «с собою грузинские войска под начальством Авага и Шаханшаха, к которым присоединился также Еликум».[3] Это было в 1259—1260 гг.[4] Как оказывается, и русскому населению в дальнейшем пришлось также подвергнуться попыткам усиленной военной мобилизации.

На исходе 1262 г. войско иранского правителя Хулагу, переправившись через р. Куру, вторглось в кавказские владения Беркехана. Известие о появлении иранского войска вызвало в Золотой Орде большую тревогу. «Когда Берке услышал, — сообщает египетский автор XIII столетия Ибнвасыль, — что войско Хулавуна уже вторглось в страну, он сделал воззвание к войску своему, чтобы садился на коня всякий, кому 10 лет (и более) от роду».[5] Был отдан приказ и о наборе войск среди русских. «Бѣ же тогда нужа велика от поганыхъ», — читаем в древнейшей редакции жития Александра Невского, — «и гоняхуть люди, веляхоуть с собою воиньствовати. Князь же великый Олександро поиде ко царю, дабы отмолилъ люд отъ бѣды».[6] Александр «отмаливал люд от беды», под которой разумелась «великая нужа» — попытка Орды «гнать» русских людей «с собою воинствовати»; очевидно, он считал, что для русского народа этот набор будет большим бедствием.

Итак, мы не находим оснований, чтобы решительно отрицать участие Александра Невского в восстании 1262 г. в качестве инициатора этого восстания. Но кто же организовал восстание?

Вечевая деятельность городов «изначала» подчинялась известной организации. Ростов был старый вечевой центр волости, когда-то оказывавший пригородам даже военную защиту, посылавший в при-

---

[1] Wolff, op. c., 331.

[2] Из истории Киракоса (Патканов, История монголов по армянским источникам, в. II, стр. 39).

[3] Из истории Вардана (Патканов, ор. с., в. I, 35).

[4] См. История монголов инока Магакии, XIII в. (Патканов), стр. 29 и примеч. 51; D'Ohsson, III, 353—357. Позднее, в XIV в., согласно указаниям Юань-ши, мы встречаем военные части, сформированные из русских, в Китае; так, например, в 1330 г. был образован русский гвардейский отряд (см. E. Bretschneider, op. c., II; А. И. Иванов, Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши, СПб., 1914, стр. 9—10); ср. А. И. Иванов, История монголов (Юань-ши), об асах-аланах (Христианский Восток, т. II, в. III, СПб., 1914, стр. 281—300).

[5] Ибнвасыль (Тизенгаузен, I, 74).

[6] Житие Александра Невского по рукописи Псково-Печерского монастыря, XV в. (Серебрянский, ор. с., стр. 118).

города посадников и выносивший вечевые постановления, к которым должны были присоединяться в своих решениях вечевые сходки младших городов: «на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороди стануть» (Лавр., 1176); только новый, сравнительно, город Владимир незадолго до татарского нашествия оспаривал у Ростова право на положение земского центра. Но теперь, когда Владимир был разгромлен и опустошен и более не существовал как многолюдный город и как вечевой центр края, когда часть населения ушла на север, как раз в район Ростовского княжества, Ростов только и мог, в силу старой традиции, стать руководителем выступлений северо-восточных городов. Из текста летописного известия под 1262 г. можно понять, что именно из Ростова поднялась волна вечевых восстаний; встал Ростов, а вслед за ним и другие города «Ростовской земли». Дальнейшие известия, конца XIII и начала XIV вв., действительно, не оставляют сомнения в том, что старый Ростов сделался настоящим очагом народных, вечевых восстаний.

Известия о волнениях в Ростове, проскользнувшие в летописный текст, носят случайный характер и сообщают о событиях глухо и осторожно. Из Ростовской владычной летописи, отразившейся, между прочим, в Типографской, Академической и Воскресенской летописях , мы случайно узнаем о вечевой вспышке в Ростове в 1289 г., о которой умолчал составитель великокняжеского свода (ср. Симеон., Лавр. лл.). «Того же лѣта, — читаем в Типографской летописи, — князь Дмитрий Борисович сѣде в Ростовѣ. И умножися тогда Татаръ в Ростовѣ и гражане сътвориша вѣчие, изгнаша ихъ, а имѣние ихъ разграбиша» (1289). Под 1315 г. летопись осторожно сообщает о том, что татарские послы Тайтемерь, Махрожа и Инды были в Ростове и «много зла створиша»; то же повторилось и на следующий год; еще спустя два (три) года из Орды была (вновь?) прислана какая-то карательная экспедиция: «приеха Конча в Ростов и много зла створи и церковь святыя Богородицы пограби и вси церкви и монастыревѣ и села и люди плѣниша» (Акад., 1318). Наконец, под 1320 г., — к сожалению, в лаконической заметке, — летописец прямо говорит о новом вечевом восстании: «быша зли Татаровѣ в Ростовѣ; и собравшеся людие, изгониша их из града» (Акад. л.).

По примеру Ростова подымался и ближайший к Ростову пригород Ярославль; возможно — и другие пригороды на территории Ростовского княжества. Мы знаем, например, что ярославцы не пожелали однажды впустить в город «царева посла» и принимать на стол Федора Ростиславича: «посол же поиде на Русь отъ царя къ граду Ярославлю, и прииде к граду с силою, и хотяше внити во градъ. Они же посла царева не послушаша и его не прияша на стол его». [1]

[1] Вел. Четии Минеи, собр. митр. Макарием, сентябрь, изд. Археогр. ком., СПб., 1869, стр. 1265. Ср. о князе Федоре Ростиславовиче и о г. Ярославле (Симеон., 1293); ср. «вѣчье на Костромѣ» в 1305 г. (Симеон., 1305); ср. Симеон., л., 1283 г.

Каким же слоям населения были обязаны эти восстания против татарского владычества? Ряд конкретных указаний материала позволяет думать, что боярство или с самого начала не играло руководящей роли в восстаниях или со временем перешло на сторону Орды (поездки боярства вместе с князем в Орду, отдача ханом «боляр-русь на послужение» князю, возвращения из Орды в Ярославль князя с татарами и боярами и усмирение восставшего города).[1] С другой стороны, баскаческой организацией на Руси руководила монгольская военно-феодальная аристократия (темники, тысячники, сотники в роли баскаков), согласно добытым нами данным (см. гл. I). На вопрос, каким слоям населения были обязаны восстания против татарского владычества, мы можем ответить только догадками. Данные о восстании в Твери (против Шевкала) 1327 г., разразившемся в праздничный день, когда, очевидно, в городе (на «торг») стекалось много народу («в полоутра как торгъ сънимается»), не исключает возможности, что в восстании принимали участие окрестное крестьянство, мелкое и среднее купечество и низшие слои городского населения.[2] Собранные нами показания материала приобретают особенно важное значение, во-первых, как мы говорили, в сопоставлении с выводами нашего исследования о том, что делом угнетения непосредственно руководила на Руси монгольская военно-феодальная аристократия (в положении баскаков), а во-вторых, на ряду с указаниями, относящимися ко времени Дмитрия Донского, о воле низов населения к борьбе с татарами. Мысль о сопротивлении Тохтамышу не была поддержана (во всяком случае — единодушно) князьями и боярами.[3] И, вместе с тем, летопись рассказывает, что происходило в Москве, брошенной великим князем перед осадой ее Тохтамышем в 1382 г. Тохтамыш приближался к городу. Великая княгиня и митрополит хотели покинуть город. Собирались покинуть город и многие другие — повидимому, преимущественно бояре, лица близкие ко двору. Желание «въ градѣ сѣдѣти», бороться с Тохтамышем высказывали, повидимому, не боярство, а преимущественно низы населения. Летопись прямо говорит, к каким слоям населения перешла власть в городе: они «ниже бояръ великихъ устрашишася» и запрещали бегущим выезд, даже убивали их, а имущество «взимаху».[4]

Поскольку откупщики приезжали от императора, из Монголии,

---

[1] Подтверждением такого положения служит также роль боярства в аналогичных или сходных событиях на севере, в Великом Новгороде; я разумею различие в позициях высших слоев населения и «черни» в Великом Новгороде в 1259 г., что было уже отмечено М. Н. Покровским, отождествлявшим «горожан» в вечевых восстаниях (по другим городам) с «демократическими элементами веча» (Русская история, т. I).

[2] О восстании в Твери см. в гл. III, ниже.

[3] В результате совещания с боярами и другими князьями Донской «не ста на бои противу царя»; помимо оскудения земли после Мамаева побоища материал прямо указывает на «разньство и разпрю» в князьях, в боярах Донского и во всех «воинствах» его (Никон., 1382).

[4] Никон., 1382.

а зависимость Золотой Орды от имперского центра как раз в это время начала фактически порываться, восстания 1262 г. могли остаться безнаказанными. Но они открыли, как мы видели, ряд восстаний против порядков ордынского владычества во второй половине XIII и нач. XIV в. Очагом восстаний был Ростов, исконный вечевой центр волости. Волнения не могли не вызвать энергичных мероприятий со стороны Золотой Орды в отношении к Ростову, и именно к Ростовскому княжеству как к очагу народных волнений. Эти мероприятия в пределах Ростовского княжества прежде всего, конечно, должны были выразиться в усиленной организации баскаческого «охранения». [1]

При изучении географической номенклатуры центральных губерний России исследователю бросается в глаза один примечательный факт. В то время как в других губерниях Центральной России мы встречаем только по одному, по два или, самое большое, по три селения с названиями Баскач или Баскаки, или Баскаково, в пределах Ярославской губернии, занимавшей как раз (бо́льшую часть, повидимому не всю) территорию Ростовского княжества, мы встречаем десять селений с названием Баскаково, Баскачево, Баскач. [2] Если мы нанесем на карту указанные селения, то увидим, что два из них лежат недалеко от самого Ростова (в б. Ростовском у.), а остальные составляют цепь, которая проходит через территорию Ростовского княжества. Примыкая к селению Баскаково, б. Тверской губ., Кашинского у. (на Угличском тракте),эта цепь проходит через всю б. Ярославскую губ., пересекая б. уезды Угличский, Романово-Борисоглебский, Даниловский и Любимский, причем продолжение ее на северо-востоке составляет с. Баскаково, б. Вологодской губ., Грязовецкого у., лежащее недалеко от границы б. Ярославской губ., и с. Баскаково, Тотемского у., по правую сторону р. Сухоны, т. е. в направлении к Устюгу; [3] оба селения, повидимому, тоже не выходят за пределы территории Ростовского княжества; можно думать, что на территории Ростовского (точнее — Белоозерского) княжества лежат также с. Баскаки, Новгородской губ., Череповецкого у., на реке Шексне, и с. Баскаки при р. Баскаковке, Весьегонского у. [4] Это явление совершенно невозможно объяснить случайностью. Перед нами, надо думать, следы усиленной концентрации баскаческих отрядов в районе Ростовского княжества.

Мероприятия, связанные с усилением баскаческого «охранения» в пределах Ростовского княжества, не могли, однако, сами по

---

[1] Под Ростовским княжеством мы разумеем в данном случае территорию, перешедшую к сыновьям и внукам Константина Всеволодовича (Ростов, Белоозеро, Углич, Ярославль, Устюг, Мологу); ср. выше. Ср. Экземплярский, Великие и удельные князья.., II.

[2] См. Список насел. мест Ярославской губ. (L) по сведениям 1859 г., СПб., 1865, Д. у. № 1319, 1524, 2039; Л. у. № 2324; Р. у. № 6853, 6711; У. у. № 8823, 9333; Р. у. № 7420, 7825.

[3] См. Список насел. мест Вологодской губ., № 3628, 9049.

[4] См. Список насел. мест Новгородской губ., в. IX, изд. 1912 г.; Список насел. мест Тверской губ. (XLIII), СПб., 1862, № 2126.

себе уничтожить самый источник «непокорства», коренившийся в укладе местных отношений. Выполнение такой задачи требовало проведения какой-то политической программы. Поскольку баскаки действовали, как мы видели, совместно с князьями, надо было сделать местных князей в полной мере татарскими «служебниками»; поскольку непосредственным источником «непокорства» были вечевые выступления, надо было оторвать князей от местной бытовой почвы, сблизить с Ордою и этим самым в значительной мере обезвредить эти выступления и, наконец, использовать князей для борьбы с непокорными. В основе своей прием этот не был новостью в политической практике монголов. Мы знаем, например, что когда грузинский князь Аваг был вызван ко двору каана, последний оказал ему радушный прием и, женив на татарке, отправил восвояси; «при этом, — свидетельствует Киракос, — он писал своим полководцам возвратить Авагу его владения и посредством его стараться подчинить людей строптивых, что и случилось впоследствии». [1] Этот прием — действовать через местных князей — который в основе своей не был новостью в политической практике монголов, по отношению к Ростовскому княжеству, в виду указанных обстоятельств, получил особенное значение с точки зрения ордынских интересов; вопрос о поведении ростовских князей несомненно имел для Орды весьма важное значение.

Начиная с 60—70 гг. XIII в., как мы наблюдаем, ростовских князей ставят в совершенно исключительное положение; на них направляется усиленное внимание Орды. [2] Прежде всего мы видим, что, начиная с 60-х гг. XIII в., в Волжскую Орду из Северо-восточной России приезжают почти исключительно князья ростовские, да и верный союзник князь Андрей Городецкий. О поездках последних мы имеем следующие данные. Под 1268 г. Симеоновская летопись сообщает, что Глеб Василькович Ростовский приехал «ис Татар», причем умалчивает об его отъезде. Случайно узнаем, что в 1271 г., во время похорон вдовы Василька, Глеб был в Орде: «а Глѣбу тогда сущу в Татарѣхъ (Симеон. л.), что в 1277 г. ходил в Орду князь Борис «с княгинею и с дѣтми». Глеб Ростовский с сыном Михаилом, князь Федор Ростиславович и Андрей Городецкий и что князь Борис разболелся в Орде и там умер; наконец, что в 1278 г. князь Глеб Василькович послал «въ Татары» Михаила Глебовича «съ сватомъ своим Феодором Ростиславичем» (Симеон. л).

---

[1] Из истории Киракоса (Патканов, История монголов по армянским источникам, в. II, 39).

[2] В близкое соприкосновение с Ордой ростовские князья вошли и ранее, особенно в годы, когда предпринималась перепись. В 1256 г. Борис Ростовский ездил «в Татары» (Лавр. л.); в 1257 г. Борис вместе с Александром Невским и Андреем вновь поехал в Орду; в тот же годъ Глеб Василькович вернулся из Монголии (Лавр. л.); это был год переписи на Северо-востоке; в 1258 г. Борис вместе с Александром Невским, Андреем и Ярославом Тверским поехали «в Татары»; в тот же год Борис и Глеб вернулись в Ростов; в этом же году Борис вместе с Александром Невским и Андреем сопровождали численников в Новгород (Лавр. л.)

В дальнейшем летопись сообщает, что в 1289 г. Константин Борисович Ростовский (Акад. л. — сп. Моск. дух. акад.), а также Дмитрий Борисович Угличский ходили в Орду к царю «и с женами своими; царь же держаше их во чти» (Никон. л.); что в 1293 г. в Орду поехали Константин Борисович, Дмитрий Борисович, Иван Дмитриевич, Михаил Глебович, Федор Ростиславович, Андрей Городецкий и епископ Тарасий Ростовский (Никон., Акад. лл.), что в том же году Михаил Глебович скончался в Орде «и принесенъ бысть в Ростовъ» и что в 1307 г. в Орде застала смерть и Константина Борисовича (Акад. л.). Вместе с тем, как оказывается, их все более и более связывают с Ордой узы родственных отношений. Еще в 1257 г. Глеб Васильевич по возвращении из Монголии «оженися в ордѣ» (Лавр. л.). Об его племяннике Константине Борисовиче Ростовском мы узнаем, что он «оженися въ ордѣ у Кутлукорты» (Акад., 1302), о Ростовском князе Федоре Михайловиче тоже отмечено, что он «оженися» в Орде «у Велъбласмыша» (Акад., 1302). Наконец, на дочери Менгу-Тимура, согласно тексту житийного рассказа, был женат князь Федор Ростиславович Ярославский. Дальнейшее изучение материала показывает, что отношения ростовских князей с Ордою приобрели большую прочность, коренившуюся в политическом характере их содержания.

Важным источником для выяснения истории отношений между Ордою и ростовскими князьями служит житие Феодора Ростиславовича Ярославского в редакциях конца XV и XVI вв. — Антониевой (Вел. Четии Минеи, сентябрь) и Степенной книги: обе редакции использовали однородный источник, какой-то новый летописный материал, представляющий для историка существенный интерес. [1] Нет ничего удивительного, что в ранних редакциях жития Феодора Ростиславовича, составленных в XIV в. (Проложное житие), не упоминалось о близких связях князя с Ордою: поскольку была свежа еще ненависть к татарам, подобные факты его биографии могли только скомпрометировать покойного в глазах населения, и их приходилось замалчивать. [2] Но составители редакций конца XV и XVI вв. привлекли не дошедший до нас летописный памятник, где были рассказаны события его жизни, как раз связанные с Ордою. В тексте второй из этих редакций мы находим и прямое указание на новый источник житийного рассказа: «о немъ же свѣдетельство иматъ въ лѣтописаниихъ»;[3] повидимому, в руках у составителей упомянутых редакций конца XV и XVI вв. была какая-то местная ярославская летопись. Сведения этого источника попали в житийный рассказ в несколько сокращенном виде, и отношения между князем

---

[1] В. О. Ключевский, Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 172—173; Н. И. Серебрянский, ор. с., 222—234.

[2] Ср. текст проложной редакции жития Александра Невского (Серебрянский, ор. с., тексты, 90—92).

[3] См. Книга Степенная царского родословия (П. С. Р. Л., т. XXI, ч. I), СПб., 1908, изд. Археогр. ком., стр. 307.

и ханом получили освещение, выгодное для князя. Тем не менее основной фактический материал житийного рассказа вполне согласуется с показаниями летописных сводов и укладывается в рамки летописных известий, дополняя их и поясняя. Во-первых, по тексту жития, Федор Ростиславович получил Ярославль в согласии («совѣщаниемъ») с ростовскими князьями Борисом и Глебом. Из летописей (Лавр., Симеон., Акад.) мы также знаем, что уже в 1276 г. Федор Ростиславович был ярославским князем и что, находясь в отношениях свойства с Глебом Васильковичем (был его «сватом»), слушался последнего или, во всяком случае, действовал в согласии с ним (в 1278 г. Глеб «посла сына своего в Орду съ сватомъ Федоромъ Ростиславичем» (Симеон. л.). Во-вторых, по тексту жития, Федор Ростиславович жил продолжительное время в Орде, и хан приблизил его к себе. По данным летописей, близость князя к Волжской Орде также не подлежит сомнению (в 1278 г. он принимает участие в походе на Кавказ с войсками Менгу-Тимура; в октябре идет в Орду для участия в новой войне; в 1281 г. вместе с татарами делает набег на Переяславль). После 1281 г. и вплоть до 1293 г. летопись о нем ни разу не упоминает, и весьма возможно, как предполагает А. В. Экземплярский, что к этому периоду относится то продолжительное пребывание князя в Орде, о котором рассказывает житийный текст.[1] В-третьих, по тексту жития, Федор Ростиславович пользовался большим расположением ханши; по ее настоянию, между прочим, состоялся его брак с ханской дочерью (после смерти первой жены князя), и от этого брака у него был сын Давид; сын же от первой жены умер при жизни князя. Из летописи мы также знаем, что после смерти Федора Ростиславовича остался сын Давид, княживший в Ярославле. В-четвертых, по тексту жития, г. Ярославль стал враждебно относиться к князю и не хотел его принимать. С помощью татар он вновь сел в Ярославле, причем оппозиция князю в городе была подавлена татарским войском. Летопись тоже свидетельствует, что в 1293 г. Федор Ростиславович пришел из Орды вместе с «Дюденевой ратью», опустошившей северо-восточные города, и затем, по словам древнейших сводов, сел «на Ярославли» или «сѣдѣ на княжение въ Ярославли» (ср. Лавр., Симеон., Акад. лл., 1293—1294); как видим, из летописи также явствует, что г. Ярославль был князем Федором временно утерян; с другой стороны, летописные известия также обнаруживают, что в Ярославле имели место вечевые выступления (ср. Лавр., Симеон. и др. лл., 1262 и 1322 гг.). Таким образом, тот новый фактический материал о ростовских князьях, который дает нам житие Федора Ростиславовича в редакциях Антониевой и Степенной книги, вполне согласуется с теми сведениями, которые сообщают дошедшие до нас летописные своды.

Другим важным источником для истории отношений между Ордою и ростовскими князьями служит повесть об ордынском царе-

---

[1] А. В. Экземплярский, Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II, СПб., 1891, стр. 78.

виче Петре. По исследованию В. О. Ключевского, она написана не позже половины XIV в., и ее составитель «жил не слишком далеко от начала XIV в.» «Легенда, — по словам того же исследователя, — остается довольно прозрачной и плохо закрывает действительные события, послужившие для нее основой». [1] Поскольку этот рассказ принадлежит современнику «Ахмыловой рати» (1322 г.), он представляет собою исключительную ценность как материал для истории отношений между Ордой и Ростовским княжеством в XIII и в начале XIV в. Изучение указанных источников, на ряду с летописными, а также материалом золотоордынским, вскрывает истинный характер и смысл отношений между Ордою и Ростовским княжеством.

Прежде всего Ростовские князья не только должны были часто приезжать в Орду, но и подолгу там оставаться. Федор Ростиславович, как мы видели, несколько лет подряд провел в ставке Менгу-Темура. Некоторые из ростовских князей умерли в Орде; так, смерть застала в Орде Глеба Васильковича, Михаила Глебовича, Константина Борисовича. В Орду они отправлялись обычно «со своими мужи» или «с бояры и со слугами своими». «Живущимь же имъ у царя во Ордѣ, — рассказывает о ростовских князьях Никоновская летопись под 1278 г., — великому князю Глѣбу Васильковичю Ростовскому... з братаничемъ своимъ со княземъ Константиномъ Борисовичемъ и со княземъ Феодоромъ Ростиславичемъ Ярославскимъ... и со княземъ Андрѣемъ Александровичемъ.... и со иными многими князи и з бояры и со слугами своими, и возхотѣ царь Менгу-Темирь ити на войну, и повелѣ княземъ всѣм преже реченнымъ и з бояры своими и съ слугами наряжатися с нимъ». [2]

В Орде ростовских князей, в той или иной мере, приближали к ханскому двору. Некоторые из них могли удостаиваться высокой чести. Мы знаем, например, из Жития Федора Ростиславовича, что сначала царь «всегда повелѣ ему предстояти у себе и чашу отъ руку его приимаше» (или он «всегда у царя предстояше и чашю подаваше ему»). [3] Поднесение чаши «царю» и принятие чаши царем «отъ руку» было знаком большой чести в придворном быту хана; позднее выработался даже особый ритуал ханского пития: поднесение чаши во время «царской» трапезы сложилось в сложную церемонию, описание которой сохранилось у Ибнбатуты. [4] По

[1] В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 41—42.
[2] Никон., 1278; Симеон., 1277.
[3] Степенная книга; Вел. Четии Минеи, сентябрь 1265.
[4] «Когда султан захочет пить, то дочь его берет кувшин в руку, присядает и потом подает ему кувшин. Он пьет, а затем она берет другой кувшин и подает его старшей хатуни, которая пьет из него. Потом она подает (его) остальным хатуням по старшинству их. Затем наследник престола берет кувшин, кланяется и подает его отцу, который пьет (из него), потом подает хатуням и (наконец) сестре, кланяясь всем им. Тогда встает второй сын, берет кувшин, угощает брата своего и кланяется ему. Затем встают старшие эмиры; каждый из них подает пить наследнику престола и кланяется ему. Потом встают царевичи и каждый из них подает пить этому второму сыну и кланяется ему. Затем встают младшие эмиры и подают пить царевичам» (Тиз., 1,300).

сведениям того же жития, после женитьбы князя Федора на ханской дочери, царь «всегда противу себе седѣти повелѣваше ему» (или «повелѣ ему садитися противу себе»). [1] Это тоже было признаком высокой чести: у монголов распределение «мест» за столом (или за столами) подлежало особому распорядку и имело особенное значение. [2]

Положение ростовских князей как «служебников» хана, в ревностной службе которых ханская ставка была весьма заинтересована, обусловливало тот радушный прием, то внимательное отношение, которое они встречали, и ту честь, которую им оказывали в Орде; но то же положение их как ханских служебников ставило и определенные границы близости ростовских князей к ханскому двору. Сами ростовские князья подчеркивали усердную «службу» свою татарам. [3]

Летопись неохотно сообщает о походе татар в 1275 г. на Литву с участием «русских князей»; поход этот, между прочим, сопровождался опустошением тех русских земель, через которые проходили ордынские войска, а успех похода был более чем сомнительным; [4]

---

[1] Степенная книга; Вел. Четии Минеи, сентябрь, стр. 1260.

[2] Ср. у Киракоса описание приема кн. Авага у Чармагана (XIII в.): «Как только Чармаган его увидел, то спросил: «Ты Аваг»? Тот отвечал: «Я самый». Военачальник спросил: «Что же ты не пришел ко мне, когда я вступил в твои пределы»? Князь отвечал: «Когда ты был вдали, отец мой, бывший тогда в живых, служил тебе большими приношениями. После смерти отца моего я служил тебе по моему состоянию. А теперь, как только ты прибыл в страну мою, я явился к тебе. Делай со мной, что тебе заблагорассудится». На это военачальник: «Говорится в пословице: подошел я к окну, ты не вышел ко мне, подошел я к двери, тогда только ты вышел». И он приказал ему сесть ниже всех вельмож, сидевших перед ним. В то же время он устроил пир в честь князя». И далее: «На другой день он посадил его выше многих вельмож, и так с каждым днем он оказывал ему более почета» (Патканов, ор. с., в. II, 33—34).

О Чармагане см. выше, стр. 20, прим. 1. Ср. у Ибнбатуты (посетил в XIV в. Золотую Орду — ставку Узбека во время кочевки). «Направо от трона поставлено сидение, на котором сидит Тинабек (старший) сын султана, а налево сидение, на котором сидит Джани-бек, второй его сын. Поставлены справа и слева еще другие сидения, на которых сидят царевичи эмиры старшие, а потом эмиры младшие, например тысячники, т. е. командующие тысячью человек» (Тиз., 1, 300).

Ср. «местную грамоту» кн. Дмитрия Константиновича 1368 г. в рукоп. XVIII в. (Моск. арх. мин. ин. дел. № 822, л. 57—59); ср. список в Истории России Соловьева (XX, приложение), где указывается, в каком порядке сидеть его боярам (ср. Ключевский, Боярская Дума, стр. 118 и прилож. V); ср. Н. А. Коркунов, Акты из дела о местничестве Сабурова с Заболоцким XV в. (Изв. Акад. Наук по отд. русск. яз. и слов., т. V, в. VII, СПб., 1857, стр. 351—366).

[3] Симеон., 1278.

[4] «Того же лѣта ходиша Татарове и Русстии князи на Литву, не успѣвше ничтоже, възвратишася назадъ. Татарове же велико зло и велику пакость и досаду сътвориша христианомъ, идуще на Литву, и пакы назадъ идуще отъ Литвы того злѣе сътвориша, по волостемъ, по селомъ дворы грабяще, кони и скоты и имѣние отъемлюше, и гдѣ кого стрѣтили и облу-

мы не знаем даже, кто из русских князей в нем участвовал. Другое дело — поход (Менгу-Тимура) на Кавказ 1278 г.; великокняжеский свод — повидимому, по тексту ростовского известия — рассказывает о нем подробно и охотно: «князь же Ростовский Глѣб Василковичь с братаничемъ своимъ съ княземъ Константиномъ, князь Феодор Ростиславичь, князь Андрѣй Александровичь и инии князи мнози съ бояры и слугами поѣхаша на войну с царемъ Менгутемеромъ, и поможе Богъ княземъ Русскымъ взяша славный градъ Ясьскый Дедяковъ, зимѣ мѣсяца февраля въ 8, на память святого пророка Захарии, и полонъ и корысть велику взяша, а супортивныхъ безъ числа оружиемъ избиша, а градъ ихъ огнемъ пожгоша. Царь же почтивъ добрѣ князеи Русскыхъ и похваливъ велми и одаривъ, отпусти въ свояси съ многою честью, каждо въ свою отчину». [1] Глебу Васильковичу, как узнаем мы из последующего рассказа, позволили даже привести с собою в Ростов «полонъ многъ»: очевидно, ясских (т. е. осетинских) пленников (Симеон., 1278: «князь Глѣб Василкович Ростовский приѣха ис Татаръ, бывъ на войнѣ съ сыномъ своимъ Михаиломъ и съ сыновцемь своимъ Костянтином, приведе съ собою полонъ многъ, приѣха въ свой градъ Ростовъ въ чести велицѣ въ недѣлю всѣхъ святыхъ, мѣсяца иуня въ 12, на пасять святого отца Ануфриа пустынника, и бысть радость велика въ градѣ въ Ростовѣ») в том (1278) году, когда Орда снова начала военные операции, Глеб Василькович отправил на войну своего сына вместе с своим «сватом» Федором Ярославским. [2]

Но в качестве ханских «служебников» ростовские князья не могли при дворе царя равняться с потомками царского «корени». Так, в конце XIII века ростовские князья, по «Житию» царевича Петра, жили, «зазирающе Петровымъ дѣтемъ, еже въ ордѣ выше ихъ честь приимаху». [3] Между князьями не только ордынскими, но и русскими шло, возможно, соревнование в том, кто из них будет «выше честь принимать в Орде». Даже потомки тех ордынских

пивше нагого пустять, а около Курска и костров лнянии въ рукахъ потерли, и всюды и вси дворы, кто чего отбѣжалъ, то все пограбиша погани, творящеся на помощь пришедше, обрѣтошася на пакость. Се же написахъ памяти дѣля и ползы ради» (Симеон., 1275).

[1] Симеон., 1277. Вместе с ростовскими князьями, как видим, идет еще их постоянный союзник князь Андрей Городецкий; под «иными князьями» летописец прежде всего, вероятно, подразумевает тех ростовских же князей, об участии которых в походе мы узнаем из последующего рассказа (сыновья Глеба — Михаил и Константин). Во всяком случае, на основании летописного материала можно установить, что великий князь Дмитрий Александрович в походе Менгу-Темира на Кавказ участия не принимал (Симеон., 1277; Новг. I и Новг. IV, 1277—1278; Карамзин, Ист. Гос. Росс., т. IV, примеч. 159); вероятно, что и ряд других «низовских» князей в походе Менгу-Темира не участвовали; нам известно, что в это время был организован поход новгородцев вместе с «суздальцами» (или с «низовцами») на корелу (Симеон., 1277; Новг. I: «князь Дмитрии с Новгородци и со всею Низовьскою землею кавни Корѣлу...» и т. д.).

[2] Симеон., 1278.

[3] См. текст повести; Православный собеседник, 1859, ч. I, стр. 372.

князей («царского» происхождения), которые обосновались в России и крестились, судя по тексту повести, принимали в Орде выше честь, чем князья русские.[1]

Тем не менее в качестве «служебников» хана ростовские князья, можно думать, могли и сами, по воле хана, получать бояр и даже князей «на послужение». «Житие» Федора Ярославского в древней части своего текста сохранило нам драгоценнейшее указание на подобные попытки со стороны Менгу-Тимура поставить или утвердить некоторых князей и бояр в положение служебной зависимости по отношению к Федору Ярославскому: «ему же, читаем в житии, вдасть князи и боляре русь на послужение».[2] Само выражение «князи и боляре русь» указывает на древность текста. «Русь», в данном случае, противопоставляется татарам или «бесурменам», как мы встречаем и в Лаврентьевской летописи, в тексте конца XIII в. «Два бесурменина ис свободы в другую свободу, а Руси с нима боле 30 человѣкъ» и далее: «... а Руси избилъ 25 и 2 бесерменина» (см. рассказ о баскаке Ахмате, Лавр., 1284).

К себе на родину ростовские князья, «служебники» хана, приезжали в значительной мере отатарившиеся, принося с собою атмосферу ордынских интересов. Вслед за ними в Ростовское княжество стала наезжать ордынская знать, может быть близкая к ним по служебным или родственным связям. Эти татарские «вельможи» оседали в пределах Ростовского княжества и даже получали, повидимому, тем или иным путем от ростовского князя во владение земли. Нам известно, например, что, в то время как принявший христианство ордынский царевич Петр получал от Ростовского князя (Бориса?) «грамоты» на «множество земли отъ езера воды и лѣсы», в Ростове жили уже ордынские вельможи: «князь же поимъ ему отъ великихъ вельможъ невѣсту, бѣша бо тогда в Ростовѣ ординьстии вельможи».[3] «Уже при жизни царевича Петра, — пишет Ф. И. Буслаев, — заметно со стороны ростовского князя противодействие татарскому элементу, пускавшему свои корни в Ростове. Князь сначала не дает Петру земли, а потом продает ее за самую дорогую цену и только тогда перестает питать к нему подозрение, когда женил его и таким образом сделал его оседлым в Ростове; наконец, подружился с ним, и дружба их обоих была освящена обрядом побратимства».[4]

---

[1] Напомним одну любопытную черту в истории московского местничества, хорошо известную нашей историографии: «азиатские безземельные (служилые) цари и царевичи были в распорядке местничества (как общее правило) выше всех древних боярских и княжеских родов» (см. Маркевич, О местничестве, Киев, 1879, стр. 597; Д. Валуев, Симбирский сборник, М., 1844, стр. 29). О приходивших в Москву или пленных татарских царях и царевичах, иногда крестившихся, считавшихся выше бояр, см. Маркевич, История местничества, Одесса, 1888, стр. 178; ср. стр. 184—185, 223.

[2] Вел. Четии Минеи, сентябрь, стр. 1266.

[3] См. текст повести, Православный собеседник, 1857, ч. I, стр. 370.

[4] Ф. И. Буслаев, Др.-русск. нар. лит. и иск., СПб., 1861, т. II, стр. 168.

Чем более ростовские «служебники» хана сближались с Ордою, тем легче и успешнее они могли быть использованы у себя на родине татарами в интересах ордынского владычества и в конечном счете — для борьбы с «непокорными». Еще в 50—60 гг. XIII в., как выясняется из одного княжеского жития, составленного в Ростове по поводу построения новой церкви, ростовские князья Борис и Глеб и мать их Мария, воздвигая церковь во имя замученных в Орде Михаила Черниговского (деда их по матери) и боярина Федора, обращались с просьбой к «мученикам» помолиться об избавлении «от нужа сия погапыхъ («...мирно державу царствия ихъ оуцравити на многа лѣта и отъ нужа сия поганыхъ избавити»[1]). Но мало-помалу ростовским князьям все более и более приходилось входить в роль ревностных служебников хана, и уже в 70-х гг. XIII в. они вынуждены были выступить с официальным оправданием и политическим осмыслением своей деятельности; это «оправдание» прямо ставило в заслугу князьям их ревностную службу ханам и выдвигало мотив этой службы — защиту населения от татарских «обид»: «сесь отъ уности своея, — читаем в Симеоновской летописи после сообщения о смерти Глеба Васильковича, жившего «отъ рожениа своего лѣтъ 41», — по нахожении поганыхъ Татаръ и по плѣнении отъ нихъ Русскыа земля, нача служити имъ и многи христианы, обидимыя отъ нихъ, избави и печальныа утѣшая, брашно свое и питие нещадно требующимъ подавая» (Симеон., 1278). Но уже в конце XIII в. ростовские князья не смогли бы выступить и с таким «оправданием» своей деятельности. Когда (в конце XIII и в начале XIV в.) в Ростове и в Ростовском княжестве начались новые волнения, ростовские князья принуждены были выступить на стороне тех, кто оружием подавлял сопротивление города ордынскому владычеству в Ростовском княжестве и искоренял вечевые навыки старого Ростова. После восстания ярославцев (они не приняли Федора Ростиславовича, а затем отказались исполнить требования ордынского посла), согласно рассказу «Жития» Федора Ярославского, князь пришел «изъ Орды отъ царя къ граду Ярославлю с силою великою воинъства своего и гражане же вдашася за него». Город был «взятъ». Вместе с князем Федором пришли «многы силы Русские земли, князи и боляре, множество людей душь христианьских, и царева двора прииде с нимъ множество татар, и кои быша были ему обиды отъ гражанъ и онъ же царевымъ повелѣниемъ мьсти обиду свою, а татаръ отпусти в свою землю в Орду съ честью великою къ царю.[2] Подобные же события должны были разыгрываться с особенной силой и в старом Ростове. Отголоски их сохранила даже летопись. В 1289 г., например, в Ростов прибыл князь Дмитрий Бо-

[1] См. ростовскую редакцию сказания о князе Михаиле Черниговском (Серебрянский, ор. с., тексты, стр. 51); см. Серебрянский, ор. с., исследование, стр. 110—111.

[2] Вел. Четии Минеи, сентябрь, стр. 1266—1267.

рисович; летописец ставит в непосредственную связь с прибытием в Ростов князя Дмитрия Борисовича — «умножение» татар, вечевое восстание и попытку изгнания татар из города (Воскр. и Типогр. лл.), наконец, в 1318 г., по сведениям того же свода, татарских послов, присланных в Ростов из Орды и «створивших» в городе «много зла», сопровождал князь Василий Константинович (Типогр. и Акад. лл.).[1]

Политика Орды по отношению к Ростовскому княжеству была сопряжена, как видим, с сознательным вмешательством монголов во внутренний политический распорядок северо-восточного края. Это вмешательство вело за собою существенные последствия. Во-первых, вмешательством во внутреннюю политическую жизнь северо-восточного края Волжская Орда создала себе в северных провинциях прочную базу на территории именно Ростовского княжества и приобрела себе послушных союзников и верных вассалов в лице ростовских князей. Во-вторых, было окончательно уничтожено значение Ростова как старого вечевого центра всей Ростово-Суздальской волости и задавлена вечевая жизнь в городах Ростовского княжества. В-третьих, наконец, из Ростовского края от ордынских властей и под страхом разорения от татарских ратей, приходивших с юго-востока, население разбегалось и сбивалось на западные окраины Северо-восточной Руси.[2] Западные источники дают представление о том, какое передвижение населения, какую массовую эмиграцию вызывало появление татарских отрядов в XIII в.[3] Ростов, как мы видели, во второй половине XIII и в начале XIV в. не раз подвергался нападениям татарской рати; население вынуждено было спасаться бегством, тем более что татарские отряды появлялись в роли отрядов карательных (в 1318 г., например, приехавший посол, «лютъ» Конча, убил у Костромы 120 человек и «оттолѣ шедъ пограби городъ Ростовъ, и церковь святую Богородицю разграби и монастыри пожже и села и люди плѣни» (Воскр. л.). Местная угличская летопись (Супоневская) так описывает, в передаче Ф. Кисселя, разорение Углича во время Дюденевой рати 1293 г.: «злии Татарове внезапу нападоша на Угличь, начаша зорити его мечемъ и огнемъ, гражданъ истребляя, имѣния

---

[1] Поведение боярства, ставшего или переходившего на сторону Орды вместе с князем, вероятно, обостряло ненависть к боярству со стороны низов населения, обостряло классовую борьбу (литература предмонгольского времени на Северо-востоке показывает, что местное боярство вызывало недовольство не только со стороны низов населения). В Львовской и других летописях, сохранивших нам известия митрополичьей летописи, мы читаем о Нижнем-Новгороде под 1307 г.: «князь Михайло Ондрѣевичь шедъ, сѣде в Новъгороде»; и там же, двумя годами ранее: «въ Нижнемъ Новѣгороде избиша чернь бояръ Ондрѣевыхъ; и пришедъ князь Михайло и з Орды и изби вечниковъ». Возможно, что сопротивление владычеству татарщины в Ростове, Ярославле сопровождалось обострением классовой борьбы.

[2] Ср. Соловьев, История России, т. IV, стр. 1119.

[3] Например, Mat. Par. Ex Chron. Maior. M. G., t. XXVIII, p. 208—210, 185; Wolff, op. c., 193, и примеч. 45, стр. 254.

ихъ емлюще, и мало опустошиша, зѣло обогатишася, жителей овыхъ въ полонъ взяша, а многое число ихъ разбѣгошася по лѣсамъ».[1] Куда же бежали эти «жители»? Тверская летопись прямо указывает, что в этом 1293 г. в Тверь перед ратью сбежалось много народу из других княжений и волостей: «тферечи целовали крест бояре к черным людем такоже и черные люди к боярам что стати съ единого битися съ татары; бяше бо ся умножило людей и прибѣглыхъ въ Тфери и изыныхъ княжений и волостей передъ ратью» («Симеон., 1293). Надо думать, таким образом, что поднятое со своих мест население бежало на запад и сосредоточивалось на западных окраинах будущей «Великороссии». Недаром Ростовская епископия не могла уже более, очевидно, удовлетворять в качестве церковно-административного центра, и около 1272 г. в Твери была образована самостоятельная кафедра, вторая во всем Ростово-Суздальском крае.

Эти новые явления русской жизни не замедлили оказать свое действие на ход ближайших событий конца XIII и начала XIV в.

[1] Ф. Киссель, История гор. Углича. Ярославль, 1844, стр. 85.

ГЛАВА III

В 70-гг. XIII в. в Золотой Орде стал намечаться второй — наряду с Поволжьем — военно-политический центр. Один из выдающихся золотоордынских военачальников темник Ногай занял обширную территорию к северу от берегов Черного моря, охватывающую значительную часть Южно-русской равнины к востоку от р. Истра.[1] Оставаясь подвластным Менгу-Тимуру, Ногай в 70-х гг. XIII в. приобретал все большее и большее влияние в делах Золотой Орды, и с его все возраставшим значением начали считаться и в Византии и в Египте.[2] Наконец, со смертью Менгу-Тимура в Золотой Орде прямо образовались два военно-политических лагеря.

Сразу же после смерти Менгу-Тимура, при Туда-Менгу, Ногай выступил в роли самостоятельного правителя и в 1282 г. отправил свое посольство к египетскому султану.[3] Если не явно враждебно, то во всяком случае довольно независимо держал себя он и по отношению к захватившему (в 1287/88 г.) ханский престол Телебуге-хану[4] и, тайно поддерживая связь с сыном Менгу-Тимура Токтаем

---

[1] См. Pachymeres, III, 25; V, 4; см. Ипат., л., 1277 г.; ср. А. К. Марков, О монетах хана Ногая (Труды Моск. нумизм. общ., т. III, 1905); о владениях Ногая см. Тизенгаузен, I, III (о Крыме), 161, 382; Н. И. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время (Зап. Росс. Акад. Наук, VIII сер., т. XIII, № 6, 1922 г.), стр. 23. См. также у Рашид-ед-дина (Тив., II, рукоп., не изд.); Тохта «переправился через реку Узи, расположился на бер. р. Тарку (Берку, вар.: Берды), где находился (старинный) юрт Ногая»; р. Узи — Днепр (см. выше у Тив.).

[2] См. Бейбарс (Тив., I, 101—102); Биография Калавуна (Тив., I, 67—68; Pachymeres, V, 3, 4).

[3] См. Ибнельфорат, Тиз., I, 362; ср. биографию Калавуна, Тиз., I, 69.

[4] На ряду с официальной версией, которая старалась скрыть истинную причину отречения Туда-Менгу, сохранились известия, что восшествие на престол Телебуги-хана сопровождалось, в сущности, дворцовым переворотом. Египетские мамелюки были союзниками золотоордынских ханов, и египетские историки (обычно — высокопоставленные лица), естественно, следовали официальной версии, тем более что в значительной мере они черпали свои сведения из официального источника. Так, в летописи Бейбарса (одного из самых приближенных лиц египетских султанов Калавуна и Эннасыра Мухаммеда) мы читаем, что Туда-Менгу «обнаружил помешательство и отвращение от занятий государственными делами, привязался к шейхам и факирам, посещал богомолов и благочестивцев, довольствуясь малым после большого. Ему сказали, что коли есть царство, то необходимо, чтобы им правил царь. Он указал на то, что он уже отрекся от него (царства) в пользу братнина сына своего Тулабуги, да что его душа обрадовалась этому» (Тив., I, 105); ср.

(Тохтой), который бежал от Телебуги, взялся вместе с тем быть между ними посредником, утверждая, что у него имеется указ от Батыя примирять тех, кто будет «мутить в улусе его и уруке».[1] Таким образом, со смертью Менгу-Тимура, т. е. с 1280—1282 гг. и до 1291 г. (нового переворота), в Орде воцарилось фактически двоевластие.[2] Оно явственно обнаруживается в событиях, изложенных в рассказе[3] о баскаке Ахмате. Летопись говорит о двух «царях», один из них — Телебуга, другой — Ногай: «князь же Олегъ иде в орду о томъ с жалобою къ царю Телебузе»; «Ахматъ же бяше въ то время въ ордѣ у Ногоя царя» (Симеон. л.). Князья Курской «области» — Олег Рыльский и Святослав Липовичский считают «своим» царем Телебугу: «князь же Олегъ побѣжал къ своему Телебузѣ царю» (Симеон. л.); Олег говорит Святославу: «и нынѣ затерял еси правду мою и свою ти, не идешь ни к своему цесарю, ни к Ногою на исправу (Лавр. л.); в Троицкой летописи: «а еще не идешь ни къ своему Царю ни к Ногаю на исправу». В ставку Телебуги дважды ходил Олег с жалобой на Ахмата и исполнял приказания Телебуги — сначала с «приставами» Телебуги разгоняет «слободы» Ахмата; впоследствии «по цареву слову» убивает Святослава, причем приводит с собою из Орды татарский отряд: «прида Олегъ изъ Орды с Тотары» (Лавр., Троицк., Симеон. лл.). Мало того, Олег считает себя правым перед баскаком Ногая Ахматом, поскольку он (Олег) разгонял «слободы» не «разбоем», а с «приставами» Телебуги («понеже сам прав бяше предъ бесерменином»); он не осмеливается ехать к Ногаю на его зов только потому, что его «сродник» Святослав самовольно (без разрешения Телебуги), напал на слободы: «ударилъ ночи на свободу

Эннувейри (Тиз., 1, 155) и др. В ином положении были персидские историки; они могли смело разоблачить интриги, бывшие при золотоордынском дворе, так как иранские ильханы обычно пребывали во вражде с Золотой Ордою. Из истории Рашид-ед-дина (был визирем в государстве хулагуидов) мы узнаем, что Туда-Менгу «царствовал (только) некоторое время. После того сыновья Менгутимура, Алгу [й] и Тогрыл, да сыновья Тарбу, старшего сына Тукукана, Тулабука и Кунджук свергли Туда-Менгу с царства под тем предлогом, что он помешан, и сами сообща 5 лет управляли государством. Токтая же, сына Менгу-Тимура... они, заметив в нем признаки отваги и мужества, сообща решились погубить, [но] он узнал об этом, бежал от них, нашел убежище у Билыкджи... и послал к Ногаю» (см. Тиз., II, не изд., Рашид-ед-дин).

[1] Из истории Рашид-ед-дина и из летописи Бенакити мы узнаем, что, когда Тохта (Туктай) убежал от Телебуги и его сообщников и послал к Ногаю, последний сказал: «ни с одною думою (никаких) пререканий и воинственных замыслов не затеваю... но у меня есть указ от Сеинхана, чтобы примирять тех, кто будет действовать беспутно и мутить в улусе его и уруке. В тайне же он предупредил Туктая, чтобы он был наготове» (Бенакити; см. Тиз., II, рукоп.).

[2] Окончательно двоевластию был положен конец, как мы увидим, только около 1299 (1298—1300) г.

[3] Рассказ этот мы читаем в летописи под в 1283—1284 гг. Он повествует о событиях 1287/88—1293 гг., как можно установить на основании персидских и арабских источников (Рашид-ед-дин, Бейбарс, Эннувейри и т. д.); таким образом, он является уже позднейшей вставкой в летописный текст (под 1283—1284 гг.).

разбоемъ» (Симеон. л.). Формально, таким образом, как будто верховная власть признается за Телебугой. Но фактически в «области» царит двоевластие, так как хозяйничает все же Ногай. Баскак и откупщик дани Ахмат послан от Ногая. Ногай вызывает к себе Олега и, когда тот не приезжает, в гневе посылает на него рать: «царь же Ногои разгнѣвася и дасть рать на Олга и повелѣ его изнимати, а княжение его взяти все» (Симеон. л.). Итак, в б. Черниговском княжестве, в «княжении Курскиа области», местные князья признавали себя вассалами Телебуги; но фактически царило двоевластие, и в «области» все же хозяйничал Ногай. Как же обстояло дело на Северо-востоке и какому «царю» повиновались князья Ростово-Суздальского края?

В 80—90 гг. XIII в. в Северо-восточной Руси образовались те две взаимно враждебные политические группы, вражду которых впоследствии так резко подчеркнул летописец, рассказывая о съезде 1297 г.; на съезде этом «сташа супротиву себе, со единои стороны князь великий Андрѣй, князь Феодор Черныи Ярославскыи Ростиславичь, князь Костянтинъ Ростовьскыи со единого, а съ другую сторону противу сташа князь Данило Александровичь Московскыи, братъ его князь Михаило Ярославичь Тферскыи, да с ними Переяславци съ единого. И за малымъ упаслъ бог кровопролитья, мало бою не было; и подѣлившеся княжением и разъѣхашася кождо въ свояси» (Симеон., 1297). В одном лагере, как видим, в союзе — представители Переяславля — князь тверской и князь московский, в другом — князья ростовские, к которым примыкал их верный союзник князь Андрей Городецкий. В том же году Андрей захотел идти на Переяславль, а также на Москву и Тверь. «Братья» Данило Александрович и Михаил Ярославович собрали «противу» большую рать и не дали князю Андрею идти на Переяславль, так как князь Иван Дмитриевич, идя в Орду, приказал «блюсти» свою отчину Переяславль князю Михаилу Тверскому (см. Симеон. л.). Тверской и московский князья, действительно, находились в союзе; к ним примыкал и переяславский князь, поручивший Михаилу Тверскому «блюсти» Переяславль.

В 80-х гг. XIII в., как раз тогда, когда со смертью Менгу-Тимура в Орде фактически водворилось двоевластие, в Северо-восточной Руси обозначились две различные политические ориентации. Прочные связи по родству и «службе», которые установились у ростовских князей (в том числе и у ярославского князя) с Волжской Ордой, сделали их верными вассалами ханов Поволжья. В источниках ростовские князья и князь Андрей Городецкий выступают в качестве ставленников и вассалов волжских ханов; с другой стороны, князь Дмитрий Александрович Переяславский и, можно думать, князь Михаил Тверской оказываются вассалами «царя» Ногая и ищут поддержки у последнего. Князья ростовские и князь Андрей Городецкий, согласно летописным известиям, весьма исправно посещали не только ставку Менгу-Тимура, но и его преемников. Эта группа князей не признавала Ногая «царем»; характер-

но, что Ростовский владычный свод называет Ногая просто по имени (см. Акад. л. под 1281 г.: «князь же иде къ Ногою», и под 1283 г.: «Дмитрий приде отъ Ногуя»; ср. ту же летопись под 1266 г., где уже Берке-хана Ростовская летопись называет «царем»: «умре царь Беркалий»). Иной ориентации, как оказывается, придерживался князь Дмитрий Александрович со своими соратниками.

Около 1281 г. умер Менгу-Тимур. Немедленно Андрей Городецкий поспешил в Орду и, «испросивъ собѣ княжение великое подъ братомъ своимъ», пришел с татарской ратью (Кавгадыя и Алчедая)[1] на Дмитрия Александровича Переяславского, имея союзников в лице Федора Ростиславовича Ярославского, Константина Борисовича Ростовского и других князей (он послал за ними, и они к нему присоединились); при этом главным пособником Андрея был какой-то «коромолникъ льстивый» Семен Танильевич (Симеон., Никон. лл.). Из какой же Орды пришел Андрей с татарской ратью? В летописи находим несомненные указания на то, что последний пришел из Орды Волжской: он шел сухим путем (дело было зимою, в декабре) с юго-востока в северо-западном направлении — сначала на Муром, оттуда на Владимир, Юрьев, Суздаль и Переяславль (Симеон., 1281). На следующий год «нахожденье» повторилось; снова на Дмитрия Александровича нагрянул Андрей «ис Татаръ, а съ нимъ рать Татарская Тура и Темерь и Алынъ, а съ ними Семенъ Танильевичь въ воеводах» (Симеон., 1282). Великокняжеский стол, таким образом, был захвачен Андреем с помощью военной силы волжского хана. Тем не менее Дмитрий Александрович считал себя в праве начать открытую борьбу с Андреем, опираясь на силу какой-то другой власти. Из летописи не видно, чтобы Дмитрий Александрович хоть раз ездил в Орду волжских ханов. Свод Дмитрия Александровича[2] открыто обличает действия Андрея и татар и дает красочное описание учиненного погрома. Согласно этому рассказу, татары рассыпались по всему краю и произвели опустошение, сопровождавшееся грабежом всего Северо-востока от Мурома и до Торжка. Грабили города, села, погосты, монастыри; угоняли стада и табуны; обирали жито, иконы и церковные сосуды; часть населения уводили в плен: «и множьство безчислено христианъ полониша» (Симеон., 1281). На кого же опирался Дмитрий Александрович в борьбе с братом и его «татарами» и почему Андрей принужден был все же уступить переяславскому князю великокняжеский стол? Оказывается, что Дмитрий Александрович получил поддержку от Ногая. Свод Дмитрия Александровича прямо говорит, куда поехал он, когда вторично пришел с ратью Андрей из Орды

---

[1] По Никон. л.: Кавгадый и Алчедай; по Акад. л.: Кодай, Алчедай; по Воскр. л.: Кавадый (Кавгадый, Кавыдай) и Алчедай.

[2] Под сводом Дмитрия Александровича мы разумеем Великокняжеский свод 1283 г. На существование последнего на основании изучения летописи «между 1263—1285 гг.» указывалось (см. в ст. М. Д. Приселкова, в сборн. «Века», I, 1924, стр. 30). О летописном тексте 1283—1284 гг. см. у нас выше, стр. 70, примеч. 3.

(«Тукатемерь и Алынь», Акад. л.):[1] «князь же Дмитрии, — читаем в Симеоновской летописи, — съ своею дружиною отъѣха въ орду къ царю Татарскому Ногою». Для Дмитрия, как видим, Ногай был «царем»; в его «Орду» он поехал и от него он получил великокняжеские полномочия.[2] Вместе с тем, Дмитрий Александрович тоже привел с собою, повидимому, татарскую рать; во всяком случае, Новгородская летопись прямо отмечает, что в 1284 г. он ходил ратью на Новгород «с татары» (Новг. I, 1284). И когда в 1283 г. Дмитрий Александрович вернулся от Ногая, Андрей принужден был «смирится» с братом и уступить ему великокняжеский стол, а Семен Танильевич по повелению князя был убит.

Опираясь на право, полученное им от своего «царя» Ногая, и на ту татарскую силу, которая была в его распоряжении, Дмитрий Александрович в 1285 г. дал отпор новой попытке Андрея захватить великокняжеский стол с ордынской помощью. Андрей, получив из Волжской Орды великокняжеский ярлык, привел с собою «царевича»: «князь же великый Андрѣй Александровичь приведе царевича изъ орды, и много зла сътвори християном; великий же князь Дмитрей Александровичь сочтався съ братиею своею царевича прогна, а бояръ княжихъ Андрѣевыхъ изнима» (Соф. I, Воскр. и Льв. лл). Софийская летопись называет обоих братьев — и Андрея и Дмитрия Александровичей — великими князьями, очевидно, не без оснований; каждый из них имел полномочия от своего «царя». Дмитрий Александрович решился, как видим, царевича изгнать, причем вместе с ним действовали его союзники — «братья». Кто были эти «братья»? Кроме Данилы Московского у Дмитрия Александровича, сколько нам известно, еще родных братьев не было (не считая Андрея).[3] Выше мы говорили, что «братьями» назывались Михаил Ярославович Тверской и Данила Александрович Московский; к ним примыкал и князь Переяславский (1297 г.). Эти «братья», очевидно, уже в 1285 г. действовали заодно с переяславским князем, оказывая противодействие Андрею, который, в свою очередь, действовал с помощью волжских «татар», в качестве верного вассала волжских ханов.

Был момент, правда, когда отношения между Дмитрием Александровичем и Михаилом обострились. В 1288 г. Михаил сделал попытку «не покоритися» великому князю Дмитрию Александровичу; в отличие от понятия «братьи» двоюродной или братьи как более

[1] По Никон. л.: Тураитемир и Алын; по Акад. л.: Тукатемерь и Алынь; по Симеон. л.: Тура и Темерь и Алын; по Рог. л. (отнесено к первой рати, 1281 г.): Таитамер и Алын.

[2] Дмитрий Александрович поехал к Ногаю «съ своею дружиною» (Симеон. л.) или «з дружиною своею и со княгинею и з дѣтьми и со всѣм дворомъ своимъ» (Никон. л.). Можно думать, что одного из своих сыновей (Александра) он оставил в Орде Ногая в качестве заложника; по крайней мере, в Новг. I л., под 1292 г., читаем: «преставися у великого князя Дмитрия сынъ Александръ в Татарехъ» (Новг. I л.).

[3] А. В. Экземплярский, Великие и удельные князья Северной Руси, т. I (родосл. табл.); Василий Александрович умер в 1271 г. (ibid., стр. 286).

или менее постоянных союзников, Никоновская летопись подчеркивает, что в данном случае Дмитрий Александрович соединился с «братьею роднею» (Андреем Александровичем и Данилой Александровичем); «размирье» чуть было не дошло до столкновения (войска уже опустошили окрестности Кашина, сожгли Кснятин и двинулись на Тверь; но Михаил вышел с войском навстречу, и князья «взяли мир» (Никон. Рог.лл). В 90-х гг. союз князей тверского, московского и переяславского окончательно определился. В договорной грамоте Михаила Тверского с Новгородом, которую относят к 1294—1296 гг.[1] Михаил Тверской заявляет новгородскому владыке: «то ти отьче повѣдаю: съ братомъ своимъ съ сторѣйшимъ съ Даниломъ одинъ есмь и съ Иваномъ; а дети твои, посадникъ и тысяцькый, и весь Новъгород, на томъ цѣловали ко мнѣ крестъ. Аже будеть тягота мнѣ от Андрѣя или отъ Татарина, или отъ иного кого, вамъ потянути со мною, а не отступити вы ся мене ни въ которое же время».[2] В грамоте, таким образом, Михаил Ярославович Тверской называет Данилу Александровича Московского «братомъ своимъ старѣйшимъ с которым он «одинъ есть»; последнее относится и к Ивану Дмитриевичу, сыну Дмитрия Александровича Переяславского; с другой стороны, союз предусматривает борьбу как с Андреем, так и с «татарами», под которыми, очевидно, разумеются татары волжские. Эта борьба, или «тягота», имевшая место в событиях 1293 г., вводит нас в круг знакомых уже нам политических взаимоотношений и группировок: на одной стороне выступают князь Андрей Городецкий и князья ростовские, получающие полномочия и военную поддержку из Орды Поволжья, на другой—великий князь Дмитрий Александрович (который, как мы видели, получил великокняжеский стол благодаря поддержке Ногая), а также — Михаил Тверской.

В самом деле, в 1291 г. Ногай организовал заговор против Телебуги-хана; Телебуга и его сообщники попали в ловушку и были умерщвлены.[3] Вслед за тем Ногай посадил на царство Тохту. Известие об этих событиях попало и в текст Владимирского Полихрона под 1291 г.: «заратися царь Тохта съ Телебугою царемъ и со Алгуемъ и побѣди Тохта Телебугу» (Воскр. л.; ср. Льв., Соф. I, Никон. и Новг. I лл.). Но вскоре между Тохтой и Ногаем тоже начались враждебные столкновения. По Рашид-ед-дину, Тохта неоднократно вызывал к себе Ногая, но он (Ногай) «не соглашался (на это)».[4] В 1294 г. (693), согласно показаниям египетских истори-

[1] См. С. Г. Г. и Д., I, № 4; А. А. Шахматов, Исследование о языке новгородских грамот (Иссл. по русск. языку, I, стр. 200—230 и далее); датировка — 1294—1301 гг.; этими годами (гл. обр. — 1294—1296) грамоту датируют и другие исследователи (Соловьев, Барзаковский, Пресняков).

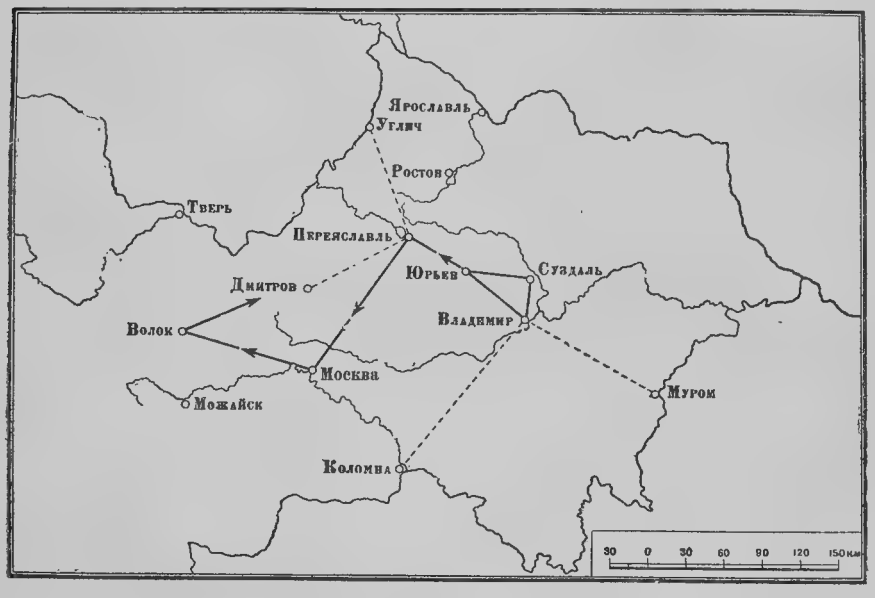
[2] С. Г. Г. и Д., 1, № 4.

[3] Тизенгаузен, I, 107—108; подробное описание см. у Рашид-ед-дина (Тиз., II, не изд.).

[4] См. у Рашид-ед-дина: «несколько раз посылал послов к Ногаю и, давая ему разные хорошие обещания, приглашал его к себе, но Ногай не соглашался», и сокращенно у Бенакити: «неоднократно требовал» (Тиз., II, рукоп.).

ков, Ногай казнил «множество татар».[1] Слух о междоусобиях пришел и на Русь: под 1294 г. летописец записал (Симеон. и Никон. лл.), что «Тохта сел на царство, а Ногая победил» (Симеон. л.), а под 1297 г. тверская летопись, в составе Рогожской летописи, отметила: «иде царь Токта на Ногая ратию и побѣди и» (Рог., 6805).[2] За судьбою Ногая и его отношениями с Тохтой на Руси, как видно, внимательно следили.

В 1293 г. в Орду пошли русские князья — «жаловатися на великого князя Дмитрея Александровичя» (Никон. л.); Никоновская летопись подробно перечисляет тех, кто пошел в Орду: «князь



Карта движения татар Дюневой рати

Андрѣй Александровичь Городецкий, князь Дмитрий Борисовичь Ростовский, да братъ его князь Констянтин Борисовичь Углечский, да изъ двуродныхъ братъ ихъ князъ Михайло Глѣбовичъ Городецкий (надо — Белозерский), да тесть князя Михаила Глѣбовича Бѣлозерскаго князь Федоръ Ростиславичь Ярославский и Смоленский,[3] да князь Иванъ Дмитреевичь Ростовскаго, да епископ Тарасий Ростовский» (Никон., 1293). Вслед за тем на Дмитрия Алек-

[1] Бейбарс (Т и з., I, 109.)

[2] По словам Рашид-ед-дина, во время вражды Ногая с Тохтой Ногай «постоянно отправлял к государю ислама (Газану; ильхан, властитель Персии, 1295—1340)... почетных послов и просил его о помощи, заявляя о желании (своем) сделаться подданным его величества (Газана)». Газан отказался воспользоваться затруднительным положением Тохты и сохранял дружественные отношения как с Тохтой, так и с Ногаем (Т и з., II, не изд.).

[3] С. Соловьева: История отнош. между русск. князьями Рюрикова дома. Поправки — согласно с примеч. 1 на стр. 282 соч., М., 1847.

сандровича нагрянула рать Дюденя или, как полагают, Тудана — брата Тохты и сына Менгу-Тимура.[1] Татары в сопровождении Андрея Городецкого, Феодора Ростиславовича Ярославского и ростовских князей Дмитрия и Константина взяли и разорили ряд городов и «волостей». В Москву татары въехали хитростью, «обольстив» Данилу Московского. Переяславль сопротивления не оказал; «горожане переяславци», уже не раз страдавшие от татарских вторжений, услышав о приближении рати, разбежались; опустели также и «всѣ волости Переяславскыя»; как явствует из дальнейшего рассказа летописи, часть беглецов направилась в Тверь и искала защиты за стенами этого окраинного города. Михаила Тверского в городе не было; население, однако, единодушно решило оказать сопротивление Дюденю; татары осаждать Тверь не решились и прошли мимо на Волок, тем более что в город подоспел и сам Михаил.

Михаил прибыл из Орды. Но он прибыл, как надо думать, не из той Орды, откуда пришла Дюденева рать с ростовскими князьями. Через Ростово-Суздальский край Дюденева рать прошла с востока на запад; сначала, на Суздаль и Владимир, затем на Юрьев, оттуда — на Москву и потом на Волок и «поидоша пакы къ Переяславлю и поидошла въ свояси»[2] (Симеоновская летопись). Ко Владимиру они могли подойти двумя путями: или сухим, как например, пришла в 1281 г. татарская рать с Андреем Городецким: на Владимир через Муром; или водою, как, например, собирался ехать Тохта в 1312/13 г. (по сведениям персидской летописи, Тохта отправился «в страну Урусов», но «на пути» умер, «среди реки Итиля, на корабле»;[3] последняя возможность не исключена; даже в народной песне сохранилась память о наездах (забиравших полон) татар на Русь водою: «на червленных новых кораблях».[4] Так или иначе, но не подлежит сомнению, что Дюденева рать пришла с юго-востока, из Волжской Орды, т. е. из Орды хана Тохты. Михаил, между тем, как рассказывает тверская летопись, возвращался «из орды», но, видимо, не из той Орды, откуда пришла рать: во-первых, уже будучи «близъ къ Москвѣ»,

---

[1] О Тудане см. Н. И. Веселовский, Изв. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1916, т. XXI, кн. I, стр. 1—10.

[2] Эти города и волости подверглись опустошению и разграблению (Симеон. л.). В начале того же известия в общем перечислении городов упомянуто, что татарами были заняты («взяты») еще Муром, Коломна, Дмитров, Углич и Можайск. В летописном описании татарского пути они не упомянуты; в виду этого общее перечисление вызывает сомнение. Ср. также выражение: «а всѣхъ городовъ взяша Татарове 14» с текстом о Батыевом нашествии под 1237 г.: «и взяша городов 14» (Симеон. л.), хотя все же возможно, что города эти (Муром, Коломна, Дмитров, Углич и Можайск) или некоторые из них и были в действительности заняты татарами.

[3] «но на пути... он умер в пределах Сарая среди реки Итиля, на корабле», см. Летопись царей и султанов, современных султану Олджайту (Т и з., II, не изд.) Ср. о том, что князь Иван Михайлович Тверской в 1412 г. поехал в Орду «рѣкою Волгою на судѣхъ» (Никон., 1412).

[4] Песнь о Марье Юрьевне из собрания Якушкина (Буслаев, Русская народная поэзия, I, 1861, стр. 425).

он и не подозревал, как оказывается, что «на Москвѣ рать Татарская»: «прииде бо близъ къ Москвѣ, а не бяше ему вѣсти, яко на Москвѣ рать Татарская» (Симеон. л.); во-вторых, пришедших татар летопись называет «супостатами» Михаила, от которых ему нужно было укрываться: «...како заступи богъ князя Михаила, идуща изъ орды, отъ многыхъ супостат Татаръ: прииде бо близъ къ Москвѣ...» и далее: «и обрѣтеся нѣкий попинъ, тотъ проводилъ бяше князя на путь миренъ. Татарове же и князь Андрѣй слышаша приѣздъ княжь Михаиловъ, не поидоша ратью къ Тфери, но поступиша на Волокъ» (Симеон. л.). Надо думать, таким образом, что Михаил шел с юга или с юго-запада, из Орды Ногая. Вместе с тем, по рассказу Новгородской I летописи, у тверского князя искал опоры спасшийся бегством Дмитрий Александрович: из Пскова он пробрался в Тверь и оттуда вел переговоры с Андреем.[1] Если тверской князь не хотел быть вассалом Тохты, а искал покровительства в Орде Ногая, и Тверь, судя по рассказу летописи, была готова даже оказать сопротивление рати Дюденя (или Тудана), то тверичи вслед за тем могли ожидать карательной экспедиции с Поволжья, которая, действительно, не замедлила явиться. Той же зимою «на Тверь» пришел «царь Токтомерь» и учинил людям «велику тягость»: одних умертвил, других захватил в полон. Был ли это сам Тохта или, как полагает Н. И. Веселовский, один из родственников хана — Токтемирь, судить не беремся.[2] Для нас важно только то (а это не вызывает сомнений), что рать была прислана на Тверь из Орды Тохты.

В эпоху двоевластия в Орде, в конце XIII в., произошли, по-видимому, некоторые изменения в организации эксплоатации русского Северо-востока, отразившиеся на организации ордынского владычества в последующее время. При Менгу-Тимуре (ум. в 1280—1282 г.) на Русь посылались «даньщики», как видно из ярлыка Менгу-Тимура. Тексты же «ярлыков», критически разработанные М. Д. Приселковым, относящиеся к середине и ко второй половине XIV в., говорят, как и ярлык XIII в., о «писцах», но не говорят более о «даньщиках».[3] «Даньщики», очевидно, из Орды в этот период уже не присылались. И действительно: уже в первой трети XIV в. великий князь владимирский (Михаил Тверской) сам собирал дань, как явствует из Рогожской летописи под 1318 г. и из биографии (жития) Михаила Тверского (см. Вел. Четии Минеи). Зная отношение к Волжской Орде великого князя Дмитрия Александровича Переяславского, приходим к предположению, что в его княжение «даньщиков» уже не впускали, и великий князь стал сам собирать ордынскую дань, причем отвозил ее не в Волжскую Орду, а к Ногаю. Когда великим князем владимирским (в начале XIV в., после смерти Ногая) стал Михаил Тверской, то он пошел как бы на соглашение с Волжскою Ордой и стал платить Тохте дань, т. е.

[1] Новг. I, 1239; ср. Пресняков, Обр. вел. гос.
[2] Изв. отд. русск. яз. и слов., Акад. Наук, т. XXI, в. I, стр. 15.
[3] Приселков, Ханские ярлыки русским митрополитам, 1916.

теперь дань шла в Волжскую Орду, но собирал ее сам великий князь Михаил, следуя примеру своего союзника и единомышленника — великого князя Дмитрия Александровича Переяславского.

Посылал ли Ногай баскаков во Владимирскую область, в Тверское, Переяславское и Московское княжества, признававшие Ногая, нам неизвестно. В дальнейшем мы баскаков там не видим. В Ростовском княжестве, признававшем не Ногая, а Волжскую Орду, баскаки еще в нач. XIV в. сидели. По крайней мере под 1305 г. Ростовский владычный свод сообщает о смерти «баскака» Кутлубуга.[1]

Около 1299 г. (1298—1300 гг.) двоевластию в Орде был положен конец. Войско Ногая было разбито, и сам он погиб от руки «русского всадника из солдат Тохты».[2] Событие это нашло отклик и в русской летописи: «того же лѣта, — читаем в Никоновском своде,— царь Тохта вдругии ходи на царя Ногоя и побѣди его» (Никон., 1299). Таким образом, длительный период смут в Золотой Орде окончился. Перед Тохтой (Тохтогу) встал вопрос об отношении к сильному союзу трех княжеств — Тверскому, Переяславскому и Московскому, которые, как мы видели (во всяком случае Тверское и Переяславское), занимали ранее недружелюбную позицию к Волжской Орде. С другой стороны, поскольку со смертью Ногая (около 1299 г.) над князьями вновь оставался только один «царь»—

---

[1] На окраинах Рязанского княжества «баскаки и сотники» сидели во второй трети XIV века, как свидетельствует грамота Феогноста на Червленый Яр. Но весьма вероятно, что окраинные города тех мест были на особом положении, находясь в непосредственной зависимости от татар, подобно г. Туле, которую при царице Тайдуле «баскаци вѣдали», и на которую, вероятно вскоре после начала ордынских смут во второй половине XIV в., распространил свою власть Димитрий Московский.

[2] Первое столкновение Ногая с Тохтой произошло в начале 1298 г. (или в самом исходе 1297 г.); ср. Бейбарс (Т и з., I, 110), Эннувейри (Т и з., I, 158 и Эльмакриз и Т и з., I, 435). Сражение происходило при р. Яксае (Аксае); Тохта был разбит; войска бежали до р. Дона, и часть их утонула в реке. По Рашид-ед-дину, битва происходила на берегу р. Дона. Тохта был разбит и бежал в Сарай (Т и з., II, рукоп.). Второе столкновение кончилось полным поражением Ногая и его смертью. Оно произошло, по Бейбарсу и Эннувейри, в 699 г. (28 сент. 1299—15 сент. 1300 г.); к этому времени Рашид-ед-дин относит первое сражение (вероятно, к 1300 г.); второе, по ходу изложения им событий, произошло вскоре после первого (Т и з., II, рукоп.). Случилось так, что несколько эмиров изменили Ногаю и перешли к Тохте. После этого Тохта двинулся на Ногая. Ногай с сыновьями выступил тоже. «Оба войска сошлись в местности, называемой Куканлык, и сразились». Ногай был разбит и обратился в бегство. «Настиг его Русский из войска Тохты» и отрубил ему голову и принес Тохте. Тохта приказал умертвить этого русского за то, что он «умертвил такого великого по сану человека, а не представил его султану»; см. Бейбарс и др. (Т и з., I, 113—114 и др.). По Рашид-ед-дину, когда Тохта набрал большое войско и пошел на Ногая, Ногай отступил. В войске последнего произошло тем временем восстание, которое едва удалось усмирить. Узнав о несогласии Ногая с войском, Тохта с 60 тьмами войска «переправился через реку Узи, расположился на берегу реки Тарку (Берку; вар.: Берды), где находился (старинный) юрт Ногая». Произошло сражение. Ногай был разбит. Сыновья его бежали к Курулям и Башгирдам (см. Т и з., II, рукоп., а также и о том, что его схватил «Русский всадник из солдат Тохты, нанес ему рану» и повел к Тохте, но по дороге Ногай «отдал богу душу»).

волжский, они в той или иной мере должны были теперь подчиниться власти Тохты.

Источники показывают, что русским делам в Волжской Орде уделяли не мало внимания. Мы знаем, что в 1313 г. Тохта сам даже хотел приехать в Северо-восточную Россию, и только смерть, застигшая его уже в пути, помешала выполнению этого плана.[1] Самый факт существования союза трех княжеств, державшихся довольно независимо по отношению к волжскому хану, мог уже вызывать в Орде некоторые опасения. Между тем решительных шагов, резких мероприятий Орда не предпринимала. Из смуты она вышла в значительной мере ослабленной и пока только собиралась с силами.[2] Политика Орды в отношении к Северо-восточной Руси выразилась, на первых порах, в ряде дипломатических мероприятий.

В нашей историографии не были освещены официальный характер княжеских съездов, организованных в конце XIII и в первые годы XIV в., и та роль, которую играла в данном случае золотоордынская дипломатия. Между тем источники дают на этот счет прямые указания. В 1297 г. во Владимире, под руководством ханского посла, собрались русские князья: «бысть брань межъ князеи Рускихъ, а в то время прииде посолъ изо Орды от царя Алекса Невруй, и бысть съѣздъ всѣм княземъ Русскимъ въ Володимери, комуждо князю свою обиду предъ послом глаголющу» (Никон., 6804; ср. Симеон. и Льв. лл.). Официальный характер съезда не подлежит сомнению; съезд собирается с приездом посла Неврюя; Неврюй, очевидно, возглавляет съезд. Наконец, как мы узнаем из митрополичьего летописца, на съезд вместе с тем прибыл и сарайский епископ Измайло: «смири бо их Семион владыка да владыка Сарайский Измайло» (Льв., 6804). Присутствие последнего на съезде станет понятным, если вспомним, что еще сарайскому епископу Фотию приходилось выполнять дипломатические поручения хана, ездить с ними в Царьград.

Через 4 года произошел другой съезд, в Дмитрове (Симеон., 1301). А спустя три года (в 1304 г.) состоялся новый съезд в Переяславле, опять-таки с чисто официальным значением. Непосредственно вслед за возвращением великого князя Андрея из Орды, в сопровождении ордынских «послов», съехались князья и митрополит и выслушали волю хана: «и ту чли грамоты царевы, ярлыки» (Симеон. л.).[3]

---

[1] Летопись царей и султанов, современных султану Олджайту; Владения Дештикипчака (Т и в., II, рукоп.).

[2] «С тех пор, — говорит Рашид-ед-дин, разумея события 1288 г., —до этого времени, то есть благословенной эпохи государя Ислама (Газана)... у них столкновений не было. В с л е д с т в и е с л а б о с т и (своей) о н и (золотоордынцы) п р е д п о ч л и с о г л а с и е в р а ж д е, открыто высказывают дружбу и единодушие и постоянно посылают к Газану послов с извещениями о делах (своих) с д а р а м и и п р и н о ш е н и я м и» (Т и в., II, рукоп.).

[3] Ср. о соглашении («A présent nous, Timur-kagan, Toctoga, Tchabar, Toga et autres, descendants de Djenguis-khan), объединившем улусы монголь-

Годы, связанные с деятельностью последних двух съездов, принесли с собою раскол среди союзных княжеств и новую картину взаимоотношений. Вначале, на первом съезде, состоявшемся еще накануне окончательного падения Ногая, перед нами две резко враждебные партии: на одной стороне Андрей Городецкий и князья ростовские, а на другой — тверской, московский и представители г. Переяславля; это — две группы, образовавшиеся, как мы видели, в годы смут, в условиях двоевластия. Епископ сарайский и владыка Семион стараются примирить обе группы; в результате съезда участники «подѣлившиеся княжением и разъѣхавшиеся кождо въ свояси» (Симеон. л.).[1] Следующий съезд 1301 г. внес разлад между переяславским князем и тверским: Иван Дмитриевич и Михаил в чем-то «не докончили межи собою» (Симеон. л.). Москва в это время держала себя еще довольно независимо по отношению к Волжской Орде, что видно из захвата ею в 1301 г. Коломны, когда на стороне рязанцев были «татары». Наконец, решение съезда 1304 г. (состоявшегося со смертью переяславского князя Ивана Дмитриевича) имело в виду отношение к Орде московского князя. В 1303 г. умер бездетным Иван Дмитриевич Переяславский — и г. Переяславль занял великий князь Андрей, посадивший в городе своих «наместников». Вскоре, однако, Переяславль был захвачен Данилой Московским. Московская летопись несколько сгладила факт захвата: умер Иван Дмитриевич, по ее рассказу, и в Переяславле сел княжить Данила; только последняя фраза летописного рассказа обнаруживает ход событий: «а намѣстници князя великаго Андрѣева збѣжали» (Симеон., Троицк. лл.); с другой стороны, Московская летопись приводит основания, согласно которым Данила сел княжить в Переяславле: Иван Дмитриевич «благослови въ свое мѣсто Данила Московскаго въ Переяславли княжити; того бо любляше паче инѣх» (ibid.). В следующем году Данило умер, и, по рассказу того же свода, «по животѣ княжѣ Даниловѣ Переяславци яшася за сына его за князя Юрья» (Симеон. л.). Между тем Андрей поспешил в Орду, надеясь, очевидно, в Орде получить полномочия на владение Переяславлем. Однако, несмотря на то, что он был великим князем и, съездив в Орду, вернулся оттуда «съ послы и съ пожалованием царевымъ», Переяславль ему предоставлен не был, а был утвержден за Юрием Даниловичем: на съезде князей «чли грамоты, царевы ярлыки», и, как узнаем из летописи, «князь Юрьи Даниловичь приат любовь и взялъ себѣ Переяславль» (Симеон. л.). В Орде, очевидно, считали необходимым привлечь на свою

ской империи (о котором упоминает Олджайту в письме к Филиппу IV) и состоявшемся в начале XIV в. (см. W. K o t w i c z, Les Mongols promuteurs de l'idée de paix universelle au début du XIV-e siècle, Varsovie, 1933).

[1] В том же году Андрей Александрович, собрав рать, хотел идти на Переяславль, а также к Москве и к Твери; как мы говорили уже выше, князья тверской и московский, со своей стороны, вышли с войском и не позволили ему «ити на Переяславль»: «бяше бо князь Иванъ Дмитриевичь, ида в орду, приказал блюсти свою отчину Переславль князю Михаилу Тфѣрскому» (Симеон. л.).

сторону московского князя. Остался за Москвой и г. Можайск, отнятый Москвою у Смоленска в 1303 г.

Когда, на следующий год, умер великий князь Андрей, в Орду пошел Михаил Тверской, надеясь получить великое княжение, а вместе с ним Переяславль.[1] Вслед за ним в Орду пошел и Юрий Московский, получивший, как мы видели, Переяславль на съезде 1304 г.; Юрий, возможно, также предполагал, что ему дадут великое княжение, судя по тому, что, уезжая в Орду, он брата своего Бориса послал на Кострому (Симеон., 1305). В Орде великокняжеский стол дан был Михаилу, но в то же время на Переяславль полномочий (прямых — по крайней мере) ему не дали. Такое решение повело к вражде между князьями тверским и московским.[2] По приезде из Орды Михаил пошел ратью к Москве на Юрия, а в следующем году, как сообщает летопись, «на осень бысть Таирова рать», и «тое же осени князь Александръ и Борисъ отъѣхали в Тферь съ Москвы»; стоял ли в какой-либо связи отъезд из Москвы князей Александра и Бориса с «Таировой ратью», нагрянувшей из Орды, сказать трудно; но во всяком случае Михаил на следующий год предпринял на Москву новый поход.[3]

Орда, как видим, действует достаточно осмотрительно; в ее планы входит, очевидно, привлечь московского князя на свою сторону; вместе с тем она опасается как будто усиления тверского князя, которому передала великое княжение, и не прочь восстановить московского князя против тверского.

Дальнейшие события в полной мере подтверждают наше наблюдение и яснее вскрывают основную задачу ордынской политики — использовать северо-восточного князя в интересах ордынской власти.[4]

В 1313 г., когда умер Тохта и на «царство» сел Узбек,[5] Михаил

[1] Симеон., 1305: «преставися князь великий Андрѣй Александровичь и положенъ бысть на Городцѣ... Того же лѣта Михайло Тферскый в орду пошелъ, а по убиении Акинфовѣ вышелъ изъ орды на княжение великое». Когда Юрий, отъезжая в Орду, в отсутствие Михаила, послал брата своего Бориса на Кострому, там его «изнимавъ да повели на Тферь». Когда Иван Данилович приехал в Переяславль и сел на нем, произошла под Переяславлем битва между тверским боярином Акинфом и Иваном Даниловичем, к которому присоединилась Переяславская рать, а затем подошла и Московская. Акинф был разбит и умерщвлен «у Переславля», и дети его бежали в Тверь. И Юрий и Михаил находились в это время в Орде (Симеон., 1306; ср. Новг. I, 1304).

[2] Впоследствии мы видим, что Переяславль оказывается изъятым из состава территории Московского княжения и включенным в состав великокняжеской территории.

[3] Симеон., 1306—1308; Рог. л. и Тв. сб., 1307—1308.

[4] «Для того, чтобы поддержать рознь среди русских князей, — писал Маркс, — и чтобы обеспечить их рабское подчинение, монголы восстановили достоинство великого княжения (Владимирского)» («To entertain discord among the Russian princes, and secure their servile submission, the Mongols had restored the dignity of the Grand Princedom» op. c., p. 78).

[5] Согласно продолжателю рашид-ед-диновой истории, в момент смерти Тохты Узбек находился в походе. «Эмиры и найоны стали спорить (между собою) относительно (перехода) царской власти. Эмир сарайский Кутлукти-

Тверской поехал в Орду.[1] Пока великий князь (Михаил) был в Орде, новгородцы решили изгнать его наместников из Новгорода. С этой целью они «послали» к князю Юрию; тот «тайно» снесся с князем Федором Ржевским, и последний поехал в Новгород.[2] В Новгороде, согласно желанию новгородцев, он согнал наместников великого князя и затем двинулся с новгородцами к Волге, где произошла встреча их с войсками князя Дмитрия Михайловича Тверского, кончившаяся миром. Новгородцы послали к Юрию, и тот прибыл с сыном своим Афанасием в Новгород.[3] Но из Орды вслед за тем приехал посол Арачии, и от «царя» пришло приказание, чтобы Юрий шел «къ нему во Орду безъ коснѣниа».[4] Юрий отправился в Орду, а из Орды тем временем прибыл Михаил в сопровождении татар «сильных» и посла Тяитемеря.[5] С помощью татар он

мур сказал: «царство принадлежит сыну Токты, но сперва нужно схватить Узбека, потому что он враг (наш), а после того уже можно сделать царем сына Токты. Они (эмиры) согласились с этим. Узнав о смерти Токты, Узбек покинул войско и прибыл в Сарай, не подозревая (ничего) о помыслах и намерении эмиров. В числе их находился один эмир по имени также Кутлуктимур; он известил Узбека о замысле их. Причиною вражды эмиров к Узбеку было то, что Узбек постоянно требовал от них обращения в правоверие и ислам и побуждал их к этому. Эмиры же отвечали ему на это: «ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон и устав Чингис-хана и перейдем в веру арабов». Но он (Узбек) настаивал на своем мнении; они же вследствие этого чувствовали к нему вражду и отвращение и старались устранить его». Заговор не удался. Узбек, «собрав войско, одержал верх (над ними). Сына Токты с 120 царевичами из рода Чингис-ханова он убил, а тому эмиру, который предупредил его, оказал полное внимание и заботливость. Это тот (самый) Кутлуктимур, который долгое время управлял областями Дешт-Кипчака и Харезма. Узбек сделался государем на престоле царства Джучиханова и стал могущественным властителем...» (Т и з., II, рукоп.). Краткое упоминание об этих событиях см. у Эльбирзали: «он умертвил нескольких эмиров и вельмож, умертвил большое количество уйгуров, т. е. лам и волшебников, и провозгласил исповедание ислама» (Т и з., I, 174); Эльмуфаддаля (Т и з., I, 197); Эддэхеби (Т и з., I, 206); Ибндукмака (Т и з., I, 323); Ибнхальдуна (Т и з., I, 384—385); Элаеади (Т и з., I, 446); обстоятельства умерщвления эмиров изложены у Элайни (Т и з., I, 516). В русской летописи события отразились лишь в кратком указании летописца, что Узбек вступил на царство «и обесерменился» (Симеон., 1313).

[1] «Князь великии Михаило поиде въ орду, такоже и Петръ митрополитъ всеа Руси, духовный пастухъ, вкупѣ съ княземъ съ великимъ поиде къ орду того дѣля, понеже тогда Тохта царь умре, а новый царь Озбякъ сѣлъ на царствѣ и обесерменился» и далее: «но милостию божиею вборзѣ отпущенъ бысть Петръ митрополитъ отъ царя изъ орды и прииде на Русь» (Симеон., 1313).

[2] Новг. I, 1314; Никон., 1314.

[3] Симеон., Никон., Новг. I, лл., 1314; «и ради быша новгородци своему хотѣнию» (Новг. I л.).

[4] Никон., 1315; ср. Новг., 1315: «поиде князь великыи Юрьи изъ Новгорода, позванъ въ Орду отъ царя марта 15 в суботу Лавореву, оставивъ в Новгородѣ брата своего Афанасья».

[5] Симеон., 1315: «То же осени прииде изъ орды князь великии Михаило, а съ нимъ посолъ Тяитемерь, и много зла учини въ Русской земли»; в Ни-

выступил против новгородцев, нанес им поражение под Торжком, а князя Афанасия препроводил в Тверь.[1] Новгородцы сделали попытку пойти в Орду «сами о себѣ», но тверичи их задержали и «изымали».[2] На следующий год наместники Михаила принуждены были вновь покинуть Новгород, и Михаил совершил два похода на новгородцев, из которых второй окончился неудачно.[3] Между тем вскоре выяснилось, что Юрий был вызван в Орду отнюдь не для расправы и наказания за то, что он в отсутствие Михаила помогал новгородцам изгонять наместников великого князя. Наоборот: Узбек стал приближать к себе московского князя, женил его на своей сестре Кончазе (Кончаке), принявшей крещение с именем Агафьи,[4] и наконец отправил (по словам московской летописи) «на великое княжение».[5]

В 1317 г. Юрий пришел из Орды вместе с послом Кавгадыем (Ковгадыем), сопутствуемый татарской «дружиной» (Рог. л.; по тексту «Повести» с ним было «множество татаръ и бесерменъ»).[6] Кавгадыю даны были от хана, как показывают дальнейшие события, широкие полномочия. В самом деле, Юрий и Кавгадый дошли до Костромы, их встретил Михаил со всеми «Суздальскими» князьями, и начались переговоры. Эти переговоры Михаил начал вести не с Юрием, а с Кавгадыем; в результате переговоров с Кавгадыем он уступил «великое княжение» Юрию, сам же ушел «в свою отчину» Тверь: «и съслався съ Кавгадыемъ съступися великого княженіа Михаилъ князь Юрию князю» (Рог. л.).[7] Несмотря на то, что Михаил уступил Юрию «великое княжение», Юрий с Кавгадыем (в том же году), соединившись со всеми «суждальскими» князьями, пошли на Тверь

кон. л. 1315 г.: «... а съ нимъ посолъ Таитемирь и Имаръхожа и Индрый» (ср. Акад. л.: «а съ нимъ послове Тайтемерь, Махрожа, Инды»), Рог., 1315: «... а съ нимъ Татарове силни» (ср. Тв. сб., 1315). Новг. I л.: «ведый съ собою Татары оканьнаго Таитемеря».

[1] Новг. I, Никон. лл., 1315. Новг. I л.: «Тогда же поиде князь Михаило со всею Низовською землею и с Татары к Торжку» и т. д. Рог. л.: «и иде къ Торжку с Татары и съ князи Суждалскыми...» (ср. Никон. л., 1315).

[2] Никон., 1315.

[3] Новг. I, Никон., Симеон. лл.; Рог., 1316.

[4] Рог., 1317; Никон., 1317: «прииде князь великы Юрьи Даниловичь Московьский на великое княжение изо Орды женився, у царя сестру его понявъ именем Коньчаку; егда же крестися и наречено бысть ей имя Агафиа».

[5] Симеон., 1317.

[6] Рог., 1317; Вел. Четии Минеи, ноябрь, М., 1914: «убиение великого князя Михаила Ярославича Тверьскаго от безбожнаго царя Азбяка», л. 1078. Как установил Ключевский, первоначальное сказание о Михаиле мы имеем в списке, попавшем в Вел. Четии Минеи; в древние летописи оно не попало, а позднейшие летописные сборники занесли его на свои страницы уже в переделке XV в. «По содержанию и основной мысли это сказание не житие в настоящем смысле слова, а повесть об убиении кн. Михаила в Орде». Автор — тверяк — был современником Михаила и очевидцем событий его кончины (см. Др.-русск. жития свят. как историч. источник, М., 1871, стр. 71—72); см. также и Серебрянский, Др.-русск. княж. жития, стр. 247—253.

[7] Рог. л., Тв. сб., Никон. л., 1317.

против Михаила.[1] План Кавгадыя был таков: с северо-запада на Тверь должны были двинуться новгородцы, а с юга — Юрий со всеми «суждальскими» князьями. В Новгород приехал татарин Телебуга и вызвал новгородцев против Михаила в помощь Юрию (Новг. I л.). Новгородцы подошли к Торжку и там ожидали срока; как было условлено они должны были двинуться от Торжка к югу (в то время как Юрий от Волока — к северу) и, таким образом, войдя в соприкосновение с войсками Юрия, ударить на Тверь: «... сърѣкаа срокъ, како пойти Юрию князю отъ Волока, а Новгородцемъ отъ Торжьку» (Рог. л.). Между тем войска Юрия подошли ближе к Твери и начали воевать Тверскую волость: «почаша воевати Тферскую волость, села пожгоша и жито, а люди в плѣнъ поведоша» (Рог. «летописец»). Ожидая прихода новгородцев, Кавгадый, очевидно, чтобы протянуть время, вступил в переговоры с Михаилом: тверская летопись рассказывает, что от Кавгадыя ездили «послове» к Михаилу, но не с целью покончить дело миром, а «все съ лестию» (Рог. л.).[2] Новгородцы тем временем пошли к югу, прошли по тверскому рубежу, но Юрия не нашли, а столкнулись с отрядами Михаила. Не обнаружив московских войск («понеже не вѣдяху князя Юрья, идѣ есть...», Новг. I л), они заключили сепаратный мир с Михаилом и ушли в Новгород (Новг. I, Рог., Новг. IV, Соф. лл.). Кавгадый, Юрий и «суждальские» князья пошли в северо-западном или западном направлении, к Волге, в надежде, повидимому, встретить новгородские войска. Михаил, «съвокупя свои мужи Тферичи и Кашинци», вышел «противу Юрию»; Юрий «ополчися противу»; произошла «сѣча велиа», Юрий был на-голову разбит и бежал «въ малѣ дружинѣ» в Новгород. Среди пленных (в их числе были и князья) оказалась и княгиня Юрьева, сестра Узбека Кончаза (Кончака), умершая в плену.[3]

Михаил, как видим, явно сильнее Юрия. Тверское княжество в эти годы представляется, таким образом, едва ли не самым сильным из всех «низовских» княжеств: Михаил разбил всех «суждальских» князей с московским князем во главе. Сила тверского князя была, очевидно, хорошо известна Кавгадыю и им предусматривалась; этим объясняется, почему он вызвал новгородцев и ожидал их прибытия. Но ни Юрий ни Кавгадый не предвидели, конечно, что новгородцы заключат отдельный мир с Михаилом и тем разрушат

[1] Эти события остались не понятыми А. Е. Пресняковым, так как он совершенно не использовал (или, вернее, не оценил) основной (и древнейший) текст для этих событий — Рог. л. (см. Обр. вел. гос., стр. 129). В основу добавлений летописной переделки XV в. жития Михаила (П. С. Р. Л., т. VII) взят летописный рассказ, но передача «великого княжения» изложена неверно, а в дальнейшем введен мотив «смирения». Первоначальное сказание о Михаиле (см. выше стр. 83, примеч. 6) осталось Пресняковым не использованным при изложении этих событий.

[2] Рог. л., Тв. сб., Никон. л., 1317. Как видим, нет оснований предполагать, чтобы Кавгадый во время переговоров с Михаилом требовал от него недоимок (или вообще «серебра»), тем более что ни летописи, ни повесть об убиении Михаила на это не указывают.

[3] Рог. л., Тв. сб., Никон., Симеон., Новг. IV лл., 1317; Новг. I, 1318.

планы Кавгадыя. Предприятие окончилось неудачно. Так или иначе, однако, надо было выходить из создавшегося положения.

На другое утро Михаил вышел к Кавгадыю,[1] пригласил его и «дружину» его в Тверь и оказал ему почет, соответствующий его положению: «и поятъ его в Тфѣрь съ своею дружиною, почтивъ его и отпусти» (Рог. л). Кавгадый заверил князя, обманывая его («лестию ротяшеся»), что они воевали «его» и «волость его» «без царева слова и повелѣниа» и что он (Кавгадый) не будет «вадити» на князя к царю. Таким образом, Кавгадый с Михаилом «взяли мир» («взятъ миръ...» Рог. л.). Содержание этих переговоров нам не известно; однако можно установить, что великокняжеская территория (по крайней мере — г. Владимир) была вновь занята князем Михаилом.[2] Заверениям Кавгадыя Михаил, повидимому, поверил: когда, прибыл Юрий с новгородцами, Михаил вышел к нему навстречу, заключил договор, текст которого называет обоих князей «великими князьями»,[3] условился с Юрием, что оба они поедут в Орду, и послал вперед сына своего Константина.[4] Это как будто показывает, что Михаил действительно считал себя перед Ордою правым.

Что же оставалось делать Кавгадыю? Неудача, постигшая его план, торжество Михаила требовали удовлетворения. Михаил так или иначе должен был быть наказан «царским» гневом, тем более что в тверском плену умерла Кончаза, сестра Узбека, и слухи приписывали ее смерть отравлению.[5] Прежде всего Кавгадый вновь соединился с Юрием с неприязненными намерениями против Михаила. По словам «Повести», Юрий «паки соимяся с Кавгадыем» и когда на следующий год Михаил отправил в Москву посольство «о любви», посол Михаила Олекса Маркович был Юрием убит (Рог. л.; 6826) и Юрий поспешил в Орду. Вслед за тем по его «повѣлению» в Орду поехали вместе с ним «всѣ князи Низовьские и бояре з г о р о д о в ъ и новгородцы».[6] Михаил с отъездом в Орду несколько задержался. Между тем Кавгадый, по словам тверской летописи,

---

[1] Когда Юрий, по рассказу Рог. л., «въ малѣ дружинѣ» бежал в Новгород, Кавгадый «повелѣ дружинѣ своей стягы поврѣщи, а самъ не любоуя поиде въ станы» (Рог.,1317). Из рассказа Рог. л. не ясно, принимала ли непосредственное участие «дружина» Кавгадыя в битве или стояла только с поднятыми стягами. Напомним, что «рать великая» Юрия была действительно разбита на-голову и что в числе пленных кроме жены Юрия попали князь Борис Данилович и др. «многии князи» (ср. Рог., Симеон., Моск. лл.). По Никон. л., в числе пленных были и «татары», но после свидания Михаила с Кавгадыем, князь «татаръ Кавгадыевыхъ избивати не повелѣ».

[2] См. в «Повести»: «бывшу же ему в Володимерѣ и се приде тоу посолъ изо орды...» (В. М. Ч., ноябрь).

[3] «Се доконча князь Великий Гюрги съ братомъ своимъ Великимь Княземь Михаиломъ...» (С. Г. Г. и Д., I, № 14; А. А. Шахматов, Исслед. о языке новгор. грамот).

[4] «Тое же зимы великий князь Михаилъ посла сына своего Костянтина в Орду» (Рог., 1317; см. «Повесть», Вел. Четии Минеи, ноябрь).

[5] Симеон., 1317.

[6] Вел. Четии Минеи, ноябрь. Посланным в Орду пришлось, как увидим, через $1^1/_2$ месяца сопровождать Узбека в походе через Дербент.

по приезде в Орду стал говорить «царю», что Михаил, «собравъ по градомъ многы дани, хощетъ въ Нѣмци, а къ тобѣ ему не бывати» (Рог. л.).[1] Есть сведения, к которым, однако, следует относиться с осторожностью, что до суда Кавгадый готов был убить Михаила и уговаривал «царя» послать на Русь татар.[2] Михаил в Орду прибыл «вборзѣ»; его торопил посол Ахмыл, который приехал во Владимир с приказанием от хана: «зовет ти царь, поиде вборзѣ, буди за мѣсяць», и предупреждал, что задержка, в виду обвинений Кавгадыя, может повлечь за собою рать.[3] Через $1^1/_2$ месяца после приезда Михаила в Орду «царь» приказал судить Михаила с Юрием или, вернее, судить Михаила. «Суд» собирался дважды.[4] Кавгадый был одновременно и «судья и сутяжей». Князья ордынские собрались «во едину вежу, за царевъ дворъ и покладаху многи грамоты на князя Михаила». Михаил обвинялся в трех преступлениях: во-первых, «царевы дани не далъ еси»; во-вторых, «противу посла билъся еси» и, в-третьих, «княгиню великого князя Юрья оуморилъ еси». На первое обвинение Михаил «правду глаголя и истинну, обличаше лживыа свидѣтельства и», и кроме того (на втором суде) указывал, «колико сокровищь своих издаялъ еси цареви и князем (все бо исписано имяше)».[5] На второе обвинение он говорил,

[1] Рог., 1318, Вел. Четии Минеи, ноябрь.

[2] Никон., 1318.

[3] Вел. Четии Минеи, ноябрь (застал орду у устья Дона); Рог., 1318.

[4] Рог., 1318; Вел. Четии Минеи, ноябрь.

[5] Вел. Четии Минеи, ноябрь. Была ли в этом обвинении доля правды и в какой мере условия могли позволить Михаилу утаить собранную дань, судить трудно. Скорее можно допустить, что Михаилу не удалось собрать всей дани. Во всяком случае, Михаил пришел из Орды в сопровождении Таитемеря, и с ним были «татарове силны». Московская летопись ничего не говорит о подобном злоупотреблении со стороны тверского князя. Тверской автор летописи и тверской автор «Повести» нисколько не скрывают обвинения, предъявленного Михаилу, повидимому далекие от мысли, что читатель заподозрит Михаила в этом преступлении. Напомним также, что в 1321 г. в Кашин приехал «Гаянчаръ татаринъ съ жидовиномъ длъжникомъ, много тягости учинили Кашину»; «должник» — это кредитор, заимодавец. Согласно мнению Экземплярского (а вслед за ним и А. Е. Преснякова), приезд «должника» был вызван долгами Михаила (см. Пресняков, Обр. вел. гос., стр. 132, примеч. 2; Экземплярский, II, 469). Если так, то и Михаилу приходилось в Орде занимать в долг. Ссудные сделки с купцами в Орде были довольно обычным явлением. За их помощью, косвенно, обращался даже сам Узбек. Так, по рассказу Эннувейри (ум. в 1333 г.), когда султан сватал «девушку из рода Чингис-ханова», Узбек предложил египетскому послу внести приданое. «Тот стал извиняться, что при нем нет денег. Тогда он (Узбек) сказал: «мы прикажем купцам ссудить тебя тем, что (следует) внести», и приказал им сделать это. Он занял 20 000 динаров чистым золотом и внес их. Потом он (Узбек) сказал: «необходимо устроить пир, на котором собрались бы хатуни». Он (посол) в другой раз занял денег, говорят 7000 динаров, и устроил пирушку» (Т и з., I, 169). Мы знаем также, что, когда Александр Михайлович в 1325 г. возвращался из Орды, с ним были «должници и много бысть тяготы на Низовьской земли» (Новг. I, л.); что в 1371 г. Дмитрий Иванович вернулся из Орды «съ многыми длъжникы и бышеть отъ него по городомъ тягость даннаа велика людемъ» (Рог., 6879). В договорных грамотах, наконец, встречаем прямо указание на «долг бесерменьскый» (см. С. Г. Г. и Д., I, № 33, стр. 56).

что «посла паки избавих брани и со многою честию отпустих его». Наконец, «про княгиню бога послуха призываше, глаголя, яко ни на мысли ми того сотворити».[1] Тем не менее судьи вынесли приговор: «достоинъ есть Михаилъ смерти».[2]

Приговор привели в исполнение не сразу. Русских князей и в том числе тверского князя, прикованного к колоде, увезли вместе с Ордою, которая двинулась на юг в сторону Дербента, так как Узбек во главе многочисленной армии намеревался вторгнуться во владения иранского ильхана Абу-Сеида (1316—1335).[3] Текст «Повести» дает описание любопытной сцены, которая вскоре произошла в Орде. Кавгадый приказал вывести Михаила с колодой на вые «в торгъ»; там, «созва вся заимодавца» при большом стечении народа, он поставил его перед собою на колено («величаше бо ся беззаконный,— прибавляет повесть, — яко власть имыи на праведнем») и «многа словеса изрече досадна на него», а «по сем» говорил ему о «цареве обычае» и «царском гневе». Эта сцена должна была иметь, очевидно, показательное значение: автор свидетельствует, что в то время «сьехалось бѣ множество людей отъ всѣхъ язык и сшедшесь тоу зряху» тверского князя; не даром один из присутствующих сказал, обращаясь к нему: «видиши ли се, колико множество народа стоит, видяще тя в таковой оукоризнѣ: а преж слышаще тя, царствующа в свои земли...[4] Под г. Тетяковым — «минувши всѣ городы высокые Ясьские и Черкаские, близ ворот желѣзных» (т. е. Дербента) — Михаила убили.[5] По словам повести, перед убиением

[1] Ср. Духовную новгородца Климента XIII в.; меновую грамоту 1538 г., где «послухами» являются «бог, Николай Чудотворецъ, апостолы Петр и Павел». (А. С. Лаппо-Данилевский, Архивные курсы. Очерк русской дипломатии частных актов, II, 1920, стр. 47).

[2] Вел. Четии Минеи, ноябрь; Рог., 1318.

[3] См. «Летопись царей и султанов, современных султану Олджайту: «в 718 г. (5 марта 1318—21 февр. 1319 г.) со стороны Дештикипчака дошла молва, что царь Узбек с бесчисленным войском по Дербентской дороге направился в этот край (Иран)... Государь (Абусаид) и эмиры (его) двинулись в Карабаг». Поход кончился поспешным отступлением Узбека (Т и з., II, рукоп.); см. Летопись Вассафа: «В середине зимы 718 г. (1318—1319) царевич Узбек появился от границ Саксинских и кипчацких с огромным и бесчисленным войском... прошли через Железные ворота (Дербент). Охранение этой окраины поручено было (Хулагуидами) эмиру Теремтазу с личной тысячью. Так как племена левгин — да дарует (нам) Аллах неоднократно победы над ними! — из-за скверных намерений и дурных наклонностей (своих) имели большую связь с той (золотоордынской) стороной, то они ему (Теремтазу) не дали знать о прибытии этой неожиданной армии». Далее читаем об остановке войска Узбека на берегу р. Куры, и затем — о поспешном отступлении из опасения, что войска противника зайдут в тыл (Т и з., II, рукоп.).

[4] Вел. Четии Минеи, ноябрь.

[5] Бояре и слуги Михаила («бояре ж его и слуги») подверглись избиению: «а иных изымаше, волочаху нагих, терзающе нещадно... и приведше въ станы своя, оутвердиша и во оковѣхъ» (Вел. Четии Минеи, ноябрь). Часть их (с князем Константином) нашла спасение у «царицы («котории успѣша убѣжати во орду къ царицы со княземъ Констянтином»). Смерть «Озбяковой царицы» (Боялынь) отмечена в русских летописях под 1323 г.: «царица Озбякова въ ордѣ именем Боялынь умре» (Симеон. л.). О Боялунь (третьей хатуни Узбека), дочери византийского императора, см. подроб-

князя «Кавгадый вхождааше къ царю и исхождааше со отвѣты на убиение блаженаго».[1] В какой же мере печальная участь Михаила явилась результатом интриги князя Юрия и вообще можно ли допустить, что московскому князю принадлежала инициатива в разыгравшихся политических событиях? Источники, как мы видели, едва ли допускают такое понимание. В Орду Юрий был вызван ханским послом. Все переговоры с Михаилом — и вначале у Костромы, и затем под Тверью — вел не Юрий, а Кавгадый. К новгородцам, как мы видели, приезжал татарин Телебуга. Московская летопись говорит, что Михаила Тверского «убилъ царь Озбякъ в ордѣ» (Симеон. л.). Тверская летопись говорит, что в Орде «вадили» на князя Михаила Юрий и Кавгадый, но и она указывает, что «началником всего зла» был Кавгадый (Рог. «летописец»). Но всего показательнее оценка роли князя Юрия в тверской «повести», составленной современником событий — лицом, сочувствующим Михаилу и свидетелем его смерти в Орде: Юрий Московский, согласно рассказу повести, является орудием в руках татар. Эта оценка роли Юрия невольно остановила внимание знаменитого автора исследования о «Древнерусских житиях как историческом источнике»: «Но любопытно, — пишет Ключевский, — что соперник его (Михаила) Юрий Московский остается в тени и не на него направлено тверское негодование автора. Юрий с низовскими князьями — орудия татар, невольная жертва ордынской жадности и особенно треклятого Кавгадыя, всего зла заводчика. Такое отношение тем более любопытно, что Москва в начале XIV в. не была еще окружена в глазах общества блеском, прикрывавшим много, и сам автор не скрывает подробностей, не согласных с его отношением к действующим лицам рассказа».[2]

Вернувшись на великое княжение, Юрий в своей великокняже-

ный рассказ у Ибнбатуты (Т и в., I, 294—295) — о ее «состарадательности» и об отношении к прибывшим; ср. в Analceta Franciscana, III, 1897, p 519—520, в главе incipit passio fratris Stephani de Hungaria in civitate Saray Tartarorum, 301—305: о ее путешествии в Константинополь. Книга Civezza была мне недоступна: M. de C i v e z z a, Histoire universelle des Missions Franciscaines, trad. de l'italien... par le P. Victor-Bernardin de Rouen, Paris, 1898—1899, t. I, Asie: Tartarie (Grande Tartarie, Chine, Perse, Indes, Paptchak, Thibet, Turkectan), 1898.

«Повесть» рассказывает далее, что «самиж князи и бояре в единой вежи бяхоу, пиюще и повѣствующе, ктож какову вину изрек на святого» (В. М. Ч., там же). Очевидно, это были те самые «князи низовьские и бояре з городовъ», которые «по повелѣнию Кавгадыеву» прибыли в Орду, когда он готовил осуждение Михаилу в Орде (см. В. М. Ч., ноябрь).

[1] Вел. Четии Минеи, ноябрь.

[2] «Древнерусские жития святых как исторический источник», стр. 73—74; и далее: «Увидев брошенное без одежды тело Михаила, Кавгадый «с яростью» обратился к Юрию: ведь он брат тебе старший, все равно, что отец, зачем лежит так его тело? (После убиения Михаила его «вежу» разграбили «Роусь и Татарове», а тело его было брошено «небрежено»: Вел. Четии Минеи, ноябрь; *А.Н.*). После убийства и русские князья с боярами, в одной веже с ордынскими, пили вино и хвастались, какую кто вину выдумал на пострадавшего князя» (там же, стр. 74). Об этом см. выше, примеч. 5.

ской деятельности действительно играет роль орудия ордынской политики, т. е. верного слуги хана, блюстителя ордынских интересов.

Не прошло и года после возвращения Юрия из Орды, как к нему приехал «посол» Байдера («и много зла учиниша въ Володимери»).[1] По прибытии Байдера Юрий поехал в Ростов — очевидно, в связи с какими-то требованиями Орды: в Ростове, по сообщению летописи, появились «злии Татарове».[2] Из Ростова он проехал в Новгород, где сидел уже его сын Афанасий, посланный туда еще из Орды,[3] а в Ростове между тем вспыхнули волнения и население изгнало из города прибывших татар.[4]

На следующий год в Кашин приехали «Гаянчаръ Татаринъ съ Жидовиномъ длъжникомъ» и «много тягости оучинили Кашину».[5] Вопросы уплаты ордынского «выхода» опять таки вызвали выступление великого князя Юрия. Со всей силою Низовскою и Суждальскою Юрий «събрався въ Переяславли, хотя к Кашину ити, Михайловичи же князь Дмитрий съ братиею съ Тфѣрскымъ полкомъ и съ Кашинскымъ противу ему изыдоша къ Волзѣ и д о к о н ч а м и р мѣжи ими владыка Андреи и разыдошася».[6]

Военная экспедиция сделала свое дело; Михайловичи, очевидно, рассчитались с кредитором и обязались, согласно условию, вскоре уплатить определенную сумму выходного серебра: в том же году зимой Юрий взял («поимавъ») «сребро оу Михайловичевъ выходное по д о к о н ч а н и ю»;[7] был ли это остаток выхода, недоимка или полностью очередной выход, мы не знаем, хотя по ходу событий вероятнее кажется первое; летопись рассказывает только, что, приняв серебро, Юрий не пошел «противу царева посла» (имя посла при этом летопись не указывает), а поехал, захва-

---

[1] Никон., 1320: «Князь велики Юрьи Даниловичь Московский прииде на великое княжение...» «Того же лѣта приходил изъ Орды посолъ Байдера къ великому князю Юрью Даниловичю и много зла учиниша въ Володимери. Того же лѣта князь велики Юрьи Даниловичь посла въ Новъград на столъ брата своего Афанасиа Даниловича»; ср. Новг. I, Новг. IV лл., 1319 г.

Имя Байдара мы встречаем у Ибнбатуты: когда ханша Узбека Баялунь, дочь византийского императора, отправилась в Константинополь, ее провожал «эмир Байдара с 5000 своего войска»; когда они доехали до пограничной византийской крепости Махтули, «эмир Баядера вернулся со своим войском, а с хатунью поехали лишь ее люди» (Т и з., I, 302, 304).

[2] Акад. л.: «Князь Юрьи приеха в Ростовъ, а из Ростова еха в Новъгородъ... Того же лѣта быша зли Татаровѣ в Ростовѣ...» (ср. Воскр., 1320). Следует заметить также, что за год перед тем в Ростов из Твери перевезли тело Кончазы, сестры Узбека и жены великого князя Юрия, где она была похоронена в церкви св. Богородицы (Акад., 1319; Воскр., 1317; Новг. IV, 1319).

[3] См. Новг. IV л.: «а Юрьи изъ Орды присла брата Афанасья в Новъгородъ намѣстникомъ»; ср. Новг. I л.

[4] Акад., 1320: «...и собравшеся людие, изгониша ихъ изъ града»; ср. Воскр. л. Последствием этих волнений, как увидим, явилась карательная экспедиция 1322 г.

[5] Рог., 6829.

[6] Там же; ср. Тв. сб., 6829; Новг. I л.: «и докончаша миръ на дву тысячю серебра, а княжения великого Дмитрию не подъимати».

[7] Там же.

тив с собою серебро, в Новгород. Там он вынужден был, согласно обоснованному указанию А. Е. Преснякова, задержаться.[1] Между тем Узбек передал великое княжение Дмитрию Михайловичу, который вернулся из Орды с послом Севенчьбугой, и вместе с тем поручил послу Ахмылу звать Юрия в Орду.[2] Мы не имеем прямых объяснений, почему Узбек решил передать великокняжеский ярлык тверскому князю. Можно думать, что был донос со стороны того самого «царева посла», «противу» которого не вышел с серебром Юрий, и что поводом послужила задержка Юрия в Новгороде. Так или иначе, но источники свидетельствуют, что Юрий все время оставался верным слугою хана. «Противу царева посла» он не поехал, во-первых, потому, что был вызван, как сообщает Новгородская летопись, новгородцами в Новгород,[3] и, во-вторых, потому, что намеревался, как выясняется из дальнейших событий, непосредственно внести собранные деньги в Орду. В самом деле, из Новгорода он стремился скорее в Орду;[4] опасаясь нападения со стороны тверского князя, он просил новгородцев проводить его;[5] опасения князя были вполне основательными: на пути «во Орду» на Удроме на него действительно напал князь Александр Михайлович и разграбил его «товар». Юрий принужден был спасаться бегством во Псков, откуда он переехал в Новгород.[6] Спустя два года мы видим, что он добросовестно действует в интересах Орды в Заволочье, после взятия новгородцами Устюга («и докончаша миръ по старинѣ и выход давати по старинѣ во Орду»).[7] Наконец, в том же году он из Заволочья проезжает р. Камой в Орду, везя, очевидно, с собою собранный выход.[8]

Между тем на роль ханского слуги Узбек не без успеха выдвигал уже брата Юрия — Ивана Даниловича. Еще в 1320 г., после вечевого восстания в Ростове, Иван Данилович «поиде во Орду ко царю Азбяку» (Никон. л.). В Орде он прожил до 1322 г., когда его послали вместе с послом Ахмылом с карательной экспедициею. Экспедиция действовала, повидимому, добросовестно по некоторым

---

[1] Рог. л.; Тв. сб., 6829. См. «Образование великорусского государства», стр. 133, примеч. 3; ср. также текст, стр. 133—134.

[2] Симеон., Никон., 1322; ср. Никон. л.: «...и пожалова его царь Азбякъ великымъ княжениемъ Володимерскымъ подъ великымъ княземъ Юрьем Даниловичем; а преже сего той же Азбякъ царь дал великое княжение Володимерьское Юрью Даниловичю Московскому подъ великым княземъ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ».

[3] Новг. I, 1322: «приде князь Юрьи в Новъгородъ позванъ Новгородци».

[4] Никон., 1322. Из Орды прибыли в этом году посол Ахмыл («по Юриа князя») и с ним князь Иван Данилович (Рог. л., Тв. сб., Никон. л.).

[5] Новг. I, 1322: «...много моливъ Новъгородци а быша и проводили».

[6] Новг. I л.; ср. Рог. л. и Тв. сб.

[7] Никон., 1322; Новг. I л.; Рог. л.

[8] Там же. Встреча с Дмитрием Михайловичем оказалась роковой для Юрия: в Орде он был убит тверским князем. Убийство было совершено «безъ царева слова», т. е. не по приказанию Узбека, и на следующий год Дмитрий Михайлович был царем казнен (Новг. I л.); вместе с ним убили и князя Александра Новосильского (Симеон., Рог. лл.). Великое княжение передали Александру Михайловичу Тверскому.

городам Низовской земли (очевидно, в Ростовском княжестве), причем особенно пострадал г. Ярославль: «и плѣниша много людей и посѣкоша и Ярославль п о ж ж е м а л о н е в е с ь».[1] Спустя шесть лет ему от «царя» дано было новое «повеление» — сопровождать большую карательную экспедицию на Тверь.

Дело в том, что в 1327 г. в Твери вспыхнуло восстание. Незадолго перед тем в город приехал ханский родственник Шевкал. Назначению Шевкала в Тверь, последовавшему вслед за передачей великого княжения (со смертью Димитрия) тверскому князю Александру, придавали серьезное значение.[2] Вместе с Шевкалом в Твери расположилось большое количество татар. Эти последние, по словам тверской летописи, стали позволять себе «насильство и грабление и битие и поругание» над горожанами.[3] Население ждало только повода к восстанию («искаху подобна врѣмени»), и когда представился удобный момент,[4] разразилось вечевое восстание: «и смятошася людие и оудариша въ вся колоколы и сташа вечемъ и поворотися градъ весь и весь народъ въ томъ часѣ събрася и бысть въ нихъ замятня и кликнуша Тфѣричи и начаша избивати Татаръ»;[5] в числе убитых оказался и сам (ближайший родственник Узбека)[6] Шевкал.[7]

---

[1] Акад., 1322; ср. Воскр. и Симеон. лл.; Ростов был на этот раз пощажен (см. ниже).

[2] Это видно из того, как передает Тверская летопись обстоятельства назначения Шевкала в Орде царем; см. со слов: «потом, за мало днии...» до слов: «... и повелѣ ему царь сътворити тако» (Рог. л., Тв. сб., 1326).

[3] Рог. л., Тв. сб., Никон. л., 1326.

[4] В праздничный день (15 августа), когда, очевидно, в город (на «торг») стекалось много народу, «в полоутра, как т о р г ъ сънимается», один дьякон-тверяк, прозвищем Дудко, повел кобылицу «младу и зѣло тучну» поить к Волге. «Татарове же видѣвше отъяша ю» (Рог. л., Тв. сб., 1326). Ср. о татарах у Киракоса: «Не довольствуясь тем, что они ели и пили, они требовали еще коней и дорогих одежд; но особенно они любили лошадей, которых забирали во всей стране. Никто не смел открыто держать лошадей и мулов, разве скрывали где-нибудь, и то для нужд при исполнении военных повинностей. Где только они ни находили лошадей, а особенно, когда замечали на них свои клейма, то отбирали их себе» (П а т к а н о в, II, 40). Когда пострадавший поднял крик, ему пришли на помощь: «и бысть между ими бои, татарове надѣющеся на самовластие, начаша сѣчи и абие сътекошася человѣци»; вслед за тем ударили в «колоколы», и «весь народ» стал сбегаться на вече, кончившееся избиением татар (Никон. л. упоминает, что Шевкал хотел «своя творити въ собрании людей»; что, однако, подразумевается здесь под «собранием людей», из контекста совершенно не ясно; см. Никон. л., 1327 г.).

[5] Рог. л., Тв. сб., 1326; ср. Никон. л., 1327 г. Ср. в песне «Щелкан Дудентьевич», записи XVIII в. в сборн. Кирши Данилова, выражение: «Тверь старая, Тверь богатая...» (Сборн. изд. Публ. библ., СПб., 1901, стр. 14).

[6] Шевкал (Рог. л., Тв. сб.), Щолкан (Новг. I л., КТ) или Щелкан Дюденевич (Никон. л.) назван в Никон. л. «братаничем» Узбека; словом «братанич» обычно обозначали сына брата, а «братаном» двоюродного брата (см. С р е з н е в с к и й, Материалы, I, 166—167). Повидимому, Шевкал был сыном Тудана и внуком Менгу-Тимура, т. е. приходился двоюродным братом, а не племянником Узбеку (см. К а р а м з и н, IV, 125; Н. И. В е с е л о в с к и й, Изв. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1916, т. XXI, кн. I, стр. 6—10).

[7] Рог. л., Тв. сб., 1326; Никон., Новг. I л., 1327.

Тверской князь (Александр) находился в это время в Твери и перед восстанием, непосредственно общаясь с местным населением, разделял, как видно, общее настроение по отношению к татарам. Народ ему «многажды» жаловался на притеснения и, по уверению летописи, князь хотел «оборонять» тверичей от насильников, но не имел на то средств («и не могы ихъ оборонити, трьпѣти имъ веляше»).[1] Между тем Александр, как мы уже говорили, с 1326 г. занимал великокняжеский Владимирский стол, и, конечно, его поведение во время восстания и убиения Шевкала (даже если Александр не принимал в восстании участия, но был пассивным зрителем побоища) оценивалось как измена своему монгольскому сюзерену: недаром сам Александр впоследствии (в 1337/8 г.) признавался Узбеку в том, что он «много зла ему створил».[2]

Как только весть о событии пришла к царю, он не замедлил вызвать в Орду Ивана Даниловича.[3] Осенью Калита отправился к хану, а зимой уже «по повелѣнию цареву» вместе с Александром Суздальским выступил с многочисленной татарской (Федорчуковой) ратью: «и бысть тогда великая рать Татарская, Федорчюк, Туралык, Сюга, 5 темников воеводъ, а съ ними князь Иванъ Даниловичь Московскии по повелѣнию цареву».[4] Экспедиция прибыла в Москву и оттуда двинулась на Тверь: «и шедъ ратью плѣниша Тферь и Кашинъ и прочия городы и волости и села и все княжение Тферское взяша и пусто сътвориша... а князь Александръ (Тверской) побѣжалъ съ Тфери въ Псковъ».[5] Великое княжение было поручено Александру Суздальскому, причем часть великокняжеской территории передана Ивану Даниловичу Московскому.

Итак, еще в 70-х гг. XIII в. в Золотой Орде стал намечаться второй, на ряду с Поволжьем, военно-политический центр, а со смертью Менгу-Тимура (т. е. с 1280—1282 г.) в Золотой Орде прямо образовалось два военно-политических лагеря. Установившееся (до 1299 г.) в Орде двоевластие непосредственно отразилось на политических взаимоотношениях на Руси. В соответствии с двумя военно-политическими центрами в Золотой Орде, в Северо-восточной Руси образовались две взаимно враждебных политических груп-

[1] Рог. л., Тв. сб.; ср. Троицк. л.; Новг. I л., не касаясь подробностей, сообщает: «Того же лѣта, на Успѣнье святыя Богородицы, князь Александръ Михайловичь изби Татаръ много во Тферѣ и по инымъ городомъ, и торговци гость хопыльскый исѣче: пришел бо бяше посолъ силенъ изъ орды, именемъ Шевкалъ (Щолканъ, КТ) съ множествомъ Татаръ». В тексте Владимирского Полихрона XV в. (Соф. I, Новг. IV, Воскр. лл.) мы имеем уже версию, согласно которой Александр принимал активное участие в избиении татар.

[2] Рог. л., Тв. сб., 6845: «господине царю, аще много зло сътворих ти, во се есмь предъ тобою, готовъ есмь на смерть» (Рог. л.); здесь разумеются также и события, имевшие место после 1328 г. (см. ниже).

[3] См. Никон. л., 1327 г.: «слышавъ же сиа царь Азбякъ... посла на Русь по князя Ивана Даниловича Московьскаго»; ср. Рог. л., 6835 г. Отправляясь в Орду, Иван Данилович послал своих наместников в Новгород: «того же лѣта присла князь Иван Даниловичь намѣстникы своя в Новъгородъ, а сам иде въ Орду» (Новг I, 1327).

[4] Сим. л.; в Новг. I л.: «приде рать Татарьская м н о ж с т в о м н о г о».

[5] Симеон., Никон. лл.; ср. Рог. л. 1327 г.

пы. Одна из них признавала «царем» Ногая: это князь Дмитрий Александрович Переяславский и его соратники; другая — не признавала: прочные связи по родству и «службе» сделали ростовских князей верными вассалами ханов Поволжья; вместе с Андреем Городецким они ориентировались на Волжскую Орду.

В эпоху двоевластия в Орде, в конце XIII в., произошли, повидимому, некоторые изменения в системе эксплоатации русского Северо-востока, отразившиеся на организации ордынского владычества в последующее время: в эпоху двоевластия вел. князь Владимирский начал сам собирать ордынскую дань и отвозить ее в Орду.

Неизвестно, находились ли баскаки Ногая в княжествах, враждебно относившихся к Волжской Орде (Тверском, Переяславском, Московском). В дальнейшем мы баскаков там не обнаруживаем. В Ростовском княжестве, признававшем Волжскую Орду, баскак сидел еще (судя по летописному известию 1305 г.) в начале XIV в. К концу XIII в. мы видим — как результат существования двух политических ориентаций — два враждебных лагеря: в одном — представители г. Переяславля, князь Тверской и князь Московский, в другом — князья ростовские, к которым примыкал их верный союзник князь Андрей Городецкий. Еще при жизни Ногая (на исходе XIII в.) волжский хан делал как будто попытку (не без помощи сарайского епископа) примирить первую группу с ростовской группой князей (съезд 1297 г.). С окончанием смут (около 1299 г.) и гибелью Ногая в Волжской Орде возник в новом виде вопрос об отношении к Твери, Москве и Переяславлю. На первых порах, ограничиваясь дипломатическими мероприятиями, волжский хан, повидимому, направляет свою политику к тому, чтобы расколоть союз Твери и Москвы, независимо настроенной по отношению к Волжской Орде; далее он ведет наступление на Тверь.

Анализ событий 1317—1318 гг. (поход Кавгадыя на Тверь и убийство Михаила Тверского) показывает, что не московскому князю принадлежала инициатива наступления на Тверь. Поведение Орды в отношении к Твери вытекало из предыдущих событий (знаем, например, что тверской князь ездил к Ногаю) и определялось тем, что Тверское княжество, как выясняется из событий, было самым сильным на Северо-востоке. Отсюда понятна задача ордынской политики: изолировать Тверь и сделать московского князя своим послушным орудием, что и оказывается на деле: вернувшись на великое княжение Владимирское из Орды, Юрий в своей великокняжеской деятельности действительно играет роль верного слуги хана, блюстителя ордынских интересов; не без успеха на ту же роль выдвигают затем брата Юрия — Ивана Даниловича. Но и в отношении к Москве существуют опасения, соблюдается осторожность: по смерти Юрия, например, великое княжение Владимирское передается Александру (Тверскому), а после восстания в Твери и бегства Александра (1327 г.) особенное внимание Орда обращает, как сейчас увидим, на князя Суздальского.

ГЛАВА IV

С ярлыком на великое княжение Владимирское были связаны особые полномочия, которые давали великому князю владимирскому право в известных случаях распоряжаться силами других князей «Суздальской» земли. Равным образом с ярлыком на великое княжение Владимирское была связана особая территория. Эта территория, поступавшая в распоряжение великого князя владимирского, не смешивалась с его личными владениями, с территорией его княжества — отчины. Когда князь лишался великокняжеского ярлыка, он лишался и великокняжеских полномочий и великокняжеской территории.

«Великое княжение Владимирское», как можно думать, должно было служить интересам хана. Не случайно, конечно, что почти всегда, когда великий князь владимирский распоряжается силами других князей, мы видим, что он выполняет ордынское дело, действует в интересах Орды. Так, например, в 1317 г. Юрий пошел со всеми «суждальскими» князьями вместе с Кавгадыем на Михаила; в 1320 г. он ходил со всею силой «Низовской и Суздальской» против Михаиловичей, чтобы обязать их выплатить какую-то сумму «выходного серебра». Подобного же рода задачи он преследовал, быть может, в Ростове.

Мы видим, что при выполнении ордынского поручения или ордынского дела местом сбора служат те города, которые вошли в первой половине XIV в. в состав великокняжеской территории: Кострома, Переяславль. Так, например, в 1317 г. местом сбора, куда были стянуты все «суздальские» князья, служила Кострома. По своему положению Кострома была удобна, как место сбора при совместном выступлении русских и татар в пределах Руси. Кострома лежала на водном пути из Золотой Орды в Русь; в 1318 г. Конча шел на Русь (в Ростов) через Кострому Равным образом местом сбора служил Переяславль. Когда в 1320 г. Юрий шел на Михайловичей, он собрал всех суздальских князей в Переяславле, который стал исходным пунктом в его действиях. Переяславль служил также исходным местом действия низовских и рязанских князей и великого князя владимирского в походе против Новгорода, не желавшего уплатить требуемого Ордою серебра в 1333 г.: по крайней мере туда, в Переяславль,

новгородцы посылали своих послов для переговоров;[1] Кострома была местом сбора суздальских князей, созванных на съезд великим князем владимирским по поводу повеления из Орды поймать разбойников, ограбивших жукотинцев.[2] Кроме того, вероятно также в связи с особым значением великокняжеской территории, Кострома служила местом «сбора», на котором решался вопрос о пределах сарайской епархии; вопрос обсуждался при Феогносте и ранее при Петре с владыкой сарайским Софонием; «как то пищуть грамоты брата моего, — писал митрополит Алексей, — Максима митрополита и Петра и Феогноста, что сборомъ створили на Костромѣ, и владыка Софоний далъ грамоты изъ устъ своихъ...».[3]

Кроме Переяславля и Костромы в XIV в. в состав земли великого княжения Владимирского вошли Нижний-Новгород и Городец. Когда же именно все эти города отошли к территории великого княжения Владимирского и при каких обстоятельствах?

В 1303 г. на Костроме умер князь Борис Андреевич, и включение Костромы в состав великого княжения произошло вскоре после его смерти в 1303 г., возможно — на съезде 1304 г., где «чли грамоты царевы ярлыки».[4]

Не следовала ли Орда существовавшему порядку, согласно которому выморочные владения поступали в распоряжение великого князя владимирского? Мы знаем впрочем случай, когда Орда закрепила захват города, совершенный в нарушение такого порядка. Так было, когда татары передали ярлык Андрею Городецкому, а Переяславль закрепили за московским князем (1304 г.). Московская летопись обосновывает право московского князя (Данилы) на Переяславль не тем, что московский князь имел право на великокняжеский ярлык или должен был его получить, а тем, что Иван Дмитриевич Переяславский, умирая, «благослови въ свое мѣсто Данила Московского въ Переяславли княжити; того бо любляше паче инѣхъ» (Симеон., 1303). Место это обнаруживает московскую точку зрения. Иная точка зрения могла быть выгодна тверскому князю, но не московскому. Московский князь не полу-

[1] Новг. I, 1333; ср. также, под 1336 г., в сп. Дубровского (Гос. Публ. библ., F IV 238) о том, что князь великий «ходи в орду, и прииде, иде в Переяславль» (см. Новг. IV л.: П. С. Р. Л., т. 4, в. II, 1925).

[2] Рог. л., 6868; Никон., 1360.

[3] Пам. др.-р. канон. права, ч. I, № 19, стр. 171, 172; важно ср. с № 18, стр. 163, 166. Заметим, что на Костроме летопись отмечает смерть сарайского епископа Афанасия (Никон., 1326).

[4] Выделение произошло вскоре после смерти Бориса Андреевича: так, в 1305 г., когда после смерти великого князя Андрея Михаил Тверской пошел в Орду, рассчитывая получить великое княжение Владимирское, Юрий, также рассчитывавший получить великое княжение, перед отъездом в Орду послал на Кострому брата своего Бориса, но тверичи его схватили и привели в Тверь (см. Симеон., Льв. и др. лл.). В 1320 г., когда на великом княжении Владимирском сидел уже Юрий, по тверскому известию: «оженися князь Костянтинъ Михаилович (ъ) о у в е л и к а г о к н я з я Ю р и а Софиею, вѣнчанъ бысть на К о с т р о м ѣ в святомъ Ѳеодорѣ (Рог., 6828). О принадлежности Костромы к «великому княжению» см. также Новг. I, стр. 437 (о событиях 1328 г.) и «душевную грамоту» Донского (С. Г. Г. и Д., I).

чил великого княжения Владимирского и после смерти Андрея Городецкого и тем не менее продолжал владеть Переяславлем. Великое княжение Владимирское он получил только в 1317 г. Богатства Переяславской области — рыбные ловли, соляные источники, бортные угодья и значительное пространство плодородной земли — вполне объясняют, почему московские князья домогались присоединения территории б. Переяславского княжества к своим отчинным владениям.[1] Тем более интересно, что Переяславль был изъят из состава отчинных владений московских князей и присоединен к «земле» великого княжения Владимирского, как явствует из известий Рогожского «летописца» под 1362/63 (6870) г. и «душевных» грамот московских князей, начиная с Ивана Калиты. Следует напомнить, что через Переяславль лежал путь из Орды в Тверь.[2] Во времена Герберштейна через Переяславль проезжали те, кому лежал путь в Нижний-Новгород, Кострому, Ярославль и Углич, а также через Переяславль лежала прямая дорога из Москвы в Ростов.[3] На юго-западе на путях в Орду лежала Коломна, а на юго-востоке — Нижний-Новгород и Городец, служившие как бы воротами в Северо-восточную Русь. Думаем, что не случайно Нижний-Новгород и Городец отошли в состав великого княжения Владимирского, будучи притом, так же как и Переяславль, изъятыми из состава отчинных владений московского князя. Еще Мельников и Храмцовский, ссылаясь на летописный текст под 1311 г., предполагали, что Юрий Московский владел Нижним. Экземплярский сомневался в правильности этого известия (т. II, примеч. 1115); но правильность и древность его подтвердились с выходом в свет Симеоновской и Рогожской летописей. В 1328 г. территория великого княжения Владимирского была, по свидетельству одной статьи Археографического списка Новгородской I летописи, поделена Узбеком: «Озбякъ подѣлилъ княжение имъ: князю Ивану Даниловичю Новъгородъ и Кострому, половина княжения; а Суждальскому князю Александру Васильевичю далъ Володимеръ и Поволжье». Поволжье, т. е. Нижний-Новгород и Городец, были, очевидно, изъяты из отчинных владений московских князей. Татары, как видим, распоряжались составом и этих владений. Калита, долго державший ярлык на великое княжение Владимирское, был готов к тому, что Орда лишит его тех или иных волостей его княжества: «а по моим грѣхомъ ци имуть искати татарове которыхъ волостей, а отоимуться, Вам сыномъ моимъ и Княгини моей подѣлити вы ся опять тыми волостьми на то мѣсто».[4] В 1332 г. Александр

---

[1] См. М. К. Любавский, Образ. осн. гос. терр. велик. нар., Л. 1929 г., стр. 43.

[2] О пути из Орды в Тверь через Владимир и Переяславль, см. Рог. л., 6865 г.

[3] См. Герберштейн, Зап. о московитских делах, пер. Малеина, СПб., 1908, стр. 124

[4] См. С. Г. Г. и Д., I, № 21,22

Суздальский умер, и все великое княжение Владимирское было передано Калите. Исследователи высказали предположение, что после смерти Александра Васильевича Суздальского до начала 40-х гг. Нижним владел Симеон, сын Калиты, ссылаясь, во-первых, на летописное известие под 1340 г. о том, что смерть отца застала Семена Ивановича в Нижнем, во-вторых — на летописное известие под 1355 г. о том, что Константин Васильевич, похороненный в Нижнем, княжил 15 лет. Эти историки стояли, как сейчас увидим, на правильном пути. Однако их предположение принято не было. Экземплярский сомневался в его правильности, во-первых, потому, что находил известие 1340 г. только в Никоновской летописи, во-вторых — потому, что не находил никаких следов дальнейшей борьбы за Нижний между московским князем и суздальским (II, примеч. 1115). Не решался принять его также и Пресняков, хотя решительно и не отвергал. (См. Обр. вел. гос., стр. 261). С выходом в свет Рогожской и Симеоновской летописей древность известия под 1340 г. подтвердилась. Но что всего важнее — мы получили два новых известия, еще совершенно не использованных историками, в тексте Рогожской летописи: одно под 6849 (1341), другое — под 1343 г. Первое известие (под 6849 г.) решительно подтверждает сообщение Симеоновской и Рогожской летописей под 1355 г. о том, что Константин, погребенный в Нижнем, княжил там 15 лет; под 6849 г. мы читаем: «того же лѣта сѣде въ Новѣгородѣ в Нижнемь на Городцѣ на княжении на великомъ Костянтинъ Васильевич (ь) Суждальскы». Константин Суздальский сел, таким образом, в Нижнем и Городце только в 1341 г. (или, может быть, в 1340 г.). Далее мы имеем и другое новое известие, подтверждающее, что Нижний-Новгород и Городец были до 1341 г. в распоряжении московского князя: в Рогожском «летописце» под 1343 г. подробно рассказана замечательная сцена борьбы в Орде между Семеном Ивановичем и князем Константином Суздальским из-за Нижнего-Новгорода и Городца, свидетельствующая о попытках московского князя вернуть Нижний-Новгород и Городец в свое распоряжение. Картина получается в достаточной мере ясная: в 1332 г. Александр Васильевич умер, и все «великое княжение Владимирское» было дано Ивану Калите, т. е. вместе с Владимиром и «Поволжье» (Нижний-Новгород и Городец); в составе великого княжения Владимирского они были до 1341 г., когда, согласно прямому показанию древнего летописного текста, в Нижнем-Новгороде и Городце был посажен на «великое княжение» Константин Васильевич Суздальский. 1341 год, таким образом явился моментом образования «великого княжения» Нижегородско-Суздальского, что подтверждается и дальнейшим летописным текстом. Таким образом, согласно всем летописным известиям, мы должны принять, что Нижний-Новгород был продолжительное время присоединен к г. Владимиру, находясь сначала в руках Александра Васильевича, а затем — Ивана Даниловича, и что образование «великого княжения» Нижегородско-Суздальского произошло не

в 1328, а в 1341 г. Известие 1343 г. (текст Рогожской летописи) играет огромную роль в нашем построении. Оно показывает, во-первых, что хан прямо стал на сторону слабейшего князя и решил вопрос вопреки домогательствам московского, заручившегося даже поддержкой местного боярства. Оно свидетельствует далее, что в Орде отнюдь не ограничивались фиксированием существующего соотношения сил и владельческих отношений. Наконец, оба известия — 1341 и 1343 гг. — свидетельствуют о том, что хан действительно вмешивался во владельческие распорядки, что отвергал Пресняков (см. «Обр. вел. гос.», стр. 151, примеч. 1).

Мы видели, таким образом, что татары оказывали известное воздействие на ход образования территории «великого княжения Владимирского», которая была связана с ярлыком на великое княжение Владимирское.

«Великое княжение Владимирское», точнее — территория его, определялось известным количеством «темь». Так, в одном из древнейших летописных сводов — в Рогожской летописи в тексте тверского свода, под 1360 г., мы читаем: «насла (царь Наврус) на князя Андрѣя Костьнянтиновича дая ему княжение великое 15 т е м ь».[1] Любопытно, что близкое количество «темь» (17) упоминается и в другом известии, в тексте другого памятника, но более позднего времени (под 1399 г.).[2] Отмеченное летописью слово «темь» могло иметь разное значение. Напомним прежде всего, что в областях Самарканда, Ирана и Бухары термин «туман» или «тюмень» служил для обозначения мелких территориальных единиц.[3] В ярлыке Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду 1506—1507 гг., восходящему, возможно, в своем основном ядре к более раннему времени, мы встречаем термин «тьма» в значении область, округ.[4] К сожалению, не ясно, употребляется ли слово «тьма» в этом ярлыке просто в смысле область, округ или в специальном значении податного округа. Нет сомнения, что, согласно первоначальному значению, количеством «туманов» определялось количество переписанного населения в данной стране.[5] Так, например, число «туманов»

[1] Рог. л.

[2] См. Хронограф, ред. 1512 г.

[3] Б а р т о л ь д, Углугбек и его время (Зап. Росс. Акад. Наук, VIII сер., т. XIII, № 5, 1918, стр. 9—10).

[4] Акты Западн. Росс., т. II, № 6: «... Киевскую тму во всими входы и данми, и з землями и з водами, Володимерскую тму, со всими входы и данми, и землями и з водами; Великого Луцка тму, со всими входы и данми, и з землями и з водами, Смоленскую тму со всими входы и з данми и з землями и з водами...» и т. д. и ниже: «Курскую тму, з выходы и данми, и з землями и водами; Сараева сына Егалтаеву тму, Милолюб [Радогощъ] з выходы и данми и з землями и водами; Мужеч, Оскол, Стародуб и Брянеск со всеми их выходы и данми и з землями и водами...» и т. д. См. там же № 200 (1540 г.). Проф. Петрунь полагает, что ярлык Менгли-Гирея восходит к архетипу конца XIV в. См. П е т р у н ь, Ханьскі ярлики на Українські землі (Східній світ, № 2, 1128). К вопросу об определении географических названий см. М. Л ю б а в с к и й, Областное деление и местн. упр. Лит.-Русск. гос., 1893, стр. 247 и др.

[5] Я говорю о завоеванных странах с оседлым населением.

во владениях Абаки-хана, по данным Стефана Орбелиана, определялось по «Великому Давтару».[1] В XIII—XIV вв. у нас знали счет населения (в «тьмах»), вероятно, согласно данным «дефтереи», т. е. основываясь на результатах переписи, регистрировавшей, как мы видели, дома или семейства.[2] В Любецком синодике об Олеге Романовиче (отмеченном в Ипатьевской летописи под 1274 г., в качестве сына брянского князя Романа, в числе князей, посланных Менгу-Тимуром в поход на Литву) говорится: «и сына его князя Олга Романовича, великого князя черниговского, Леонтия, оставившего дванадесятѣ темъ людеи...»[3] Не исключена, таким образом, возможность, что слова «княжение великое 15 темь» свидетельствуют о количестве плательщиков (или семейств) в пределах «великого княжения Владимирского» (т. е. о 150 тыс. плательщиках), хотя возможно и другое объяснение: ничего нет невероятного в том, что территория великого княжения Владимирского делилась на 15 «туманов» или небольших областей, размеры которых определялись в соответствии с величиной взимавшейся дани.[4]

Участие хана в образовании территории великого княжения Владимирского представится вполне естественным, если действительно это княжение должно было служить интересам Орды. Понятно, что в Орде должны были опасаться, что князь, получавший великое княжение, мог использовать те средства, которые он получал вместе с великокняжескими полномочиями, против самой ордынской власти. Мы видели, как подозрительно Орда относилась к русским князьям. Подобные опасения должны были усилиться после восстания в Твери и убиения Шевкала. Мы видели, что в отношении московского князя существовали опасения, соблюдалась осторожность: по смерти Юрия, например, великое княжение Владимирское было передано Александру (Тверскому), а после восстания в Твери и бегства Александра (1327 г.) особенное внимание Орда обращает на князя суздальского. Отсюда понятен смысл раздела земли великого княжения Владимирского, учиненного Узбеком, как мы видели, в 1328 г. Те же мотивы побудили в Орде произвести второй раздел великокняжеской территории, в результате которого было образовано особое «великое княжение» Нижегородско-Суздаль-

---

[1] В тексте указано 150 туманов, из которых каждый составляет 10 000. См. Histoire de la Siounie par Stephannos Orbélian, trad. par M. Brosset, I, S.-P., 1864, p 234; Патканов, История монголов инока Магакии, примеч. 45. О Китае см. D'Ohsson, op. c., II, стр. 482, примеч. 1 Предшественник Абаки-хана Хулагу владел всеми областями Ирана и Малой Азии от Индии до Средиземного моря (см. Лэн-Пуль, op. c).

[2] Ср. выше, стр. 14, примеч. 5. Ср. D'Ohsson, op. c., II, стр. 482, примеч. 1. О «дефтерях» см. А. А. Э., I, стр. 345: опись царского архива (1575—1584), ящик 148; см. также Симеон. л., 1432 г.

[3] См. текст Синодика в «Летописи занятий Археогр. ком.», в. IX, стр. 26. Возможно, что в тексте слово «тем» является просто древнерусской единицей счета.

[4] К сожалению, в источниках мы не нашли пока никаких следов существования «тем» как мелких территориальных единиц на русском Северо-востоке.

ское; московский князь остался великим князем «всея Руси».[1] Нам известно, что вскоре после первого раздела князья выполняли одно ордынское поручение, и довольно неудачно.[2] Нет ничего удивительного, что московский летописец умолчал как о первом разделе, так и о событиях, связанных со вторым разделом. Вспоминать о первом разделе было, вероятно, особенно неприятно московским князьям в 40-х гг. XIV в., когда они пытались бороться за возвращение отнятых по распоряжению Орды Нижнего-Новгорода и Городца. Между тем факт первого раздела подтверждается Архангелогородской летописью: «князь великии Иванъ Даниловичь — читаем под 1328 г., — сѣде на великое княжение на Москвѣ первое». Следовательно, в 1332 г. Иван Калита был посажен на великом княжении вторично, поскольку получил Владимирский стол после смерти Александра Суздальского.

Мы упоминали, что после второго раздела территории «великого княжения Владимирского» московский князь (Семен Иванович) делал попытку вернуть Нижний-Новгород и Городец в свое ведение. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали: по смерти Узбека на престол, перешагнув через трупы своих братьев, вступил Джанибек.[3] И хотя московский князь хотел использовать свои

[1] Что касается титула «... всея Руси», то следует заметить, что хотя первые сохранившиеся указания, что сами князья себя так титуловали, относятся к Калите, титул этот великие князья носили задолго до Калиты. Дьяконов высказал предположение на основании грамоты патриарха, что первым великим князем «всея Руси» был Михаил Ярославович (см. его статью в Библиографе 1889 г. № 1). Следует заметить, однако, что впервые в грамотах патриархов титул этот (правда, только в тексте, а не в обращении) применяется по отношению к князю Ростиславу Мстиславовичу Киевскому, а именно в послании патриарха Луки Хрисоверга к Андрею Боголюбскому (1162 г.): в ответ на просьбу Андрея учредить во Владимире митрополию, отдельную от Киевской, патриарх, отвечая отказом, указывал князю «Ростовскому и Суздальскому» (Андрею), что отвергнутый им епископ Нестор был оправдан на соборе в присутствии «великого князя всея Руси», т. е. князя киевского (см. Р. И. Б., VI, стр. 66; ср. Никон. л., 1160 г., стр. 224; ср. Ипат. л., 1125, и Лавр. л., 1212 гг.). Известно, что титул этот возник в подражание титулу митрополита. Возможно, таким образом, что по отношению к великим князьям владимирским патриарх стал употреблять этот титул с переездом митрополита Максима из Киева во Владимир.

[2] Мы видели, что после восстания в Твери и убиения Шевкала Александр Тверской (он был тогда и великим князем владимирским) бежал в Новгород и оттуда (так как новгородцы его не приняли) во Псков. Когда Калита с новгородскими послами приехал в Орду, Узбек приказал им «искати» князя Александра. Они отправили к Александру своих посланцев, но безрезультатно: тверской князь в Орду не шел. Тогда был организован поход. Новгородская летопись, кроме тверских князей Василия и Константина, называет двух: Ивана Даниловича и Александра Суздальского; имена иных участников похода летописцы не упоминают («и иных много Русских князий»). Одна из летописных традиций отмечает, что приказ участвовать в походе получили «все князи». Из Новгорода Калита со всеми князьями и «с Новымьгородомь» пошел ко Пскову, но Александра (тверского) не встретил, так как тот повернул назад в Опоках. Александр, таким образом, ушел, привести его не удалось; соглашение же с псковичами состоялось только благодаря вмешательству митрополита (см. Пск., Новг. I, Никон., Рог. лл., 1329 г.).

[3] См. у Эласади (Т и з ., I, стр. 447); см. Симеон. л., 1341 и 1342 гг. и Рог. л., 1342 г.

связи с местным боярством, попытка его вернуть Нижний-Новгород и Городец встретила в Орде, несмотря на происшедшие там перемены, решительный отпор. В 1343 г. оба князя поехали в Орду, причем Семена Ивановича сопровождали нижегородские и городецкие бояре, чтобы в Орде перед ханом держать руку московского князя. Тем не менее хан решительно стал на сторону суздальского князя. Нижегородское княжение осталось за ним. Бояре же подверглись жестокому наказанию за измену своему новому князю: они были «выданы» Константину, приведены в Новгород «въ хомолъстѣхъ», их «имѣнье» было конфисковано, а «самѣхъ» — прибавляет летописец, — повелѣ казнити по торгу водя».[1] Мы видим, таким образом, что татары боятся усиления кого-либо из русских князей за счет других и стремятся приводить их силы в равновесие.

«Традиционной политикой татар, — писал Маркс, — было обуздывать одного русского князя при помощи другого, питать их раздоры, приводить их силы в равновесие и не позволять никому из них укрепляться».[2]

И в отношении татар к Твери многое станет понятным, если мы поймем, что орда стремилась «приводить силы князей в равновесие». После бегства и многих лет отсутствия Александр приехал в Орду и получил свою отчину — Тверь, а на следующий год, когда Александр прибыл вторично, Узбек отпустил его из Орды «великим князем» тверским: тверской князь впервые выехал из Орды с титулом великого князя тверского.[3] В Твери, как свидетельствуют известия 40—50-х гг., создалось свое местное «великое княжение». Но в отношении к Твери Орда сохраняет осторожность. Не так давно было время, когда Тверское княжество являлось самым сильным на русском Северо-востоке. Отсюда понятны черты двойственности политики Орды в отношении Твери. Есть некоторые признаки, что Александр вернулся из Орды в сопровождении ордынской знати. Лично Александр не казался хану,

---

[1] Рог. л..

[2] «It was the traditional policy of the Tartar to check the Russian princes the one by the other, to feed their dissensions, to cause their forces to equiponderate, and to allow none to consolidate himself» (ор. с., p. 80).

[3] В 6845 г. князь Александр поехал к Узбеку и «приатъ пожалование отъ царя, въсприимъ отчину свою» (Рог. л.); на следующий год «князь Александръ Михаилович Тфѣрьскыи поиде во Орду» и «на ту же зиму прииде князь великии Александръ изъ Орды во Тфѣрь» (Рог. л.).

Давать великокняжеский титул тверскому князю, имевшему связи с Литвою, не соответствовало не только интересам московского князя, но и митрополита Феогноста (ср., напр., о церковных спорах: М. Д. Приселков и М. Р. Фасмер, Отрывки В. И. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. П-д, 1916, ИОРЯС, т. XXI, стр. 18—19 и др.). Так или иначе, в Константинополе признали великокняжеский титул за тверскими и нижегородско-суздальскими князьями (см. Пам. др.-р канон. права, русск. истор. библ. VI, прилож.). Напомним также, что сарайский епископ сохранил некоторое преимущественное право (между епископами) в сношениях с Царьградом в XIV в. (напр., отправлял патриарху грамоты от русских епископов в 1354 г.).

повидимому, опасным до того момента, когда начались осложнения с Литвою и подготовка к походу на Смоленск, вошедший в союз с Гедимином. Без сомнения, Александра вновь вызвали в Орду в связи с предстоящим походом, причем на тверского князя, по словам тверской летописи, «клеветали»: убийство было совершено перед походом; ни один из тверских князей в походе не участвовал; убивал Александра Товлубий — очевидно, тот самый Товлубий, который был послан под Смоленск. Могли опасаться и новых вечевых волнений в городе: память о восстании 1327 г. была еще свежа. Только такими опасениями можно объяснить, что Калита (очевидно, в угоду или по приказанию хана) снял тверской колокол с церкви св. Спаса в Твери и перевез в Москву (ср. под 1327 г.: «и удариша в колоколы и сташа вѣчием»). Ясно, что Калита хотел воспользоваться благоприятным моментом, чтобы поднять значение Москвы и унизить Тверь. Но Орда не изменила своей политике. Иначе нельзя объяснить, почему Тверь при новом князе Константине сохраняет самостоятельность, не подпадает под власть Москвы. Не случайно тверская летопись отмечает, что тверской князь (Константин) «слил колокол болши святому Спасу».[1] Мы не видим даже, чтобы тверские князья действовали вместе с великим князем владимирским в общем предприятии: в числе участников похода на Торжок они, например, не упомянуты. Когда умер Узбек и на царство сел Джанибек, тверской князь (Константин) поехал в Орду отдельно от московского и ранее его («переже») вместе с Константином Суздальским, Константином Ростовским и Васильем Ярославским.[2] Со смертью Семена Ивановича Джанибек передал великое княжение Владимирское московскому князю Ивану (брату Семена). Но кандидатура Ивана Ивановича не считалась бесспорной: вопрос о других кандидатах, во всяком случае, возникал.[3] Великое княжение Владимирское было передано московскому князю, но в Твери, как мы говорили, установилось свое «великое княжение». Самостоятельное положение Тверского княжества позволяло тверскому князю строить широкие планы. Так, например, в то время, когда Москва готовила на русскую митрополию Алексея, тверской князь пытался провести своего родственника, некоего чернеца Романа, «сына боярина Тфѣрьскаго»; и в 1354 г. случилось так, что Алексей и Роман оба оказались поставленными в Царьграде от константинопольского патриарха «на всю Русскую землю» (и «бышет межи ихъ нелюбие велико и къ Тфѣрьскому епископу послы къ владыцѣ Федору отъ обою изъ Царягорода, а священьскому чину т я г о с т ь б я ш е т в е з д ѣ»). На следующий год оба — Алексей и Роман — снова поехали в Царьград и на этот раз Роман был поставлен только «на Литовьскую землю и на Волынскую», а Алексей — «на Русьскую землю»

[1] Рог., 6855.
[2] Там же, 6850.
[3] Новг. л.

(но без Литвы и Волыни).[1] Мы знаем, что в 40—50-х гг. были случаи вмешаться московскому князю в тверские дела, но он этого не делал — вероятно, чтобы не раздражить Орду, чтобы не пойти вразрез с ее планами и политикой. Так, в 1346 г. Всеволод Холмский, притесняемый Константином, поехал на Москву; но спор должен был решиться в Орде: без ведома хана Москва ничего не предпринимала, боясь, повидимому, Орды;[2] впрочем мы не знаем, на чью сторону стал бы хан: вскоре по приезде обоих князей в Орду Константин в Орде умер, как сообщает тверская летопись. Права на великое княжение тверское были переданы Всеволоду.

Но особенно важно для нас, что Орда сохраняла независимость Твери от Москвы в вопросах финансовых отношений. За Тверью оставалось право непосредственно сноситься по финансовым делам с Ордой помимо великого князя владимирского. Это право тверской князь получил едва ли ранее 30—40-х гг. XIV в. Известия 20-х гг. еще не дают оснований говорить о нем.[3] Следовательно, можно предположить, что оно было дано тверскому князю с образованием «великого княжения Тверского». Кому из тверских князей это право принадлежало? Летописные сведения о борьбе князей в Тверском княжестве дают некоторый, хотя и скудный материал. В 1352 г. великий князь тверской Василий Михайлович (Кашинский) собирал дань с людей Всеволода Александровича Холмского. При раскладке он допустил явный произвол. Если об этом говорит кашинская редакция тверского свода, то потому, что из того же свода видно, что̀ явилось истинной причиной неприязненных отношений. Летописное известие ставит в связь поведение Василия Михайловича с приездом из Орды посла Ахмата, который привез ярлык на его имя: «и тако, — пишет летописец, — князь велики Василеи Михайловичь Тверьскии нача негодование имѣти на братанича своего на князя Всеволода Александровича Холмскаго, поминаа бездежский грабежь его», как называет кашинская редакция происшествие, имевшее место в 1346 г. В этом году Всеволод Александрович, получив от царя княжение Тверское и возвращаясь из Орды, встретил в Бездеже Василия Михайловича; последний перед тем собрал дань с удела Всеволода Александровича на Холму и вез ее в Орду. Всеволод Александрович у него деньги отнял. И хотя кашинская редакция называет поступок Всеволода Александровича «грабежом», она не скрывает, что вместе с тверским князем был ордынский посол (услышав, что Василий Михайлович собрал дань на вотчине его, он «оскорбися и поиде отъ царя изо Орды съ посломъ

---

[1] См. Рог. и Никон. лл., 1352, 1354—1356 гг.; Никифор Григора, XXXVI, ed. Bonn., v. III, p. 518; Пам. др.-р. канон. права (Русск. ист. библ., VI), прилож. № 9, 10 и 11. Ср. Н. Тихомиров, Галицкая митрополия, СПб., 1896, стр. 93—105; Голубинский, Ист. русск. церкви, т. II, пол. I, стр. 178—185; Н. П. Лихачев, Два митрополита, СПб., 1913 (из сборн. статей в честь Д. Ф. Кобеко); ср. Соколов, ор. с.

[2] Никон., 1346.

[3] Рог , 1321, о великом князе Юрии. Ранее тверской князь сам занимал великое княжение Владимирское.

и на Бездежѣ срѣте дядю своего князя Василья Михайловичя Кашинского и ограби его». [1] Впрочем, подобный же поступок рязанского князя летописи также оценивали как «грабеж», хотя рязанского князя сопровождали ордынский посол и «татары». Это было в 1339 г. На пути из Орды с «татарами», послом Товлубием и князем Менгукашем Иван Иванович Коротопол Рязанский встретил пронского князя Александра Михайловича; тот вез «выход» в Орду «ко царю». Коротопол схватил пронского князя, «пограбил» и привел в Переяславль Рязанский, где убил. Из Переяславля он вместе с татарами двинулся на Смоленск. [2] Следует заметить, что тверские князья спустя три года после происшествия в Бездеже помирились, причем Всеволод Александрович (их «введе въ миръ и въ любовь» владыка тверской Федор) уступил «великое княжение Тверское» дяде своему Василию Михайловичу Кашинскому, и «се бо быша ихъ удѣлы: князя Василиа Михайловича Кашин, а князя Всеволода Александровича Холмъ. И тако сяде на великомъ княжении во Твери князь Василей Михайловичь Кашинский... и укрѣпишася межи собя крестнымъ цѣлованиемъ во единомыслии и в совѣтѣ и въ единьствѣ жити». [3] Из Орды ярлык на великое княжение был привезен Василию Михайловичу не сразу. Мы видели, что посол Ахмат привез ярлык в 1352 г. У нас нет сведений, прибыли ли в Тверь и «дороги» с Ахматом, с приездом которого Василий Михайлович начал «тягостию данною оскорбляти». Ярлык описываемого времени (1351 г.) называет дорог «волостных», «городных» и «селных» (см. грамоту Тайдулы от 4 февраля 1351 г.).[4] Летописные сведения позволяют думать, таким образом, что право непосредственно сноситься с Ордою по финансовым делам принадлежало великому князю тверскому.

Ранее, в XIII в., в ведении «дороги» были не только «писцы», но и «даньщики». С конца XIII в. в б. Ростово-Суздальской земле обязанности даньщиков перешли к князьям, которые стали сами собирать дань с помощью своих даньщиков и передавать в Орду через великого князя владимирского (см. выше, гл. III). В XIV в., с образованием «великого княжения» Тверского, право передавать «выход» в Орду помимо великого князя владимирского получил «великий князь Тверской». Вероятно, это право получили и «великие князья» нижегородско-суздальские с образованием «великого княжения» Нижегородско-Суздальского. Возможно, оно было дано и некоторым другим князьям. На исходе 30-х гг. XIV в. мы видим, что и рязанские князья непосредственно в Орду передают выход, помимо великого князя владимирского. Теперь князья отдельных княжеств имели дело каждый со своим «дорогой», т. е.

---

[1] Никон., 1346 и 1352.

[2] Симеон., Рог., Никон. лл., 1339.

[3] Никон., 1349.

[4] Ср. в указе 1335 г. обращение «aux fonctionnaires ta-lou-houa-tch'e (darougha) des villes» (Chavannes, Chancellerie mongole, цит. по Cordier, op. c., II, 328.

московский князь с «дорогой московским», тверской — с «дорогой тверским» и т. п. Так, под 1432 г. в Симеоновской летописи упомянут «московский дорога» Минь-Булат, а под 1471 г. — «князь Темирь, дорога Рязанской». Отсюда следует предположить, что существовали «дорога тверской» и «нижегородско-суздальский» и, может быть, другие. Еще в XIII в., повидимому, должность «дороги» специализировалась, когда при Хубилае была произведена реорганизация администрации. [1] Должность «дороги» была перенята у монголов русскими. Так, в 1377 г. русские посадили своего «дорогу» в Булгаре; встречаем мы «дорог» на Руси и позже, в XVI в. [2]

Итак, местные княжества в 30—50-х гг. XIV в. непосредственно вносили в Орду выход помимо великого князя владимирского. Орда сохраняла их самостоятельность, поддерживала их в противовес Москве и непосредственно с ними сносилась. Принимая эти меры, Орда устранила или ослабила вредные с ее точки зрения стороны великокняжеской организации (великого княжения Владимирского), предупредила опасность концентрации сил в руках одного князя. [3]

---

[1] G a u b i l, Histoire de Gentschiscan... Paris, стр. 135—136; D ' O h s s o n, op. c., II, стр. 377. О даругах разных классов или разрядов говорит Юань-ши (см. M. G. D e v è r i a, Notes d'epigraphie mongole-chinoise, Paris, 1897, p. 16—17).

[2] Симеон., Рог. и Никон. лл., под 1376 г.; «дарига» упомянут на ряду с «таможником». Об обязанностях «дороги» в XVI в. см. в летописи Нормантского (Временник Московского общ. ист. и др. росс., М., 1850, кн. 5, стр. 84—85).

[3] Известно, что в духовной Донского Углич, Галич и Белоозеро названы «куплями деда», т. е. Ивана Даниловича Калита. Так как сохранились духовные грамоты и самого Калиты, и Семена Ивановича, и Ивана Ивановича, в которых ни один из этих городов не упомянут, нельзя допустить (и никто из исследователей не допускает), чтобы на самом деле территория этих городов была куплена и присоединена к Москве Калитою. Высказывали предположение, что они отошли к «великому княжению». Но утверждать это мы оснований в материале не имеем: во-первых, в духовной Донского они не включены в великое княжение, и текст явственно различает: а) великое княжение, к которому относит Кострому и Переяславль, и б) Галич, Углич и Белоозеро, о которых говорит только, что они «купли деда» Донского; во-вторых, мы видим местных князей (в Галиче, Белоозере). Шаткость предположения (высказано Карамзиным) сознавалась историками, и они выдвинули догадку, что Калита купил эти города у князей, оставив им некоторые права как владетельным князьям, подчиненным московскому (см. у Соловьева); предполагали, что местные князья остались, но как подчиненные московским князьям, и что в этом смысле следует понимать покупки Калиты как покупки «княжения», «власти»; при этом историки замечали, что дело осложнялось и другими обстоятельствами (см. П р е с н я к о в, Обр. вел. гос., стр. 152—153). Весьма бедные данные, которые мы находим в материале, не дают, к сожалению, оснований к такому предположению. Имеем только одно известие, именно о белоозерском князе: в 1339 г. Калита почему-то, как сообщает Новг. л., пытался «переимать» шедшего в Орду Василия Ярославского, но тот отбился, а из тверской летописи мы узнаем, что вместе с Василием Ярославским шел в Орду и Романчук Белоозерский. Другое известие относится к началу ордынских смут: во время борьбы за великое княжение Владимирское московского князя с суздальским белоозерский князь Иван был на стороне суздальского князя. Вот все, что мы имеем для того, чтобы судить о правильности вы-

Почему со смертью Александра Суздальского Калите дали великое княжение Владимирское, причем он соединил в своих руках всю великокняжескую территорию? Новые требования денег из Орды могли вызвать противодействие на Руси; была нужна верная и сильная рука, и в этом отношении на Калиту можно было положиться. Усиленные требования денег из Орды, вероятно, были сопряжены с войнами, которые велись при Узбеке и Джанибеке. Мы знаем, например, что в 1357 г., когда Джанибек предпринял поход на Тебриз, к русским князьям пришло требование «запроса», т. е. экстренного сбора.[1] В 1339 г., когда предпринимался поход на Смоленск, поставивший себя независимо по отношению к Орде и вошедший в союз с Гедимином, наседавшим на золотоордынские владения, Узбеком было предъявлено требование выплатить экстренный сбор — «запрос».[2] Не знаем, чем было вызвано требование в Орде денег, побудившее, очевидно, Калиту по возвращении из Орды в 1332 г. предъявить Новгороду требование «Закамского серебра». Знаем только, что в 1325 г. владения Узбека подвергались нападению с юга, а в 1335 г. он сам предпринял большой поход в Аран и Азербайджан, во владения Абусаида.[3] Русское население было, повидимому, крайне изнурено непосильными поборами, и требования Ордою денег иногда встречали противодействие со стороны русского населения. Могло быть, что местный князь не имел

сказанного предположения, и мы вынуждены сделать вывод, что предположение это неправильно. В чем же дело? Мы знаем, что с началом ордынских смут московский князь начал подчинять своей воле князей. Галичский князь был прямо выгнан из Галича, и Галич присоединен к Москве. Это навело Сергеевича на мысль, что упоминание о «куплях деда» в духовной Донского имело целью оправдать захват. Белоозерского князя (Константина) мы и позже видим сражающимся против Москвы (1393 г.) на стороне новгородцев. Углич же входил (предположение Экземплярского) в состав Ростовского княжества; а мы знаем, что Донской сделал с ростовским князем: он выгнал его из Ростова и посадил в Ростове Андрея Федоровича. Что же касается Дмитрова, также присоединенного к Москве, но не упомянутого в числе «куплей деда», то возможно, что его присоединение не носило характера захвата, хотя, вероятно, он также был присоединен при Донском. Не известно, чем была вызвана смерть дмитровского князя Бориса («выиде князь великии Иванъ [Калита] изо Орды, — читаем в Рог. л. под 1334 г., — а князь Борис Дмитровскый въ Ордѣ мертвъ»); напомним, что несколько ранее (в 1330 г.) в Орде был убит князь Федор Стародубский, но положение Стародуба не изменилось в том смысле, что там остался княжить сын Федора Дмитрий, а после его смерти Стародуб получил брат его Иван (1335 г.). Дмитрий Донской согнал Ивана Федоровича с его княжения. Относительно же Дмитрова можно предполагать, что он также не остался без князя после 1334 г. (и, во всяком случае, к московскому князю не перешел); там, можно думать, был посажен выехавший из Литвы князь Иван Друцкий (в 1339 г он ходил вместе с татарами и войсками других князей Северо-востока на Смоленск): в духовной грамоте Семена Ивановича, по крайней мере, мы читаем, что Семен купил «село въ Дмитровѣ... у Ивана у Дрюцького».

[1] См. у Элайни (Т и з., I, стр. 530).
О «запросе» см. Симеон. и Никон. лл., 1357 г.

[2] О походе на Смоленск и «запросе» 1339 г. см. ниже.

[3] См. у Элайни (Т и з ., I, стр. 528); см. также летопись царей и султанов, современных султану Олджайту (Т и з., II, не изд.).

сил подавить противодействие, и тогда можно было ждать, что в дело вмешается великий князь владимирский.

Мы знаем, как Калита действовал в Ростове после 1332 г. Житие Сергия Радонежского рассказывает, почему отец Сергия, боярин «ростовской области», с «родом своим» переехал в Радонеж; [1] он обнищал и оскудел — потому, что часто приходилось ездить с князем в Орду, что часто испытывал «нахождения» татарских ратей, что часто приезжали татарские послы, а также «чястыми тяжкыми данми и выходы тяжкими, еже во Орду и чястыми глады хлѣбными»; главная же причина — «насилованье», учиненное в Ростове великим князем Иваном Даниловичем. В Ростов приехали бояре Калиты и «возложиста велику нужу» на град и «гонение много умножися». Они мучили ростовцев, отнимали у них имущество: «и не мало ихъ отъ Ростовець Москвичемъ имѣниа своя съ нужею отдаваху, а сами противу того раны на тѣлеси своемъ со укоризною взимающе и тщима руками отхожаху, иже послѣдняго бѣдства образъ, яко не токмо имѣниа обнажени быша, но и раны на плоти своем подъяша и язвы жалостно на себѣ носиша и претърпѣшя». Надо сказать, что Ростовское княжество было и ранее знакомо Калите в совершенно особой обстановке; вспомним, что в 1320 г. в Ростове было восстание: «быша зли татарьѣ в Ростовѣ и собравшеся людие изгониша ихъ из града», а два года спустя последовала карательная экспедиция — вместе с татарами пришлось тогда итти и Калите («приде изо Орды князь Иоанъ Даниловичь, а с нимъ поганый Ахмулъ и плѣниша много людий и посѣкоша и Ярославль пожже мало не весь»). [2] Нет сомнения, что не Калита тогда был распорядителем дела. В «Повести о царевиче Петре», сохранившей нам описание Ахмыловой рати, Иван Данилович даже не упомянут. [3] Показания «Повести» тем более для нас важны, что она составлена современником и очевидцем событий. [4] Тогда, как явствует и из «Повести», Ростов был пощажен. От Ярославля, по данным этого памятника, Ахмыл двинулся к Ростову. [5] Что в Ростовской области помнили об Ахмыловой рати, и помнили долго, видно из «Жития Сергия Радонежского», которое этим событием определяет год рождения Сергия. [6] Автор «Повести о Петре» вспомнил об

[1] Текст жития см. в Никон. л. под 1392 г. Вотчинный дом родителей Сергия находился в 3 верстах к северу от Ростова на месте Троицко-Сергиев-Варницкого монастыря, основанного, вероятно, в XV в. (см. Зверинский, Материал для истор.-топогр. исслед. о правосл. монастырях в Росс. имп., II, СПб., 1892, № 1281).

[2] Так по Рост. влад. своду (Акад. л.). Ср. в тверском своде: «выиде посолъ силенъ отъ царя Ахмулъ... а съ нимъ князь Иоанъ Данилович по Низовскымъ градомъ много зло христианомъ сътвориша» (Рог., 6830). См. также московскую редакцию (Симеон. л.).

[3] Текст «Повести» напечатан в Прав. соб., 1869, ч. I.

[4] См. Ключевский, Древнерусские жития святыхъ как исторический источник, стр. 39.

[5] «и пожже градъ Ярославль и поиде к Ростову съ всею силою своею» (Прав. соб., 1859, ч. I, стр. 374).

[6] Макарий, История русской церкви, IV, 1886, стр. 355; Ключевский, ор. с., стр. 114.

Ахмыловой рати потому, что монастырь, основанный ордынским царевичем Петром, обратившимся в христианство, избежал погрома благодаря вмешательству потомка ордынского царевича Петра — Игната. Когда Ахмыл, опустошив Ярославль, двинулся к Ростову, владыка и ростовские князья из города бежали. Игнат догнал владыку и под угрозой смерти приказал ему встречать Ахмыла: «наше есть племя и сродичи», — говорил он. Владыка вернулся и вышел навстречу Ахмыловой рати с крестным ходом. Между тем ордынское войско, шедшее с севера, от Ярославля, пришло как раз на поле между Петровским монастырем и берегом озера. [1] С минуты на минуту можно было ожидать погрома. Было, по словам «Повести», «страшно». Положение спасли Игнат и Прохор: они вышли навстречу с крестным ходом, Игнат подносил Ахмылу дары. [2] Автор, инок монастыря Петровского-на-поле, очевидно вышел сюда же, где стояли представители города и владыка, и видел, как Игнат подносил Ахмылу дары: «и страшно еже видѣти рать его вооруженну». [3] Игнат, согласно рассказу «Повести», объяснил Ахмылу, кто он (Игнат), и, указывая на монастырь как на первое место, которое могло подвергнуться разгрому, просил пощадить то, что было основано его прадедом, одним из ближних родственников хана. Благодаря усилиям Прохора и Игната город был пощажен. Тем больший гнев Орды должны были бы вызвать против себя ростовцы, если они оказались непокорными требованиям Орды. По словам автора «Жития Сергия», со вступлением Калиты на великое княжение Владимирское Ростовское княжение досталось «к Москве». Можно сказать, что Ростовское княжение досталось «к Москве» при Донском, в эпоху распада Золотой орды: согнав из г. Владимира вторично суздальского князя и пройдя ратью под Суздаль, Дмитрий Иванович сделал, по свидетельству тверской летописи, «такоже надъ ростовськымъ княземъ, а галичского князя Дмитрия выгнал из Галича. Мы знаем, что в интересах московского князя действовал в те годы Андрей Федорович Ростовский и что Константин Ростовский бежал в Устюг, спасаясь от московского засилья. [4] Первые записи о Сергии автор «Жития Сергия» составлял на исходе XIV в., т. е. около 30 лет спустя после того, как Ростовское княжение действительно досталось «к Москве», а само «Житие» написано им (на основании этих записей) еще позднее. [5] Правда, до Донского мелкие

[1] «край поля езера ста на колѣну предъ Ахмыломъ и сказася ему древняго брата царево племя, а се есть село царево и твое господи ку поля прадѣда нашего» (Прав. соб., стр 374).

[2] «и со всѣм клиросомъ въ ризахъ, вземъ крестъ и хорюговь и поиде противу Ахмыла. А Игнат предъ кресты с гражданы вземъ тѣшь царьскую кречеты и шубы и питие и ... ста на колѣну предъ Ахмыломъ и сказася древняго брата царево племя» (там же).

[3] Там же.

[4] См. также ниже, гл. V. Ср. у Энгельса: «даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III». (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 450).

[5] Ключевский, ор. с., стр. 102—112.

князья (ростовские) тяготились великокняжеской деятельностью московских князей, но (до Донского) в зависимости от московских князей как известной владельческой группы они не были. [1]

Автор «Жития Сергия» несколько модернизирует, очевидно, описываемое им событие, относя к вокняжению Калиты момент гибели ростовской самостоятельности. Освещение автора, его оценка, привнесенная настроением скорби по былой ростовской самостоятельности имеет историографический интерес и не может затемнить тех фактов, которые послужили материалом для житийного рассказа.

Калита мучает ростовцев, отнимает у них имущество. Очевидно, ростовцы не хотели платить полностью «выходов тяжких еже во Орду», о которых упоминает приведенный рассказ, и местный князь встретил противодействие со стороны населения. Тогда-то и выступил великий князь владимирский и учинил «насилованье» в Ростове. Чьи функции, в сущности, выполнял Калита? Напомним, что с последней четверти XIII в., со времени смут в Орде, мы не встречали более баскаков во Владимирской области, в Московском, Тверском, Переяславском княжествах, дольше всего, повидимому, оставался баскак сидеть в Ростовском княжестве (имеем известие начала XIV в. рост. влад. свода о баскаке). В XIV в., при Узбеке и Джанибеке, Золотая Орда стала вновь сильной, но баскачество не было восстановлено на Северо-востоке. В рассмотренном выше случае мероприятиями Ивана Калиты восполнялось в известной мере отсутствие баскаков. Характерно, что великокняжеская деятельность Калиты проходила частью в пути в Орду или из Орды, частью в самой Орде:[2] так, он ездил в Орду в 1331—1332, 1333—1334, 1336, 1338 (?), 1339 гг. Так как на поездку в Орду

---

[1] В борьбе московского князя с суздальским в конце 50-х и начале 60-х гг. за великое княжение Владимирское князья Константин Ростовский и Иван Белозерский (и, повидимому, князья галицкий и стародубский) были на стороне суздальского князя против московского.

[2] Тем не менее к нему приезжали послы: в 1329, 1333, 1339 гг. Часто ездил в Орду и Семен: в 1340, 1342, 1343 (?), 1344, 1347—1348, 1350 гг. Вероятно, и к нему из Орды нередко приезжали послы: повидимому, далеко не о всех послах на Москву летописец сообщает; так, о после Коге мы узнаем совершенно случайно: «коли бысть Кога посолъ на Москвѣ, тое весны поводь велми велика была», — читаем в Симеон. л. под 1347 г. (ср. под 1357 г в Рог.: «а на Москву приходилъ посолъ силенъ изъ Орды Ирыньчѣи на Соурожане»; в Никон. л.: «и съ нимъ гости Сурожанѣ»). Любопытно, что под 1347 г. Моск. л. отмечает о после Коге, а в Новг. I л. под 1346 г. мы читаем, что Семен «побывъ 3 недѣли в Новѣгородѣ и поѣха на Низъ о царевѣ орудьи».

О том, как полагалось князю принимать посла из Орды, говорят иностранцы позднее. Так, по их словам, перед послом князь должен был преклонить колено (см. у Литвина Михалона, в Архиве истор -юрид. свед., относящ. до России, кн. 2, пол. 2, М., 1854, стр. 33; Карамзин, IV, 58, ссылка: Длугош, Hist. Polon., 588; D'Ohsson, op. c, t. 2, p. 184—185, ссылка: Cureus, Cilesiae Annales p. 67). Князь выходил пешком встречать посла за город (Михалон, стр. 33: «с питием»; Герберштейн, изд. 1908 г., стр 16). Известно также, что приезжавшим послам и князьям надо было говорить с ханом, стоя на коленях (Рубрук; Карпини; Ипат. л., 1252; Шериф-ед-дин) По рассказу «Повести об ордынском царе-

(туда — Волгой, вниз по течению, а обратно — сухим путем)[1] тратили, как можно заключить из слов летописи, минимально 6 месяцев, то, следовательно, Калита половину, вернее — бóльшую часть своего княжения (на великокняжском столе) провел в Орде или на пути в Орду и из Орды. У себя дома, в своем городе, великий князь владимирский не выходил, повидимому, из-под наблюдения особых чиновников Орды. По сообщению Герберштейна, при Иване III внутри кремля был двор, где жили татары, чтобы «знать все, что делалось в Московии»[2]. При Иване III такой порядок был пережитком старины. Некоторые сведения дают основание предполагать, что порядок этот был установлен в первой половине XIV в. Я разумею упоминания об Албуге и о Шевкале. Сообщив о том, что Калита в 1332 г. получил все великое княжение, новгородский текст присовокупляет: «а правилъ княжение ему Албуга» (Новг. I, изд. 1888 г., стр. 437); из слов этих можно заключить, что дело шло не о «посажении» или не только о «посажении». Нет ничего удивительного в том, что в других летописях Албуга не упоминается. Вероятно, о Шевкале мы ничего не узнали бы, если бы в Твери не разразилось восстание. Не случайно, конечно, Шевкал был послан в Тверь тогда, когда тверской князь (Александр) получил великое княжение Владимирское; по словам летописи, Шевкал поселился

виче Петре», Игнат вышел встречать посла Ахмыла за город с «питием» (и дарами) и, обратившись к послу, стал перед ним «на колѣну» (см выше). Много позже, в 1519 г., когда прибыл в Москву крымский посол Аппак, то, князь Иван Палецкий должен был говорить речь послу у него на подворье от имени государя, став на колени, что сделал также и посол Аппак (приведено у Н. Веселовского, Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории, в Отчете СПб. унив. за 1910 г.). Некоторые сведения находили в летописях под 1261 г. Ипат. л. сообщает, что Буронда, главный военачальник на западных окраинах золотоордынского государства, двигаясь ратью, послал вперед в г. Владимир, к князьям: «оже есте мои мирници, срѣтьте мя; а кто не срѣтить мене, тыи ратныи мнѣ». Князь Василько и Лев и владыка поехали навстречу Буронде и встретили его у Шумска с дарами и «питьем». Равным образом, под 1283 г. читаем, что, когда Телебуга-хан подошел к Горини, его встретили Мстислав «с питьем и з дары» а на Липе — князь Владимир, также «с питьем и с дары» и «по сем угони [и] Лев князь ко Бужьковичемь и с питьемь и с дары». Таким образом, вполне возможно, что и при приближении ханских послов князьям приходилось выезжать навстречу «с питьемъ и с дары». Однако, если такой обычай и существовал, он, во всяком случае, не был повсеместен или перестал действовать к началу XV в. Так, в 1408 г., когда в Тверь из Москвы приехал ордынский посол, «князь великий повелѣ царева посла срѣтити на Володимерскомъ мосту честно...» (см. Тв. сб.). Кроме того, надо помнить, что иностранцы могли легко принимать отдельные случаи за обычный порядок: именно такого происхождения, например, представляется известие (если только оно не вымысел), что, когда посол садился на коня, князь наклонял перед ним свою спину, а тот, встав на нее ногами, взлезал на лошадь (Терещенко, Быт русского народа, ч. I, СПб , 1848, стр. 19: из текста, помещенного в Собр. Гаклюйта, т. I, стр. 247, изд. 1818 г.).

[1] Тв. сб. под 1408 г; в тексте ошибочно — 5 месяцев.

[2] С. Герберштейн, Записки о московитских делах, 1908, стр. 16. Другое известие о ханском конюшенном месте в московском кремле при митрополите Алексее — требует проверки (Снегирев, Москва, изд. Мартынова, т. I, 1865, стр. 115; Зверинский, ор. с., II, № 1357).

73—1

«во дворе» князя. Позже, при Димитрии Донском, официальная московская историография утверждала, что с восшествием на великокняжеский стол Калиты татары перестали воевать Русскую землю, что население отдохнуло «отъ великиа истомы и многыа тягости, отъ насилиа Татарскага» и что наступила «тишина велика по всеи земли».[1]

Татарские «нахождения» действительно прекратились. Но это не означало ослабления татарского ига; и на Руси не наступило «тишины», о чем свидетельствует хотя бы деятельность Калиты в Ростове. Калита не был и не мог быть ни объединителем Руси ни умиротворителем. Народное движение за объединение Руси началось тогда, когда открылись возможности борьбы с татарами; и это движение, поддержанное церковью, обеспечило победу московского князя внутри страны и успех в борьбе с татарами, завершившийся Куликовской битвой. О Калите Маркс правильно сказал, что он соединял в себе «черты татарского палача низкопоклонника и главного раба». [2]

Итак, деятельность великого князя владимирского в первой пол. XIV в. могла восполнять, в известной мере, отсутствие баскаков в пределах русского Северо-востока; великий князь владимирский так же оказывал в интересах Орды давление на Новгород.

В 1332 г. великий князь Иван Данилович «приде изъ Орды,— рассказывает Новгородская летопись, — и възверже гнѣвъ на Новъгородъ, прося у нихъ серебра Закамьского и в том взя Торжек и Бѣжичьскый верхъ чересъ крестное цѣлование».[3] Ясно, что просьба «Закамского серебра» вызвана была денежными требованиями Орды. На следующий год великий князь собрал князей «рязанских» и «низовских», вместе с ними двинулся на Торжок и свел с Новгорода своих наместников. В тот самый год, когда Калита собирал князей на съезд, как узнаем из тверской летописи, «Тойдый былъ на Руси». [4] Переговоры в Переяславле с новгородцами (они давали ему «5 сотъ рублевъ» и требовали, чтобы он «свободъ бы ся отступилъ») не привели к соглашению. [5] Вместе с тем из тверской летописи мы узнаем, что в этом же году из Орды приезжал «Сараи», или (в другой редакции) «посолъ Сарайчюкъ» «по великого князя по Ивана»,[6] и Калита в сопровождении посла вы-

[1] См. Симеон. лет. под 1328 г. В одной из записей 1339 г, изданной Срезневским, говорится о правосудии Ивана Калиты и о том, что при нем наступила «тишина велья в Роускои земли» (И. Срезневский, Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, № LXXXVI, стр 145—148). Таким образом подобная похвала Калите была вставлена во второй половине XIV в. в Московскую летопись, но уже с несколько иным содержанием.

[2] «... by blending in himself the characters of the Tartar's hangman, sycophant, and slave-in-chief» (op. c., p. 79).

[3] Новг. л.

[4] Рог., 1333.

[5] Новг. I л.

[6] Рог. и Никон. лл., 1333.

ехал в Орду. Возвратившись из Орды, он с новгородцами договорился (Новг. I; 1334).

Осенью 1339 г., перед походом на Смоленск, Калита, вернувшись из Орды, принял новгородских послов, и те передали ему «выход». [1] Но великий князь владимирский прислал в Новгород с требованием новой суммы: «а еще дайте ми запросъ царевъ, чого у мене царь запрошалъ» (Новг. I л.) Новгородцы отказались. Великий

[1] В 1339 г. Калита получил от царя приказ послать рать под Смоленск с Товлубием, двинувшимся из Орды через Переяславль-Рязанский с татарами (с ним шел и князь рязанский Коротопол). Историки предполагали, что поход 1339 г. был вызван тем, что смоленский князь перестал подчиняться хану и возить в Орду выход (см. К а р а м з и н, IV, 146—147; С о л о в ь е в, Ист. Росс., III, 923). По мнению Преснякова, Узбек послал рать «едва ли по собственному почину» (ор. с., стр. 146). Летопись прямо говорит, что Товлубия «царь послалъ», а Иван Данилович послал свою рать «по цареву повелѣнию» (Рог., Симеон., 6847). Иных указаний летопись не дает. Но материал позволяет вскрыть причину разрыва Смоленска с Золотой Ордой. Выше мы видели, что ранее смоленский князь был в подчинении у хана (см. выше гл. II). В Ипат. л. под 1274 г. читаем: «... и Глѣба князя Смоленьского, иныхъ князий много: тогда бо бяху вси князи в воли Татарьской»; ср. Симеон. л., 1275 г. Далее мы знаем, что в конце XIII в. смоленским князем был Федор Ростиславович, на тесных отношениях которого с Ордой мы выше останавливались подробно (рижский архиепископ титулует Федора в письме к нему «великим князем»; см. у Г о л у б о в с к о г о, ор. с., 146; см. также «Житие Федора», напеч. в Четиях Минеях). С захватом смоленского княжения князем Александром Глебовичем (в 1297 г.) связи смоленского княжения с Ордою не прерывались или, если прерывались, то временно в 1310 г татары поддерживали Василия, сына смоленского князя Александра Глебовича, против Святослава Глебовича, призванного брянцами, и Василий был посажен с помощью татар в Брянске (Симеон., Никон., 1310).

Но в 20—30-х гг. XIV в. положение изменилось. Уже в 1333 г. татары с брянским князем Дмитрием Романовичем ходили на Смоленск (Рог., 6841: «Того же лѣта на зиму прииде ратью Дмитреи князь Бряньскыи на Смоленскъ съ татары Калънтаи и Чирича съ многыми воеводами и взяша миръ с Ываномъ». Заметим, что о Калантае упоминает также Новг. I л. под 1343 г.: «того же лѣта митрополитъ Фегнастъ Гричинъ ходи къ царю к поганому к Женьбѣку и обадиша его Калантай къ цареви...» и т. д.); предприятие успеха не имело, хотя они и «бишася много» (Никон. л.; Г о л у б о в с к и й, ор. с., стр. 314). Перемена положения объясняется, коль скоро мы признаем, что князь Федор Святославович, приезжавший из Литвы в составе посольства в Новгород в 1326 г., был известным нам из летописи смоленским (дорогобужским) князем Федором Святославовичем.

Дальнейшие показания подтверждают догадку, что поворот в отношениях Орды со Смоленском определялся тем, что великий князь смоленский признал известное политическое верховенство Гедимина, что явствует из грамоты, напечатанной во II т. С. Г. Г. и Д. под № 8 (см. Г о л у б о в с к и й, ор. с., стр. 121, 317; Ф и л е в и ч, Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие, СПб., 1890, стр. 47 и др.; см. также Симеон. л., 1341 г.). Подчиниться литовскому князю можно было, только порвав предварительно с отношениями зависимости к Золотой Орде. Таким образом, вероятно, что в 1339 г. Узбек хотел вернуть Смоленск к покорности. Как раз в эти годы Орда опасалась Литвы и ее посягательств на пределы, подчиненные ордынской власти: в 1338 г., т. е. за год до похода на Смоленск, татары совершили набег на Литву (Никон., 1338: «того же лѣта Татарове воеваше Литву»; см. также Новг. I л., 1335 г.; ср. П р е с н я к о в, ор. с., 140—146; А н т о н о в и ч, Монографии, I, Киев, 1885, стр. 59—60), а в 1337 г., по свидетельству Rocznik swietokrzyski, они предпринимали поход на ее со-

князь (это было зимою того года, когда предпринимался поход на Смоленск) вывел из Новгорода своих наместников. Калита умер, не успев кончить дела, и конфликт разрешился уже при великом князе Семене, получившем великокняжеские полномочия и немедленно по возвращении из Орды принявшемся за окончание дела. «Прииде князь Семеонъ из орды, — читаем в Новгородской I летописи, — и насла на Торжокъ дани и брати, и почаша силно дѣяти». Великокняжеские «борцы» (т. е. сборщики «бора») были схвачены и «скованы». Великий князь собрал князей в Москве на съезд и в результате организовал поход на Торжок «со всею землею Низовьскою» (Новг. I). Новгородцы уступили, и «черный бор» дали. Историки правильно предполагали, что «черный бор» изменялся в зависимости от «запросов». [1] Нельзя только смешивать его с «выходом». Но нет сомнения, что это был первый случай, когда «запрос» брали с новгородцев. Они мотивировали отказ тем, что «отъ начала миру... того не бывало»; они требование «запроса» рассматривали как требование второго «выхода» (см. Новг. I л.: «прося другого выхода»).

Вместе с тем Орда охраняла Новгород от попыток князя, державшего великокняжеский ярлык, лично усилиться за новгородский счет. Соответствующие меры были приняты Ордою еще в XIII в.; охранялись они и в XIV ст. Как «великие князья владимирские», московские князья не раз оказывали вооруженное воздействие на Новгород. Выше мы в этом убедились. Но мы решительно не видим, чтобы московские князья применяли меры воздействия к Новгороду с целью усилить свое личное положение. [2] К сожале-

---

юзницу Польшу и вместе с «русскими» (Mon. Pol. Hist., t. III, p. 78.О Юрии II ср. Филевич, ор. с, стр. 50; ср. также «Замечания И. А. Линниченка на статью г. Режабка о последнем князе всей Малороссии Юрии» в сборн. «Белослав-Юрий II» изд. Акад. Наук, СПб., 1907, стр. 94—97).

[1] См., например, статью Соловьева о черном боре в сборн. Валуева («О значении слова «черный» в древнем русском языке и преимущественно о черном боре новгородском»), стр. 285; см. так же Сергеевич, Др.-р. право, 1911, стр. 184.

[2] В сущности, иначе и быть не могло. Орда контролировала отношения новгородцев к великому князю владимирскому. Когда они отказались принять Александра Тверского, Калита отправил к ним своих наместников. В этом году приходила Федорчукова рать, и в Новгороде появились татарские послы. Новгородцы передали им «дары» и 2000 рублей «серебра» (Новг. I, 1327). Повидимому, татары вызвали представителей от Новгорода: в том же году, по крайней мере, новгородские послы поехали в Орду, куда одновременно выехал и Калита. И новгородцам и Калите было дано одновременно в Орде поручение по делу тверского князя. Посажен в Новгороде Калита был уже по возвращении из Орды (Новг. I, 1328—1329; Никон., 1328). Характерно для установившихся отношений, что со смертью Семена Ивановича новгородцы отправили в Орду послов просить хана дать великое княжение Владимирское суздальскому князю. Действия московского князя Семена, вызвавшие недовольство новгородцев, были обусловлены требованиями самой Орды; так или иначе, хан новгородцев не послушал и дал великое княжение Владимирское другому московскому князю — Ивану Ивановичу (Новг. I, Никон., 1353).

нию, не сохранилось договорных грамот с Новгородом московских князей Ивана Даниловича, Семена Ивановича и Ивана Ивановича. Московские князья (как великие князья владимирские и новгородские) передавали в Орду «выход» от Новгорода. Так, в 1339 г новгородцы передали «выход» Калите для передачи хану (Новг I л.). В дошедших до нас договорных грамотах с Новгородом о «выходе» ничего не говорится (быть может, вопросы размера «выхода» стояли за пределами договорных отношений великого князя с новгородцами). Вместе с тем в дошедших до нас договорных грамотах с князьями, которые сажались в Новгороде на столе, мы находим ссылку новгородской стороны на «цареву грамоту»: «а гости нашему гостити по Суждальской земли безъ рубежа по цесаревѣ грамоте». Смысл принятой Ордою меры, на которую указывает приведенная ссылка договорной грамоты, разъясняет нам указанный выше характер отношений между Новгородом и великими князьями владимирскими в XIV в.

В 1270 г. произошло «размирье» Ярослава Ярославовича с новгородцами. Ярослав принужден был покинуть город. Он, однако, не успокоился и начал «полкы копить на Новгородъ»; послал ко царю Ратибора, прося на Новгород помощи, и «царю» сообщил, что новгородцы «царя» не слушают, что они-де просили новгородцев царской дани, а те их выгнали, а дома их разграбили. Полагая на основании этих слов, что в Новгороде мятеж против ордынской власти, царь отпустил рать на Новгород «по Ратиборову лживому слову», и действительно «лживому»: как явствует из обвинений, предъявленных новгородцами князю, причиной «размирья» были личные интересы Ярослава в Новгороде, а отнюдь не нарушение интересов царских. Когда весть о посольстве Ратибора пришла на Север, в Орду поехали князь Василий Ярославович с новгородскими послами («поима съ собою Петрила Рычага и Михаила Пинещинича»); они разъяснили хану в чем дело, подчеркнув, что в смуте виноват Ярослав, и объяснили, что недовольство или мятеж были направлены только против него («тако рекъ цареви: новгородци прави, а Ярославъ виноватъ»). В виду новых сведений Менгу-Тимур отозвал татарскую рать («и възврати татарьскую рать»). Вмешательство митрополита прекратило военные действия, а вслед за тем князь пошел на уступки; по прибытии из Орды послов он был снова посажен в Новгороде. [1] Как же распорядился Менгу-Тимур? Из приписки на оборотной стороне договорной грамоты с Новгородом мы узнаем, что Ярослава сажали татарские послы Чевгу и Баити. Но, посадив князя в Новгороде, Менгу-Тимур одновременно принял меры, лишавшие его возможности применять некоторые, весьма действенные средства давления на новгородцев. В договорной грамоте с Ярославом мы впервые встречаем ссылку на «цареву грамоту». Текст ее не сохранился; только из ссылки на нее явствует, что, согласно этой грамоте, новгородцы могли «без

[1] Новг. и Никон. лл.

рубежа» гостить на Низу. Орда брала под свою защиту новгородцев, и не даром: «затворять ворота», прекращать движение на Низ было исконным средством давления со стороны «низовских» князей на Новгород. Пользуясь этим средством, князь мог многого добиваться в своих интересах в Новгороде. Нет сомнения, что дело шло не только об интересах ордынской торговли. Конечно, и последние играли существенную роль. В рижском архиве сохранилась грамота царя и Ярослава к рижанам, которая начинается приказанием Менгу-Тимура князю дать путь немецкому гостю на свою волость. [1] Из дальнейших же событий видно, что царева грамота, данная новгородцам, предусматривала также политическую сторону отношений, что она разумела произвольные действия со стороны князя, т. е. те, которые не были согласованы с Ордою. Два года спустя (в 1273 г.) движение новогородских гостей было прекращено, и притом с ведома или по приказанию Орды. Торжок был захвачен князем Василием Ярославовичем, Бежецк, Волок, Вологду — новогородские волости — воевали войска князя Святослава, а у новогородских «гостебников Понизовской земли» отнимали их «товар»; в Новгороде поднялись цены на хлеб. В данном случае Новгород был виноват перед Ордою: он принял нежелательного Орде князя — Дмитрия Переяславского, не пожелав принять кандидата Орды, посаженного ханом на великом княжении Владимирском (князя Василия). Князья воевали новгородские волости, прекращая движение на Низ, с ведома или по прямому распоряжению хана. Так выясняется из совокупных показаний тверских и новогородских известий; Василий, например, шел с баскаком и «многими татарами царевыми», равным образом и Святослав действовал с «татарами царевыми». [2] Отсюда понятно, что охрана «царевой грамотой» беспрепятственного движения на Низ имела в виду произвол князя, попытки прекращать движение в своих личных, княжеских интересах, а не в интересах Орды. Именно такое значение имела «царева грамота», данная новогородцам. У князя было отнято одно из могущественнейших средств оказывать давление на новогородцев. Приведенные выше наблюдения позволяют думать, что мера эта сохранялась Ордою и в XIV в.

Такое поведение Орды в Новгороде вполне согласовалось с общим направлением ее политики в XIV в. Мы видели, какие меры были приняты ею. Опасность усиления московского князя, державшего великое княжение Владимирское, явственно сознавалась Ордою. Великое княжение Владимирское, как можно думать, должно было служить ордынским интересам, а не интересам московских князей.

---

[1] «Менгу-Темерово слово къ Ярославу князю: дай путь Немецкому гости на свою волость. Отъ князя Ярослава ко Рижаномъ и к большимъ и к молодымъ, и кто гоститъ, и ко всемъ: путь вашь чиста есть по моеи волости. А кто мнѣ ратныи, с тимъ ся самъ вѣдаю. А гостю чистъ п[illegible] волости» (Русско-Лив. акты, СПб., 1868 стр. 14)

[2] Новг. I и Ник. лл.

Но уже то обстоятельство, что великокняжеская территория частью или полностью передавалась трем московским князьям сряду, послужило к их усилению. У них не могло не образоваться известных связей с великокняжеской территорией, особенно потому, что в Северо-восточной Руси исчезли татарские даньщики. У московских князей устанавливались известные отношения с местным боярством и, таким образом, непосредственные связи с великокняжеской территорией через голову Орды. Описанный нами выше случай с нижегородскими и городецкими боярами 1342 г. показывает, в каком направлении эти связи устанавливались и какие меры принимала Орда. Но только в последующие десятилетия — в эпоху ордынских смут — усиление Москвы стало реальной опасностью, когда началось народное движение за объединение Руси и за борьбу с татарами.

ГЛАВА V

«Кочевой феодализм» не создавал благоприятной почвы для сохранения целостности опиравшейся на родовую аристократию империи, долженствовавшей между тем, по мысли ее основателя, завоевать мир. Не способствовала этому и двойственность, лежавшая в основе верховного управления. [1] Во второй половине XIII в. империя, основанная Чингис-ханом, начала распадаться на отдельные, фактически самостоятельные уделы-государства. Но и удел, выделившийся из состава империи на западе, также не оказался устойчивым образованием. Признаки неустойчивости золотоордынского государства обнаружились уже в конце XIII в., как мы видели выше (см. гл. III). Покровительствуя городской торговле, монголы Золотой Орды, однако, сами оставались кочевниками по преимуществу. [2] «Кочевой феодализм» не нашел в себе основ для создания устойчивого государственного образования. В начале XIII в. Чингис-хан пытался приспособить протекавший тогда процесс феодализации к интересам военной империи. [3] Но империя распалась; и правильная система вассалитета, обязанного военной службой, повидимому, со временем утратила свой первоначальный характер. Во второй половине XIV в. мы наблюдаем небывалое усиление кочевой аристократии в Золотой Орде.

Уже в событиях второй половины XIV в., предшествующих распадению Золотой Орды, первенствующую роль играют «эмиры», «ординские князи» (в числе которых летопись упоминает Муалбугу с его «чадью»), группирующиеся вокруг того или иного «хана» или «сановника» и ведущие междоусобную борьбу; в борьбе партий ордынских князей в течение нескольких лет сменился ряд ханов. Бердибек, Кульпа, Наврус, Хидырь. [4] Хидырь пал на глазах у рус-

---

[1] См. выше, гл. I.

[2] Ср. Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, монгольский кочевой феодализм, Л., 1934, стр. 44, 86, 126; о том, что ростовой, торговый капитал находился в руках «мусульманских» и китайских купцов см. там же, стр. 127. О покровительстве торговле в Золотой Орде см. А. Якубовский, Феодализм на Востоке, Гос. Эрмитаж; изд. ГАИМК, Л. 1932.

[3] Б. Я. Владимирцов, ор. с., стр. 103.

[4] Об обстоятельствах восшествия Бердибека на престол находим у Ибнхальдуна две разные версии. Согласно одной из них, Джанибек на пути из Тавриза захворал и умер. Тогда сановники государства отправили из-

ских князей. [1] Дмитрий Иванович Московский успел еще выехать до «замятни», но остальные князья были застигнуты ею в Орде. На их глазах были свергнуты один за другим Темир-Хозя и Ордu-Мелик; вслед за тем началось побоище: пал Кога и «инѣхъ множе-

---

вестие об этом сыну его Бердибеку. Бердибек прибыл в Сарай, когда отца, Джанибека, уже не было в живых. По другой же версии, которую Ибнхальдун передает в рассказе об Увейсе, сыне шейха Хасана, Джанибек на пути был заключен в оковы, а сановники государства написали сыну его Бердибеку, приглашая его на царство (Тиз., I, 389). Первая версия не совсем точна, так как, по известию русских летописей, Бердибек «отца своего убилъ и братью свою побилъ» (см., напр., Симеон. л. и Троицк. по Карамз., 1357 г.). С другой стороны, указание второй версии на переворот и роль в нем «сановников государства» подтверждается полной редакцией тверского свода (в кашинской обработке) в составе Никон. л. (1357), сообщающей о роли Товлубия (вероятно, того самого Товлубия, который при Узбеке убивал князя Александра и был послан под Смоленск), привлекшего «многихъ князей Ордыньскихъ... къ себѣ въ совѣт, обѣщевающе комуждо что дати». Ср. известие Владимир. Полихрона (Новг. IV и Соф. I лл.; ср. Воскр. л.,). Подтверждение второй версии находим и в персидских текстах. Так (см. персидский текст в неизд. материалах, Тиз., II), в извлечениях из Зибдетут Таварих, соч. Хайдера-ибн-Али, рукоп. Берл. корол. библ. (Fol. 17, B), читаем, что Джанибек «заболел тяжелой болезнью, а эмиры вызвали Бердибека, и когда Бердибек прибыл к отцу, отец стал его упрекать за его возвращение; он (Бердибек) от этих упреков пришел в расстройство, и по его приказу... отца убили». Приведенному рассказу этого автора соответствует запись, сохранившаяся в одной из редакций тверского свода: «того же лѣта, — читаем в Рог. л., — царь Чанибѣкъ взя Мисюрь и посади тоу на царьствѣ сына своего Бердибѣка, а самъ оуверноуся въ свояси и отъ нѣкоего привидѣния на поути разболѣся и възбѣсися. И послаша рядьци по Бердебѣка, он же пришедъ отца оудави, а братью изби, а сам сѣде на царство» (Рог., 6865). А далее в той же рукописи соч. Хайдера-ибн-Али читаем, что Бердибек «три года царствовал и за это время многих из своих близких убил».

Двумя годами позднее, как известно, Бердибека и Товлубия «со иными его совѣтниками» убили и на царство сел Кульпа, а по прошествии нескольких месяцев Кульпа вместе с двумя своими сыновьями — Михаилом и Иваном — пал от руки Навруса. Спустя же некоторое время начала действовать партия ордынских князей, враждебная Наврусу. Заговорщики завели тайные сношения с «Заяицким царем Хидырем», вызвали его с войсками на Волгу и, когда он подошел, выдали Навруса и посадили на царство Хидыря; вслед за тем произошло жестокое избиение приверженцев свергнутого хана: были перебиты (кроме Навруса, его сына Темира и царицы Тайдалы) «князя ординстии», остававшиеся верными Наврусу (Рог., Симеон., Никон., 1358—1360). Летопись называет в их числе «Муалбузину Чадь» («князи ординьскых Муалбоузиноу чадь множьство оубилъ» (Рог. л.; ср. Никон. л.). Это, повидимому, тот самый Муалбуга, который упомянут в ярлыке митрополиту Алексею Бердибека, в начале («Бердѣбѣково слово то [а] тарьскымъ оулуснымъ [и ратнымъ] княземъ Моулаг [б] оугы [и] ною мыслию волостным сам[и] мъ дора[о] гамъ» и т. д., см. текст у Приселкова, ор. с.) и в конце, при перечислении «головных князей», на первом месте: на Руси, очевидно, его знали более других. Ср. мнение о причинах распадения Золотой Орды Рязановского, Монгольское право, Харбин, 1931, стр. 131 и др.

[1] Хидырь был убит вместе с меньшим сыном Кутлуем (Никон. л.; то же в Рог. л., без упоминания имени) в конце лета или осенью 1361 г., как видно из Рог. л., т. е. во второй половине 762 г. (11 нояб. 1360—31 окт. 1361 г.); 762 г. датированы и его монеты.

ство». [1] Андрей Константинович на пути из Сарая в Русь встретил ордынского князя Аратехозю и был окружен со всех сторон татарами; но с боем пробившись через татарские полки, прибыл на Русь «здравъ». Константин Ростовский, задержавшийся со своими

---

[1] «... а на царствѣ посадили Хедырева сына болшаго и пребылъ на царствѣ 2 недѣли и они его убили (т. е. Темир-Хозю; он перебежал за Волгу и там был убит; см. Рог. л., ниже), а потомъ Ардемелика посадили на царствѣ, и тотъ царствовалъ мѣсяцъ и онѣ его убили. И бысть в Ордѣ замятня велика и сѣча старыи княз[и] Сарая и когуи инѣх множество побиша» (Рог. л., П. С. Р. Л., т. XV, в. I). Последнюю фразу следует читать: «и бысть въ Ордѣ замятня велика и сѣча: старыи княз[и] Сарая и Когу и инѣх множество побиша». Посла Когу Симеон. л. называет под 1347 г. Если и в данном случае под «Сараем» разумеется город, а не область (последнее сомнительно; ср. все же ярлык Тайдулы; ср. известие Вассафа и др.), то Сарай, о котором говорит летопись, следует искать там же, где и монетный двор, чеканивший монеты с легендой «Сарай-эль-Джедид» (Новый Сарай), ибо и Темир-Хозя и Орду-Мелик, несмотря на кратковременность своего царствования, чеканили: Темир-Хозя—в «Новом Сарае», Орду-Мелик — в «Новом Сарае» и «Азаке». Чеканка «Нового Сарая» становится преобладающей при Джанибеке (ср. Монеты Узбека). Вопрос о существовании двух Сараев — столиц Золотой Орды — по перенесении столицы из одного Сарая в другой требует дальнейших разысканий. Наиболее серьезными данными в пользу существования двух Сараев на Нижней Волге служат данные Баллода о сравнительном процентном соотношении монет чекана «Сарай-эль-Джедид», найденных в с Селитренном и близ Царева. В персидских текстах мы встречаем выражения как «Сарай Берке», так и «Сарай Бату» (на что я указывал в рецензии на книги Баллода в Zeitschr. f. Sl. Phil., B. V. H. 3/4, 1929): эти данные сами по себе, повторяю, могут и не указывать на существование двух Сараев — столиц Золотой Орды. Якубовский полагает, что данные персидских текстов (приводимые им) окончательно решают вопрос: см. его статью «К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая», помещенную в ИГАИМК, т. VIII, в. 2—3, 1931. Известие рукописи Анонима Искандера (ИВ № 566 В С.) о том, что Тохта возвратился в столицу их Сарай Бату восходит к Рашид-ед-дину (ibid., стр. 6—7). Если мы вспомним, что со времени, приблизительно, Узбек-хана, золотоордынские владения стали называться «землей Берке», «улусом Берке» (см. у Эль-муффадаля; в летописи шейха Увейса и др.), а Сарай — Сараем Берке (см. у Ибнбатуты), то не найдем ничего удивительного в том, что в той же рукописи Анонима Искандера на ряду с известием, восходящим к Рашид-ед-дину, встретим и выражение «Сарай Берке».

Как известно, в некоторых, сравнительно поздних арабских текстах даже основание Сарая приписывается Берке (Эломари, Ибнарабшах; там же и о прибавлении к прозванию «Кипчак» прозвания «Берке»; Т и з., I, стр. 460). Равным образом и в летописи шейха Увейса мы встречаем известие о том, что гроб Берке был перевезен в Сарай Бату, которое восходит к Рашид-ед-дину. Вслед за Рашид-ед-дином известие это повторяют и Бенакити и Тарихи Алафи (из рукоп. Брит. музея № 465, содержащей II том Тарихи Алафи; см. Т и з., II, персидский текст) и Зибдетут Таварих, соч. Хайдера-ибн-Али (рукоп. Берл. корол. библ., Fol. 17 B.; ibid.). Кажется, вариантом того же известия надо считать и известие Тарихи Кипчаки (рукоп. Публ. библ.) о том, что Берке «в городе Сарае около Бату похоронен» (Fol. 340 б; ibid.; переводом персидских текстов, оставшихся непереведенными в неизданных материалах Тизенгаузена, обязан Гуссейну Фахри). Но на ряду с этим в той же летописи шейха Увейса мы прочтем известие с выражением «Сарай Берке», приводимое Якубовским, а ниже — выражение «улус Берке», применительно и к Менгу-Тимуру и к Джанибеку, и о том, что Тохта «воссел на престол Берки и Батыя». Наконец, известие об ос-

в Орде, был до такой степени ограблен, что на нем и его людях не осталось даже «исподних порт»; они «нази токмо живы приидоша пѣши на Русь». Дмитрий Константинович пересидел в Сарае и «цѣлъ схраненъ бысть». Князь Василий Тверской вернулся с Бездежа, а «серебро тамо поклалъ», не доехав до Сарая. [1]

В Сарае, между тем, появились одновременно два царя: во-первых, Амурат, чеканивший монету в «Новом Сарае» и «Белад Гюлистане»; [2] во-вторых, Кильдибек, выдававший себя за сына царя Джанибека и чеканивший монету также в «Новом Сарае», а кроме того в Азаке (т. е. в Азове) и в Мокше (б. Пензенская губ.). Нет ничего удивительного, что русские князья в Орду сами не ехали. Невозможно было даже определить, кто из «царей» будет их сюзереном. Они послали в Орду только своих киличеев: осенью или летом 1362 г. Кильдибек начал наступление на Амурата с правой стороны Волги, был разбит и умерщвлен. [3] Несколько ранее киличеи поехали в Орду, к Амурату. В Сарае от Амурата ярлык на великое княжение Владимирское получил московский киличей Аминь — для Дмитрия Иваповича. Получив из Сарая ярлык, Дмитрий Иванович согнал с великокняжеского стола (зимой 1362/63 г.) суздальского князя, занимавшего великое княжение Владимирское с 1360 г. [4]

новании Сарая Батыем у Мирхонда списано, как заметил Якубовский, у Джувейни (ср. русский перевод Джувейни у Тиз., II), но к слову Сарай прибавлено — Бату (ср. Якубовский, стр. 7). Таким образом, упоминание на ряду с Сараем Берке Сарая Бату могло и не служить указанием на существование двух Сараев, столиц Золотой Орды, а указывает лишь на следы влияния древних текстов на более поздних авторов. Далее, было бы интересно точно выяснить, когда именно золотоордынские владения стали называться «улусом Берке», «землей Берке». Не восходит ли действительно эта традиция ко временам Узбека, когда после борьбы с непокорными эмирами, не желавшими принять ислам и изменить ясе Чингис-хана, Узбек утвердил в Золотой Орде мусульманство и когда память Берке, первого золотоордынского властителя, принявшего мусульманство, должна была особенно чтиться, подобно тому как потомки Узбека чтили его память? Много позже в рассказе о событиях XV в. мы встречаем в некоторых персидских текстах выражение «страна Узбека», «улус Узбека» (Абдерреззак, Хондемир: Тиз., II).

[1] Известие Рог. л. показывает, что прав был Д. Кобеко, когда, возражая Карамзину и Милюкову, доказывал, что Бездеж лежал не к югу от Сарая, а к северу (см. «Где находился город Бездеж?», Ж. М. Н. Пр., ноябрь 1892). Василий Тверской «поклал» в Бездеже «серебро», которое он вез в Сарай, так же как везли, вероятно, и Константин Ростовский, и Дмитрий Константинович Суздальский, и др. Вероятно, в Бездеже было какое-нибудь административное лицо, которому он мог передать деньги. «На вимѣ» того же года в Тверь приезжал Урузбуга «Бездѣжьскый» (Рог. л.).

[2] На его монетах также: «Гюлистан» и «Гюлистан-при-сарайский». Амурат чеканил монеты с 762 до 764 г., гиджры который кончался 10 окт. 1363 г.

[3] Монеты Кильдебека — 762 и 763 г., который кончался 21 окт. 1362 г. В 764 г он монет уже не чеканил. Судя по летописи, он погиб осенью 1362 г. (Рог. л.; ср. Симеон. л.).

[4] Рог. л. (выше под тем же годом повторяются известия о тех же событиях; ср. Симеон. л.).

Переломным моментом в истории «русского улуса» явились события, совершенно изменившие положение Сарая, когда русский Северо-восток оказался от Сарая оторванным.

Дело в том, что события в Орде, предшествовавшие распадению золотоордынского государства, о которых мы только что говорили, заметно не поколебали весьма прочно установившихся отношений зависимости Руси от ханской власти и значительно не нарушили существовавшего политического положения на русском Северо-востоке. Московский князь не получил преимуществ. Можно только предполагать, что он вознаградил потерю Лопасни, отнятой у Москвы Рязанью в 1353 г., захватом некоторых мест по «сей» стороне Оки. Но Лопасня, во всяком случае, осталась в руках Рязани. С другой стороны, мы знаем достоверно, что вопрос о пограничных с Москвой рязанских землях вызвал прямое вмешательство Орды, и только счастливая случайность позволила московскому князю не пустить посланное из Орды лицо в свою отчину: лицо это (Мамат Хожа) попало в Орде в число «коромольников». [1] Когда же Иван Иванович Московский умер, великое княжество Владимирское не было передано малолетнему московскому князю Дмитрию Ивановичу, а поручено суздальскому князю — сначала Андрею, но тот отказался, и великокняжеские полномочия, а вместе с ними и великокняжескую территорию, получил Дмитрий Константинович Суздальский. Великий князь владимирский продолжал быть на Руси ответственным лицом и защитником интересов Орды. Так, например, когда в Орде узнали об ограблении жукотинцев, Хидырь прислал послов («Уруса, Каирбѣка, Алтанцыбѣа») с требованием поимки разбойников; великому князю владимирскому пришлось тогда созвать съезд в Костроме, и (общими силами, очевидно) разбойников поймали и выдали послам. [2] В Орду ездили и князья, мало сочувствовавшие Москве, например Константин Васильевич и Дмитрий Борисович, из которых первый получил в Орде «весь Ростов», а второй был пожалован в Галич. [3] Вообще же, как известно, русские князья ездили в Орду после каждого нового переворота. Так было и со вступлением на престол Бердибека [4] и с воцарением Кульпы (и со смертью великого князя Ивана Ивановича); только по прибытии в Орду князья Кульпы уже не застали: на престоле сидел Наврус; [5] в 1360 г. Навруса сменил

[1] Рог., Симеон., Никон. лл., 1358.

[2] Рог., Симеон., Никон. лл. 1360.

[3] Там же. Отчество Дмитрия (Борисович) устанавливается текстом Рог. л. (как и Никон.): ср. Экземплярский, II (показания родословных). О Константине см. также Рог. л., 6850, 6869 гг. и (также и о Дмитрии) 6871 г.

[4] Рог. и Никон., 1357.

[5] Кульпа, по монетам, сел ранее 23 ноября 1359 г., но чеканил и после этого времени. По тексту летописи, он сел в конце лета или осенью 1359 г. и царствовал всего только 5 месяцев (так в Рог. и Симеон. лл.; ср. Никон. л.). Следовательно, Наврус сменил Кульпу приблизительно в январе—феврале 1360 г. Летопись отмечает воцарение Навруса в 6867 г., т. е. до 1 марта 1360 г. есть монеты Навруса, чеканенные в 760 г., т. е. до 23 ноября 1359 г., но

Хидырь, и в 1361 г. князья поехали в Орду снова. Короче говоря, ни борьба партий в Орде, ни быстрая смена ханов не могли заметно поколебать прочно установившиеся отношения зависимости и значительно нарушить существовавшее политическое положение на русском Северо-востоке. Чтобы поколебать эти отношения, потребовалась катастрофа: распадение золотоордынского государства.

В Болгарах, как известно, засел Булат-Темир, «князь ординьский». Действуя независимо от Сарая,[1] он «взял» не только Болгары, но и «все городы по Волзѣ и улусы» и «отня весь Волжеский путь». К юго-востоку от Нижегородского княжества, в «Запьянии», окопался некий Секиз-бий, также являясь самостоятельным узурпатором.[2] Следы татар мы находим в б. Сергачском у. Нижегородской губ. и части б. Симбирской.[3] К востоку от Рязанского княжества так называемая «Наручатская страна» с центром на р. Мокше[4] (где еще при Узбеке существовал золотоордынский мо-

---

ле в Сарае, а в Крыму и в Азове); таким образом, Сарай был им занят в начале 1360 г. Русские князья поехали в Орду после смерти великого князя Ивана Ивановича, последовавшей 13 ноября 1359 г., т. е., очевидно, на исходе 1359 или в начале 1360 г., так как приблизительно в апреле — мае Дмитрий Константинович выехал из Орды (22 июня он уже въехал во Владимир). Весной того же года (т. е. приблизительно в мае — июне) Навруса сменил Хидырь (Рог. л.).

Лэн-Пуль и Zambaur ошибочно отмечают только 760 год как год царствования Кульпы. О Хидыре говорят, что он вступил на престол в 760 г. Но Сарай, во всяком случае, был им занят в 761 г. (760 г. датированы только азакские монеты). Ср. Лэн-Пуль, Мусульманские династии, СПб., 1899; E. de Zambaur, Manuel de généalogie et de chronologie pour l'Histoire de l'islam. Hannover, 1927. Нумизматический материал см. у Маркова (Инв. катал. мусульм. монет Эрмитажа. СПб., 1896, лит. изд.; Френа, Монеты ханов улуса Джучиева, СПб., 1832); Григорьева (Опис. клада... в Зап. Арх.-нум. общ. т. II, СПб., 1850); Савельева (Монеты Джучидов, СПб., 1857/58); Кроткова (в Тр. Сарат. учен. арх. ком., 1915, в. 32, и в Тр. Нижневолжск. общ. краеведения, в. 37, Саратов, 1930).

[1] В конце 1361 г. или в начале 1362 г. он «Блъгары взялъ и ту пребываше» (Рог., Симеон., Никон лл.). Но возможно, что под 1361 г. помещено известие о событиях 1361—1362 гг. (и после 1 марта), как можно предполагать — о бегстве Мамая и, быть может, о движении Тагая из Бездежа на Мокшу, где в 762 г. чеканил монету Кильдибек. Известно, что в 768 г. (7 сент. 1366 — 28 авг. 1367 г.) Булат-Темир чеканил монеты с именем своим и Джанибек-хана (Пулад Тимур, Пулад Тимур-хан — у Григорьева: Пулад Тимур, сын Кугана или Тугана, — у Френа, Савельева). Его отношения к Сараю характеризуют также обстоятельства его смерти (см. ниже).

[2] «и обрывся рвомъ ту сѣде» (Рог., 6869).

[3] Я разумею находки кладов с золотоордынскими монетами (в «Запьнии»): в б. Сергачском у., Нижегородской губ., — с. Ветошкино, Б. Уда и Петровки, и в б. Курмышском у., Симбирской губ., — с. Теплый Стан. К ним примыкают находки кладов в Ивановке Княгининского у. и в Курмышском у. (см. Отч. Археол. Ком., 1900, стр. 94 и 146; 1895, стр. 69 и 191; 1913—1915, стр. 191 и 258; 1901, стр. 140 и 170; 1909—1910, стр. 204 и 258; 1894, стр. 153; 1883—1884, стр. LVII; Журн. 7-го вас. Симб. учен. архивн. ком. 3 июля 1896 г., стр. 3).

[4] О наровчатском городище см. Тр. Сарат. общ. изуч. арх. и этн. при Сарат. унив., в. 34, 1923, и Изв. общ. обсл. и изуч. Азербайджана, № 5, 1928, Баку. О собрании монет, собранных в Наровчатском городище в 1926—

нетный двор), признававшая ранее власть Кильдибека, не примкнула к Сараю, а перешла во власть князя Татая: и «ту живяше и пребываше». По некоторым данным, Наручатская страна занимала часть б. Пензенской и, может быть, примыкающую к ней территорию б. Тамбовской губ. [1] Только южнее оставался свободный проход к Нижней Волге из Рязанского княжества; на пространстве этом, — где, судя по грамотам митрополитов Феогноста и Алексея о пределах Сарайской и Рязанской епархий, в половине XIV в. можно было встретить «караулы» «возлѣ Хопор до Дону», [2] — о находках золотоордынских монет в южной части б. Тамбовской губ. у меня нет сведений. Южнее же и юго-западнее шли уже пределы Мамаевой Орды. Дело в том, что один из влиятельнейших темников — Мамай объявил «царем» Абдуллаха и бежал за Волгу, на запад, вместе с «царици» и «всей Ордой». [3] Территория вошла в сферу влияния Мамая и охватывала пространство на запад от Нижней Волги; в его

1928 гг. В. П. Россиным, см. ст. Кроткова в Тр. Нижневолжск. общ. краев., в. 37, Саратов, 1930.

[1] По крайней мере, этот район выделяется находками золотоордынских кладов. Он охватывает область по р. Мокше (в Троицке на Мокше, с. Покровском б. Наровчатского у.; Низовках б. Нижнеломовского у.; в Керенске; в Вяземках и Б. Ижморах б. Керенского у., близ границ б. Тамбовской губ.; см. О. А. К., 1909—1910, стр. 207—208 259; 1902, стр. 126 и 168; Зап. Русск. Арх. Общ., нов. сер., т. III, стр. 279; Тр. Сарат. уч. археогр. ком., 1915, в. 32, стр. 164—168. Ср. А. А. К р о т к о в, К вопросу о северо-восточных улусах золотоордынского ханства, Баку, 1928, стр. 3). Возможно, что власть Тагая распространялась и на область по р. Цне (б. Тамбовской губ.), принадлежащую, вероятно, мещерским князьям; здесь находили клады XIV в. (В Новоберезовке б. Шацкого у. и Серповом, в Борках и Пичаеве б. Моршанского у.; см. Отч. Арх. ком., 1904, стр. 116 и 162; 1886, стр. CLXIV; 1909—1910, стр. 207 и 263 и Изв. Тамб. учен. архивн. ком., 20 ноября 1887 г., стр. 2—3, и в Отчетах Тамб. учен арх. ком. за 1889 г., стр. 54, и за 1905 г., в 50, стр. 76). Впоследствии сюда проникла рука Дмитрия Ивановича: см. С. Г. Г. и Д., 1 О мещерских князьях см. ibid. и также: Л ю б а в с к и й, ор. с., стр 90, и ст. М. И. Смирнова в Тр. Ряз. уч. арх. ком. за 1903 г., т. XVIII, в. 2.

Изучая топографию кладов с золотоордынскими монетами, я пришел к предположению, что на русской территории они, за немногими исключениями (напр., Старая Рязань), находимы не были, как, например, в б. губерниях Ярославской, Владимирской, Московской, Костромской. При изучении топографии я пользовался материалом, собранным сотрудниками монетного отделения Эрмитажа. Характер материала заставляет при определении территории сохранять указания на старые административные деления.

[2] Русск. истор. библ. VI, № 17 и 18; ср. И л о в а й с к и й, Соч., 1884, стр. 94—95. По словам Рог. л. «гладу же въ нихъ велику належащу и замятнѣ мнозѣ и не строению надлъзѣ пребывающу и не престающе другъ на друга въстающе и крамолующе и воюющe собою, ратящеся и убивающеся».

[3] По монетам судя, он перебежал за Волгу в конце 1362 г.; к этому же времени относится летописное известие о том, что он посылал на Амурата какого-то «царевича». Но известие о том, что он бежал за Волгу, объявив царем Абдуллаха, помещено ранее. Абдуллах начал чеканить монеты с 764 г. (единственная монета, описанная Марковым 762 г., чеканенная реверсным штемпелем, является, очевидно, дефектным экземпляром; от 763 г. его монет не имеется), причем как раз в первый (764) год в Новом Сарае (и Азаке), а затем (в 765, 766, 767, 769, 770, 771 гг.) уже в «Орду», в «Янги-Шехр-Эли-Махрусе» и также в Азаке.

власти, таким образом, оказался и Крым, занятый им несколько позже — вероятно в 70-х гг. XIV в. [1] На севере кочевья Мамаевой Орды граничили с Рязанским княжеством. Они подымались, судя по находкам кладов с золотоордынскими монетами, до б. Воронежского у.; [2] вообще же можно предполагать, что татары заходили и в верховья Дона, в район, где граничили б. Орловская, Тульская и Воронежская губ., откуда, повидимому, открывался путь на Тулу, которой при Тайдуле «баскаци вѣдали». [3] Подымаясь к пределам б. Воронежского у., кочевья Мамаевой Орды близко подходили к границам Рязанского княжества с юга. Когда в 1379 г. Митяй, ехавший на поставление в Царьград, прошел «всю землю Рязанскую», он вошел в «пределы Татарские» и, двигаясь далее, встретил Мамая. [4]

Итак, русский Северо-восток оказался от Сарая оторванным. Амурат, сидевший в Сарае, находился в открыто враждебных отношениях с Мамаем. Осенью или зимой того же года Мамай посылал на Амурата какого-то «царевича»: столкновение отмечено нашей летописью. Золотоордынское государство распалось. С другой стороны, пределы Орды Мамая непосредственно с юга подходили к русской территории. Вполне естественно при таком положении, что Мамай, имея у себя в Орде «царя» Абдуллаха (Авдулю), вслед за Амуратом заявил свои права на «русский улус».

От Авдули из Орды Мамая приехал посол и привез ярлык для Дмитрия Ивановича Московского. С Москвою, надо заметить, Мамай и ранее имел сношения. Так, весной или в начале лета 1359 г., т. е. в последние месяцы царствования Бердибека, он, согласно одному летописному известию, присылал на Москву посла (тогда великим князем был Иван Иванович); [5] есть сведение (из другого источника), что в кратковременное царствование Бердибека Мамай действительно играл влиятельную роль. [6]

---

[1] См у Эльмухибби (Тиз., I, 350); также Смирнов, Крымское ханство 1887, стр 131—136; ср. Брун, Черноморье, I, стр. 300.

[2] Находки кладов времени Мамаева «царя» Абдуллаха: в Петровых Будах б. Курской губ., Судженского у; в д. Шаховцовой б. Курского у.; в с. Семилуки б. Воронежского у. См. Древности, т. III, стр. 175—176; О. А. К., 1868, стр. XXI; 1911, стр. 79 и 104; 1894, стр. 35 и 159.

[3] О «краеземных» татарах см. Симеон. и Рог. лл., 6917 г. Материал по топографии золотоордынских кладов см. в Зап. Археол. Общ., II, 426, т. XI, 189; Отч. Археол. ком., 1902, стр. 125 и 168; 1904, стр. 116 и 163. Изв. Тамб. уч. археогр. ком.

[4] Рог. и Симеон., 6885; ср Д. Кобеко, ор с.; ср. Изв. Археогр. ком, в. 29, стр 137. Позже, в 1389 г., Пимен и его спутники, плывя вниз по Дону, встретили впервые татар только на 2-й день после того, как миновали р. Медведицу (см. Никон. л.).

[5] Львовская летопись сохранила следующее известие под 6867 г.: «прииде посолъ на Москву отъ царя Мамая от Ахмиявды». Слово «царя» — позднейшее добавление, как и в других местах летописи (см., напр., под 6870 г. в Льв. л. и параллельный текст в других сводах).

[6] По словам Ибнхальдуна, «Ханум, дочь Бирдибека, была замужем за одним из старейших монгольских эмиров, по имени Мамай, который в его царствование управлял всеми делами» (Тиз., I, 389).

Ярлык, присланный от Авдули, был принят. Сарай был далеко. К тому же в самом Сарае положение Амурата было, кажется, не совсем прочно: в один год с ним в «Новом Сарае» чеканил монету и Мир (Хейр) Пулад. [1] В положении «русского улуса» наступил, как мы говорили, переломный момент: Москва почувствовала себя более самостоятельной.

Можно было ожидать, что Мамай со временем будет придерживаться той же политики на Руси, что и его предшественники, что он будет препятствовать усилению Москвы. Между тем открывались некоторые возможности московскому князю усилиться, пользуясь борьбой Мамая с ханом, сидевшим в Сарае. Другими словами, прикрываясь интересами Мамая можно было многого добиться, чего ранее достигнуть не удавалось: прежде всего привести в свою волю князей сарайской ориентации. Как известно, весть о сношениях московского князя с Ордою Мамая вызвала негодование в Сарае и побудила Амурата возвести на великое княжение Владимирское соперника Дмитрия Ивановича — Дмитрия Константиновича Суздальского (ярлык был передан находившемуся в Сарае князю Ивану Белозерскому, и он привез его в сопровождении 30 татар). Опираясь на полномочия из Мамаевой Орды, Дмитрий Иванович решился на неповиновение Сараю и согнал суздальского князя, вновь занявшего великое княжение, с великокняжеской территории, прошел к Суздалю, а затем привел в свою волю князей, державших сторону суздальского князя: «тако же надъ Ростовьскымъ княземъ. А Галичьскаго Дмитрея из Галича выгнали». [2] Надежда фактически сесть на великом княжении Владимирском для Дмитрия Константиновича Суздальского становилась эфемерной, хотя в Сарае его продолжали считать великим князем владимирским . [3] С другой стороны, и Нижний не был в его руках.

[1] Имеем монеты Мир (Хейр) Пулада, чеканенные в Новом Сарае в 764 г., т. е. после 21 окт. 1362 г. Летопись не знает его имени. В одном месте, повидимому, летописец говорит о нем. В Рог. л. под 6869 (1361) г. имеем рассказ о событиях по двум источникам. Из них первый близок к Симеон. л., но не совпадает с ней. Так, в Симеон. л. говорится, что Хидырь был убит сыном Темирьхожей, который сам вскоре погиб. В первом источнике Рог. л. (и в Троицк. л.) говорилось, что Хидырь был убит «отъ своего си брата от Мурута и сѣде на царствѣ Мурутъ», а далее, после рассказа о «царях» Авдуле и Кильдибеке, читаем: «а иные князи ординьскые, затворишась въ Сараи, царя у себе имѣнующи 4-го», тогда как в Симеон. л. читаем: «царя у себе именующе Амурата» (т. е. Мурута). В летописных сводах XV в. видим в разных редакциях вариант Симеон. л. (см. Влад. Полихрон, свод 1479 г. и др.). Если слова «царя у себе имѣнующи 4-го» не есть искажение (что мало вероятно, заметим, ибо протограф Симеон. л. в Рог. л. дает более древние чтения) текста («...именующе Амурата»), то допустимо, что под 4-м «царем» разумеется Мир Пулад, засевший в Сарае одновременно с Амуратом.

[2] Рог. л., см. также Никон. л.

[3] См. о приезде «отъ царя Азиса» царева посла Урусманды с «ярлыкы» на великое княжение князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому (Рог., Симеон., Льв., 6872; Никон., 6873). С ним приехал князь Василий Дмитриевич, следовательно суздальские князья еще в конце 1364 г. поддерживали связь с сарайским ханом. Азис начал чеканить монету с 766 г. (28 сент. 1364—18 сент. 1365 г.). Кто царствовал на Нижней Волге в 765 г.

Там сидел брат его Борис: в 1364 г. из Сарая приезжали послы, «сажавшие его на Нижегородском княжении. [1] Не надеясь получить Владимирский великокняжеский стол, Дмитрий Константинович заключил с московским князем соглашение: он отказывался от прав на великое княжение Владимирское, с тем чтобы московский князь помог ему сесть в Нижнем.

Движение московской и суздальской силы вынудило Бориса уступить Нижний Дмитрию Константиновичу и сесть в Городце. Первые же шаги к сплочению Руси вокруг Москвы ознаменовались открытым сопротивлением нашествию татар. В 1367 г. Булат Темир, сидевший в Болгарах, напал на территорию Нижегородского княжества, но встретил отпор, потерпел поражение и бежал в Орду, где был убит Азисом (который в том же году сам утерял власть). [2] Сопротивление татарским нашествиям находило, очевидно, поддержку со стороны масс. Напомним, что ранее против бояр, державших, повидимому, сторону татар, подымалась ненависть населения. В начале XIV в. в Нижнем «чернь» избила бояр князя Андрея, а сын его, вернувшись из Орды, избил «вечников».

Итак, в Нижнем Новгороде был посажен с помощью московской силы признавший власть Мамая Дмитрий Константинович. Следует заметить, что последнее обстоятельство было использовано Мамаем (в 1370 г.) в целях распространения своей власти на Восток. Булат-Темира, как мы видели, в Болгарах уже не было. Там появился князь Асан (или Гасан), на некоторое время завладевший также и Сараем. [3] В сопровождении Мамаева посла нижегородский князь выступил на Болгары. Асан сдался без сопротивления, и в Болгарах посадили «Салтан Бакова сына». Под тем же годом, выше, мы читаем, что «Мамай у себе в Ордѣ посадилъ царя другаго Маматъ Салтанъ». [4] Может быть, сын его и был посажен в Болгарах. [5] Что стало в ближайшие годы с Сараем

гиджры (после Амурата), мы не знаем. Положение Азиса в Сарае, повидимому, не было прочным; в тот год (766), когда он чеканил монету в «Гюлистане», в «Новом Гюлистане» чеканил монету Пулад Ходжа. Но с Сараем поддерживались еще церковные связи. Судя по ярлыку Тюляка, Азис выдал ярлык митрополиту Алексею (сарайским епископом в это время был, вероятно, Матфей: Афанасий умер в 1362 г. на Костроме; см. Никон. л., 1362 г., Русск. Истор. Библ., VI, № 19; ср. Рог. л., 1377 г.).

[1] По тексту летописи, его сажали посол «от царя» (Байрам-хозя, Байралхозя, Барамхозя) и посол «отъ царици» (Асан, Осан); см. Соф. 1, Новг. IV, Никон. лл.

[2] См. Симеон., Рог. лл. Последний год чеканки монет Азисом («Гюлистан» и «Новый Сарай») — 768.

[3] Асан чеканил монету в Сарае в 771 г. Кто в Сарае («Новом Сарае») чеканил монету перед ним (после Азиса), мне не известно (в 769—770 гг., т. е. с авг. 1367 до авг. 1369 г.). И уже в следующем, 772 г., в Сарае чеканил монету не Асан.

[4] Рог., Симеон., Никон. лл. Как раз в этом году монеты Абдуллаха кончаются (771 г.) и годом ранее начинаются монеты Мухаммед-Булака (с 770 г.), как полагают — Мамат-Салтана. Об Ачихоже см. Храмцовский, ор. с., 23; ср. Симеон., Рог., Ерм., Никон. лл. под 1375 г.

[5] Позже, в 1376 г., мы видим в Болгарах «Мамат-Салтана» на ряду с Асаном. Асан мог быть оставлен в Болгарах в качестве «болгарского князя»

не совсем ясно, но есть сведения, что и он был занят Мамаем.[1]

Распадение золотоордынского государства, бывшее налицо в 1363 г., открыло новые возможности к расширению великого княжества Литовского на юге. Я разумею военные действия, предпринятые Ольгердом на юге Подолии (на Синих водах и в Белобережьи), и, во-вторых, занятие Коршева, совершившееся в 1363 г. Оба факта засвидетельствованы двумя летописными сводами, имеющими общий источник, — Никоновской и Рогожской летописями,[2] причем о первом событии в иной редакции сообщает также Литовская летопись.[3] Первый факт свидетельствует о том, что татарские князья Хажибей, Кутлубуга и Дмитрей, «отчичи и дедичи Подольской земли», как их называет Литовская летопись, оторвались от Золотой Орды, чем и воспользовался, очевидно, Ольгерд, нанеся им поражение. Второй факт свидетельствует о том, что восточные окраины Черниговщины были заняты Литвою, близко подошедшей к степям, где хозяйничала Орда, как мы видели также оторвавшаяся от золотоордынского центра.[4]

на ряду с «салтан баковым сыном», как добровольно сдавшийся: «Осанъ же посла противу ихъ съ челобитиемъ и съ многыми дары ...и т. д. (Рог. л.) и как признавший его власть. По Савельеву, «Салтан баков сын» (предположительно) сын Асана, а Мамат-Салтан (в Болгарах, в 1376 г.) — тот же «Салтан баков сын» (ор. с., стр. 222—223).

[1] В 772—773 гг. «в Новом Сарае» чеканил монету Тулунбек-хан (см. К р о т к о в, ор. с., № 75, стр. 27; Ф р е н; М а р к о в). Позже Тулунбека (или Тюляка) видим Мамаевым «царем». Кто чеканил монеты в Сарае в 774 г., мы не знаем. Но есть сведения, что как раз в эти годы приблизительно (несколько позже: в 775—776 гг.) Мамай был изгнан из Сарая (Ибнхальдун; см. ниже).

[2] См. Никон. и Рог. лл. под 1363 г.; показания Рог. л. позволяют с полной уверенностью и основанием считать указанные записи 1363 г. записями тверского свода, взятыми из литовского летописного источника; см. А. Н. Н а с о н о в, Летописные памятники Тверского княжества (ИАН СССР, 1930); его же Летописные своды Тверского княжества (ДАН СССР, 1926, ноябрь — декабрь).

[3] См. П. С. Р. Д., т. XVII, стр. 99, 170, 278, 389, 496.

[4] В списке городов Воскр. л. (П. С. Р. Л., т. VII, стр. 240) в числе «киевских» городов назван «Коршев на Сосне». Напомним, что о Брянске под 1359 г. в Никон. и Рог. лл. читаем: «и по томъ нача обладати Олгѣрд, Брянскомъ» (Рог., 6865). Вопрос о занятии Ольгердом Киева, к сожалению, остается еще не совсем ясным (см. Густ. л. под 1305, 1361 и 1362, гг.; см. Б. А н т о н о в и ч, Очерк истории вел. княжества Литовского, Монографии... т. I, Киев, 1885; М. Г р у ш е в с к и й, Історія Украіні — Руси, т. IV; Н. Д а ш к е в и ч, Заметки по истории Литовско-Русского государства, Киев, 1885, оттиск из Унив. известий). Не имеем достаточных оснований предполагать, чтобы до 1331 г. включительно, когда князь Федор (киевский) действовал вместе с «баскаками», этот киевский князь стоял в зависимости от литовского князя (Гедимина), был его подручником. Дашкевич (ор. с.) и вслед за ним М. Любавский (Очерк истории Литовско-Русского государства, 1915, стр. 24) приводит известие Новг. I л. под 1326 г. о приезде в Новгород послов из Литвы — брата Гедимина, князя минского, полоцкого князя и князя Федора Святославовича — как указание на известную зависимость Федора Святославовича от Гедимина, предполагая, что Федор Святославович — князь Федор Киевский. Не говоря уже о том, что киевского

Итак, с распадением золотоордынского государства, когда Сарай оказался оторванным от русского Северо-востока, в 60-х гг. XIV в., на Руси создалась политическая обстановка, отразившаяся на ее судьбах: некоторые из княжений были приведены «в волю» московского князя, занявшего великое княжение Владимирское. Вероятно, тогда же определилось и отношение московского князя к территории великого княжения как к вотчине, обнаружившееся в последующих событиях. Наступление Москвы не коснулось пока Рязани и Твери. Но оно коснулось Нижнего-Новгорода, фактически утерявшего свою самостоятельность от Москвы. Этими успехами Москва была обязана соперничеству Мамая с Сараем. И после того как это соперничество на Руси прекратилось не стало прежних условий, благоприятствующих успехам Москвы. Дальнейшее собирание власти московским князем не отвечало интересам Мамая, и он не мог не опасаться усиления Москвы и держать сторону московского князя в его стремлении привести «в свою волю» Тверь и Рязань.

«Того же лѣтѣ, — читаем мы в тверской летописи под 1367 г. — на Москвѣ почали ставити городъ каменъ, надѣяся на свою на великую силу, князи Русьскыи начаша приводити въ свою волю а который почалъ не повиноватися ихъ волѣ, на тыхъ почали посягати злобою. Тако же бышеть посяжение ихъ на князя на великаго на Михаила Александровича, а князь Михайло того ради поехал в Литвоу». [1] Михаил пришел с литовской ратью, и дело кончилось миром. Но Дмитрий Иванович своих «посяжений» на тверского князя не оставил. Нет сомнения, что с самого начала у него были какие-то соображения, заставлявшие его опасаться Мамая. Мы знаем, что заставило его освободить в 1368 г. Михаила из-под ареста. Дело в том, что в 1368 г. Дмитрий Иванович и митрополит зазвали великого князя Михаила Александровича «любовию», а «съдумавъ, — прибавляет тверская летопись, — на него съвѣтъ золъ». Тверской князь приехал, а они «чересъ цѣлование» схватили его, лишили свободы, а Городок и часть «отчины княжи Семеновы» отняли. [2] Михаил был посажен на Гавшином дворе,

---

князя Федора Зотов считает Иоанновичем (ор. с.), следует заметить, что нельзя быть уверенным в тождестве киевского князя Федора с Федором Святославовичем, упомянутым под 1326 г., поскольку нам известен из летописи князь Федор Святославович, принадлежавший к смоленским князьям (по родословным он — дорогобужский и вяземский), а также известно, что великий князь смоленский Иван Александрович находился в известной зависимости от Гедимина, как явствует из грамоты, напечатанной в С. Г. Г. и Д., т. II, под № 8.

О трех татарских князьях Лит. л. (Увар. сп.) пишет: «а от них заведали атамани и боискаки приеждаючи от тыхь атамановь, имовали с Подльскои земли данъ» (см. П. С. Р. Л., т. XVII, стр. 97; ср. стр. 170, 278, 389, 496). Недостаток данных не позволяет определить положение баскаков в Подольской земле в XIII—XIV вв.

[1] Рог., 6875.

[2] И посадили в Городке своего наместника с князем Еремеем, еще ранее (1367) проехавшим в Москву (см. Рог., Никон. лл.).

где его держали «въ истомѣ», а «что были бояре его около его», тех всех «поимали и разно разведоша и быша вси в нятьи». В то время из Орды случилось приехать татарам (по Рог. л.,— Чарык по Симеон. и Троицк. — «татарове, Корачь»; по Никон. — «татарове, князь Карачь и Ойдаръ и Тѣтекашь»). Появление татар спасло тверского князя: «тѣмъ избави его богъ, князя Михаила, и не дождавъ Чарыка опять покончивъ съ нимъ да отъпустили его въ Тфѣрь». [1]

Тем не менее наступление на Тверь продолжается. В том же году московский князь послал рать на Михаила, и Михаил бежал в Литву, откуда прибыл с войском Ольгерда, подходившего к самой Москве. Спустя два года он снова «сложил целование» к Михаилу и начал воевать тверские волости. Михаил бежал в Литву, а оттуда в Орду.

Нет ничего удивительного, что, несмотря на то, что Михаил действовал в союзе с Ольгердом, Мамай принял сторону Михаила и даже передал ему права на великое княжение Владимирское. Заметим, что ранее, когда еще московский князь начал воевать тверские волости, приезжали из Орды татарин Капьтагай да Тюзяк с ярлыком великому князю Михаилу на Тверское княжение. Явно порвать с Мамаем Дмитрий Иванович еще не решился, но он не подчинился в данном случае его воле. Он пытался даже перехватить тверского князя, но тот успел убежать в Литву, откуда пришла рать Ольгерда, вновь подходившая к самой Москве. [2] Мир московского князя с Ольгердом заставил Михаила снова поехать в Орду. Нет сомнения, что Мамай не только на словах хотел поддержать тверского князя. Мы знаем, что он предлагал ему вооруженную помощь, но Михаил отказался. 10 апреля он в сопровождении посла Сарыхожи прибыл в Тверь, откуда двинулся на великокняжескую территорию. Но Дмитрий Иванович привел по городам бояр и «людей» к целованию «не датися князю великому Михаилу, а в землю его на княжение на великое не пустити»; сам же с князем Владимиром Андреевичем стал ратью в Переяславле. [3] Из договорной с Ольгердом 1371 г. видно, что московский князь рассматривал великое княжение Владимирское как свою отчину, тогда как Мамай, согласно летописным сведениям о событиях, не покидал старого взгляда на положение великокняжеской территории, как исключительно связанной с великокняжеским ярлыком, и на свои права в отношении к ней.

Тверская летопись сообщает, что Сарыхожа послал Дмитрию

---

[1] Рог. л.; ср. Симеон. и Никон. лл. И ниже под тем же годом узнаем, что зимой москвичи «отъступилися опять Городка и всее чясти княжи Семеновы князю великому Михаилу Александровичу[ю], а князя Еремѣя отъпустили съ нимъ въ Тфѣрь» (т. е. из Городка; таким образом, по Рог. л., Михаил Александрович приезжал сам в Городок; ср. Никон. л., 1368 г.). Дело было уже после нашествия Ольгерда в том же году.

[2] Рог., 1370; ср. Симеон. л.

[3] Рог., 1371.

Ивановичу татарина «съ баисою», т. е. с «пайзе», [1] звать его во Владимир «к ярлыку», но получил отказ («къ ярлыку не еду, а въ землю на княжение на великое не пущаю, а тебѣ послу путь чистъ»). Вместе с тем московский князь приглашал посла «съ великою любовию» к себе. Сарахожа, рассчитывая получить многие дары и «серебро», передав ярлык Михаилу, сам поехал на Москву. С Москвы он, взяв дары, отъехал в Орду. Между тем Михаил отпустил в Орду сына своего Ивашку. В Орду поспешил и Дмитрий Иванович. 15 июля он переехал Оку, распрощавшись с провожавшим его митрополитом Алексеем. [2]

Почему московский князь решился ехать в Орду, хотя в данном случае он не подчинился воле Мамая? Видимо, он искал компромисса. Мы видели, что великое княжение фактически осталось за Дмитрием Ивановичем. Но почему Мамай не устроил «суд» над московским князем? Во-первых, тверской князь отказался от вооруженной помощи татар. Во-вторых, московский князь «многы дары и великы посулы подавал Мамаю и царицамъ и княземъ, чтобы княжениа не отъняли». В-третьих, в Орде не могли не знать через послов о настроении масс на Руси, на территории великого княжения Владимирского. Массы открыто шли за Москвою. Чрезвычайно показательно, что тверской летописец вынужден признаться: «а ко князю къ великому къ Михаилу такъ и не почали люди изъ городовъ передаватися» (Рог., 6879). Но Мамай мог рассчитывать, что Михаил захватит великое княжение Владимирское с помощью Литвы. Он просил передать Михаилу, что великое княжение ему давали, что давали рать, но он не взял, говоря, что сядет «своею силою», и «ти, — прибавлял Мамай, — сяди съ кѣмъ ти любо», намекая на Литву. [3] Михаил имел основания рассчитывать, что ярлык на великое княжение Владимирское ему будет вынесен снова. Его наместники оставались в Новгороде (разрыв с Новгородом произошел только в следующем, 1372 г.), и в договорной с новгородцами грамоте мы читаем: «а вынесуть тобѣ изъ орды княжение великое, намъ еси князь великый, или пакъ не вынесуть то.ѣ княжения велико... Орды, поити твоимъ намѣстникамъ из Новогорода проць...» Орда, как видно, его обнадежила. [4]

Итак, Мамай поддерживал Тверь против Москвы. Меньше данных относительно Рязани. Но то, что мы знаем, свидетельствует о том же направлении политики Орды. В 1371 г. рязанский князь Олег был разбит Дмитрием Ивановичем Московским, и на столе

---

[1] О байсе одного из царей Мамаевой Орды (Абдуллаха) см. А. Спицын, Татарские байсы, Изв. Археогр. ком., в. 29, примеч. 132—133.

[2] Рог., Симеон. лл., 6879.

[3] Так заставляют думать дальнейшие события (Рог. л., Тв. сб., 6879—6883).

[4] Шахматов, О языке новгородских грамот, в сб. Исслед. по русск. языку, 1895, стр. 267 (текст) и 233—234. См. также Рог. и Новг. I лл.: 1368 г. (Владимир Андреевич в Новгороде), 1372 г. (разрыв с Михаилом), 1373 г. (Владимир Андреевич в Новгороде).

сел Владимир Пронский. Олег бежал. Но на следующий год, собрав «вои», он пришел ратью на Рязань «изгономъ», прогнал Владимира и снова сел в Рязани. Сохранилось указание, что он сел с помощью татар: его сопровождал ордынец Салахимир с татарской дружиной. [1] Последнее известие (не летописное) требует проверки. Возможно, что Мамай дал ему отряд в помощь, как было позже с Иваном Владимировичем. Предположение об активной роли Мамая подтверждается дальнейшими событиями. Войдя в союз с Дмитрием Ивановичем, Олег навлек на себя гнев со стороны Мамая: татары предали огню «города» и, причинив много «зла», ушли восвояси. Дмитрий Иванович, узнав о набеге, пришел, собрав «всю силу княжения великого», тогда как Владимир Андреевич прибыл из Новгорода (1373 г.).

Итак, попытки московского князя распространить свое влияние и власть на другие княжества (после того как вопрос о соперничестве Сарая на Руси отпал) встречали противодействие со стороны Мамая. Он не мог не опасаться усиления Москвы и поддерживал против нее Тверь и, как можно предполагать, самостоятельность Рязани. Не без успеха тормозил он процесс собирания Руси Москвою. Только великое княжение Владимирское прочно было занято Москвою в качестве «отчины» московского князя. Своей политики не оставил Мамай и тогда, когда положение его в Орде изменилось к худшему. Орду охватила новая смута, развязавшая руки Москве.

Под тем же (1373) годом летопись сообщает о большом количестве побитых ордынских князей. «Потом перессорились эмиры, которые владели областями Сарайскими», — пишет Ибнхальдун; «того же лѣта в Ордѣ замятня бысть, — читаем в Никоновской летописи под 1373 г., — и мнози князи Ординскиа межи собою избиени быша, а Татаръ безчислено паде». По Ибнхальдуну, «Хаджичеркес, владетель Астраханских уделов, пошел на Мамая, победил его и отнял у него Сарай», что произошло в 776 г. (1374—1375 гг.) или несколько ранее. [2] Сведения Ибнхальдуна, таким образом, подтверждаются нашей летописью, а во-вторых — данными нумизматики: мы имеем монеты Черкес-бека, чеканенные в Астрахани как раз в 776 г. гиджры, и также его монеты (со сбитыми числами), чеканенные в Сарае. Кроме того, Черкес-бек чеканил монету в Ховаризме и в Мокше, т. е. в Наровчатской области. Таким образом, владения Мамая на Востоке (Болгары) оказались слабо связанными теперь с Ордою Мамая, что, конечно, понимали как в Нижнем-Новгороде, так и на Москве. Отсюда понятен и ход дальнейших событий: «размирье» с Мамаем Дмитрия Ивановича, расправа с Мамаевыми послами в Нижнем (1374 г.) и поход на Болгары с целью завоевания города, организованный московским князем с помощью нижегородско-суздальского (1377 г.). О «размирье» летопись кратко

[1] Иловайский, Соч., 1884, стр. 109; ссылка: из родословной дворян Вердеревских, Арх. Ряз. деп. двор. собр.

[2] Тиз., I, 391.

сообщает, что Дмитрию Ивановичу «бышеть розмирие с Тотары и съ Мамаемъ». [1] О событиях в Нижнем узнаем, что нижегородцы побили «пословъ Мамаевыхъ, а съ ними Татаръ съ тысящу, а старѣйшину ихъ именем(ъ) Сараику рукама яша и приведоша ихъ въ Новъгородъ Нижнии и съ его дружиною». [2] Из рассказа о походе на Болгары (1377 г.) выясняется, что они оставались еще под властью Мамая, а из рассказа о походе Прокопия не видно, чтобы они были бы объединены с Сараем. Летопись говорит, что в Болгарах сидел Мамат-Салтан вместе с князем Асаном; вместе с тем действия московского князя обнаруживают, что, предпринимая поход на Болгары, он полагал возможным нападение со стороны Мамая: он прошел ратью к Оке, где образовал заслон на случай удара с юга. Одновременно он послал на Болгары князя Дмитрия Михайловича Волынского, выступившего вместе с войском Дмитрия Константиновича Суздальского. Как известно, Болгары пали. Что было вслед за тем с Мамат-Салтаном, мы не знаем. [3]

Согласно некоторым признакам, Мамай действительно не чувствовал себя сильным. Только в 1378 г. он предпринял первую попытку вернуть московского князя к покорству, а до этого времени лишь собирался с силами, ограничиваясь налетами: в 1375 г. совершил летучий набег на Нижний (побили заставу и поспешно удалились), а два года спустя поведением мордовских князей был вызван второй набег: русские укреплялись в Засурье, как видно из известия под 1372 г.; [4] юго-западнее, где-то к востоку от Рязанского княжества, шли «татарские и мордовские места», которые «отоималъ» Дмитрий Иванович, по свидетельству его сына. [5] Нашествия татар встречало открытое сопротивление русских. В 1377 г. пришла весть, что из Синей Орды перебежал за Волгу царевич Арапша и идет к Нижнему; русские князья выступили к р. Пьяне, где их постигло несчастье: мордовские князья «втаю» привели рать из Мамаевой Орды и застали их врасплох; вслед за тем татары напали на Нижний-Новгород и, предав его огню и мечу, на третий день ушли, опустошая на своем пути селения и забирая полон. Со своей стороны Арапша пограбил Засурье. Вернуть московского князя к прежним отношениям Мамай сделал попытку только в 1378 г. Но и собравшись с силами, чтобы организовать поход на Дмитрия Ивановича и «на всю Русскую землю», Мамай не имел достаточно военных средств, чтобы привести московского князя к покорности. Нечего и говорить, что представление о том, что в годы, предше-

[1] Рог., 6882.

[2] Рог. л.

[3] Может быть, неслучайно, что как раз после 777 г. гиждры (1375—1376) Мухаммед-Булак (Мамаев «царь» Мамат-Салтан) более монет не чеканил.

Позже, в 1380—1381 гг., появляются его монеты, чеканенные в Астрахани. Но у Мамая сидел уже другой царь (Тюляк), что известно из ярлыка 1379 г.

[4] Рог., 1372; ср. А. А. Э., I, № 12.

[5] С. Г. Г. и Д., I, № 36.

ствовавшие Куликовской битве, Мамай выводил Орду из смуты (мы видели это и выше), совершенно ложно. [1] Битва при р. Воже окончилась, как известно, позорным образом для Мамая (1378 г.). Своей политике Мамай остался верен до конца. Еще собираясь с силами, он не был пассивным зрителем того, что происходило на Руси. Но направлять события с помощью вооруженной силы он, повидимому, еще не мог. В результате Тверь оказалась как бы спровоцированной.

Начала войну Тверь при несколько загадочных обстоятельствах. В 1375 г. в Тверь приехали изменившие Москве Василий Иванович, сын тысяцкого, и Некомат Сурожанин. Михаил послал их в Орду, к Мамаю, а сам поехал в Литву. Мамай передал для Михаила ярлык на великое княжение Владимирское, и в сопровождении посла Ачихожи они вернулись. Послы уговаривали Михаила действовать немедленно, заверяя его, что помощь из Орды последует: «Михайло, има вѣру льсти бесерменьскои, ни мала ни пождавъ, того дни послалъ на Москву ко князю къ великому Дмитрию Ивановичю, цѣлование крестное сложилъ, а намѣстники послал въ Торжокъ и на Угличе поле ратию»; и, по словам летописца,

[1] Выше мы говорили, что в 776 г. (или несколько ранее) Мамай, по Ибн-хальдуну, был изгнан из Сарая Хаджи-Черкесом. Но и Астрахань не перешла в руки Мамая: там в 776—777 (1375) гг. сидел какой-то астраханский князь Салчей, о котором летопись сообщает, что «лестию» побил дружину Прокопия. Сарай же в последующие годы стал прямо ареной борьбы, смуты. Против Хаджи-Черкеса выступил Айбекхан, занял Сарай и «несколько времени самовластно правил им» (Ибнхальдун). Это было в 777 г. Монеты «Агабекхана» чеканены в Новом Сарае в 777 г. (см. у Френа, ор. с.). По Ибнхальдуну, он «погиб, и после него Сараем правил сын его Карихан» (?) (Т и з., I, стр. 391). Знаем, что в том же 777 г. в Сарае чеканил монеты Каганбек. Кроме того, имеются монеты 777 г., чеканенные в Новом Сарае с именем Джанибека. Вслед за тем Сарай стал предметом борьбы между Тохтамышем и сыном Урусхана Тимур-Меликом. Последний, очевидно, чеканил монеты с именем своего отца: мы имеем монеты Урусхана, чеканенные в Новом Сарае в 779 и 782 гг. Судьба Сарая менялась в зависимости от того, какой оборот принимала борьба: сохранились монеты Тохтамыша, чеканенные в Новом Сарае в 777—778 гг. (ср. у Шериф-ед-дина: «оказав поддержку и содействие Токтамыш-оглану, пожаловав ему царство всего Дешт-Кипчака и Джучиева улуса», и т. д. — Т и з., II, рукоп.; ср. франц. перевод Шериф-ед-дина, I, 292—295); монеты Урусхана, чеканенные в Новом Сарае в 779 г. (ср. у Шериф-ед-дина: «по возвращению Тимура из Дешта, Тимур-Мелик-оглан, сев на престол ханский, с огромным войском пошел на Тохтамыш- хана, и после многих стычек и сражений поражение выпало на долю Тохтамыш-хана»; по тексту — в 778 г. — (Т и з., II, рукоп.); монеты Тохтамыша, чеканенные в Новом Сарае в 779 г. (ср. у Шериф-ед-дина: «поражение выпало на долю Тимур-Мелика. Тохтамыш-хан, оставшись победителем, воссел на престол Дешт-Кипчака» — ibid.); монеты Урусхана, чеканенные в Новом Сарае в 782 г., и монеты Тохтамыша, чеканенные в Новом Сарае в 782 г. (ср. у Шериф-ед-дина: «Тохтамыш-хан, снарядив бесчисленное войско, двинулся в поход и покорил царство Сарайское и народ[ил] Мамака [Мамая]» ibid.). Кроме того, в 779 г. в Новом Сарае вновь чеканил монету Араб-шах, появившийся, как мы видели, в 1377 г. Таким образом, представление о том, что в годы, предшествовавшие Куликовской битве, Мамай выводил Орду из смуты (см., напр., Пресняков, Обр. вел. гос., стр. 273—274, 301), совершенно не соответствует действительности.

во время осады тверичи «надѣялися помочи... отъ татаръ». [1] Мамай не имел, очевидно, возможности оказать тверскому князю вооруженную помощь, но не терял надежды, что Тверь справится с Москвою собственными силами с помощью, быть может, Литвы. Известно, чем кончилась эта «тверская война». Осажденная значительными силами (к осаждавшим присоединились и новгородцы), Тверь принуждена была капитулировать, не дождавшись помощи ни от Ольгерда ни из Орды. Москва торжествовала победу, а в договоре 1375 г. тверской князь обязывался не брать «великого княжения», если татары будут предлагать ему его, и «сваживать» князей московского и тверского. Мало того: он обязывался итти вместе с Москвою в случае, если татары пойдут на Москву. [2] Дальнейшие события показали, как нетрудно было этот договор разрушить.

В некотором отношении Мамай добился успехов. Осенью, вскоре после своего поражения на р. Воже, он совершил летучий набег на Рязанскую землю. Новому походу предшествовала, повидимому, дипломатическая подготовка. Олег Рязанский выразил желание быть на его стороне. С Литвой удалось сговориться. Неизвестно, входил ли Мамай в сношения с князьями нижегородскими и тверскими. Древнейшие редакции повести о Мамаевом побоище не упоминают ни тех ни других в числе союзников московского князя на Куликовом поле. [3] Подъем, охвативший массы, объясняет нам успех в подготовке и проведении операции, завершившейся полным разгромом Мамаевых татар и его вспомогательных наемных войск, набранных в Крыму (генуэзцы), на Кавказе и других местах. В XIII в. татары, как мы говорили, удивляли европейские страны замечательной постановкой военнополитической разведки. Источники, рассказывающие о событиях, предшествующих Куликовской битве, не оставляют сомнения в том, что в этом отношении в борьбе с Мамаем преимущество было на стороне русских: о Мамае получались все время сведения, но Мамай, по данным, доставленным в армию 5 сентября, о движении русских не знал (см. Синод. сп. «Сказания о Мамаевом побоище»). [4]

После разгрома татар, казалось, открылись новые перспективы в деле сплочения Руси вокруг Москвы: так, в ноябре «вси князи русским сославшеся велию любовь учиниша межу собою». [5] Наше-

[1] Рог. л.

[2] С. Г. Г. и Д., I.

[3] Шахматов, Отзыв о соч. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище»; в отчете о XII прис. премий митр. Макария. Пресняков, Обр. вел. гос., стр. 212, 274, 320 — 321. Сведения об участии псковичей и новгородцев в сражении (см., напр., Сказание по Синод. сп.) требуют проверки. Мамай посылал к Олегу (см. Новг. IV л.). То обстоятельство, что бежал именно Олег, а другие рязанские князья решились приехать к московскому князю, делает вероятным предположение, что Олег самостоятельно вел переговоры с Мамаем, проявившим дипломатическую активность в Рязанском княжестве (ср. Отзыв о соч. Шамбинаго, стр. 125).

[4] Текст напечатан у Шамбинаго, ор. с.

[5] Никон., 6889.

ствием Тохтамыша собирание Руси Москвою было задержано. Смута в Орде кончилась с появлением Тохтамыша, во «власть и господство» которого «благодаря ... распоряжению Тимура», перешел «весь улус Джучиев». Москва приведена была силою к покорности. Однако уже прежний характер господства монголов на Руси вернуться не мог. На великокняжескую территорию прочно установился взгляд как на наследственное владение московских князей, а великокняжеская деятельность в значительной мере утеряла прежнее значение, неразрывно связанное с великокняжеским ярлыком и особым положением земли великого княжения. В равной мере окончательно решена была участь некоторых княжений в смысле личной зависимости их от московского князя.

Эпоха Тохтамыша и его ближайших преемников была эпохой, когда Орда напрягала последние силы, чтобы удержать свое господство над Русью не номинально, но фактически. Путь к этому представлялся один: препятствовать процессу объединения Руси Москвою, ослаблять ее волю и внутреннеполитическое значение, поддерживать местный сепаратизм, противопоставляя Москве княжества Тверское, Рязанское или Нижегородско-Суздальское.

Уже во время похода обнаружилась такая политика. Из событий похода и предшествовавших походу можно заключить, что она имела не только стратегическое значение.

Нижегородских и рязанских князей Тохтамышу удалось привлечь на свою сторону. Когда он двинулся на Москву, сыновья Дмитрия Константиновича Василий и Семен догнали его на Рязани и присоединились к его окружению. Надо сказать, что с самого начала (в год вступления его на царство, после того как он разбил Мамая) Тохтамыш отправил послов не только к московскому князю, но и к другим князьям и, таким образом, установил с ними связь; их киличеи, отправленные в Орду, вернулись «съ пожалованиемъ». Во время рекогносцировки, предпринятой за год до похода, местом, где остановился отряд «царевича» Акхози, послужил Нижний-Новгород. Во время похода он использовал нижегородских князей. Под Москвой они, в качестве парламентеров Тохтамыша, вступив в переговоры с осажденными, заверили их, что царь гарантирует им безопасность, если они встретят его подобающим образом. В равной мере услугу оказал Тохтамышу и князь Олег Рязанский; он «обведе царя около всее своеи земли и указа ему броды на Оцѣ», что, однако, не спасло его землю от разорения при обратном движении Тохтамыша. Тверской князь активно Тохтамышу не помогал. Но уже во время похода он выразил полную покорность, и ему прислали «ярлыки». [1]

[1] После взятия Москвы Тохтамыш хотел итти на Тверь. Но Михаил прислал к нему своего посла. Когда посол (Гурлень) прибыл, татары, «изымавъ» его, «биша». Но когда об этом узнал Тохтамыш («поставиша Гурлена предъ царемъ»), он повелел «грабежъ изыскати» и отпустил его «съ жалованиемъ къ великому князю Михаилу, съ ярлыкы» (Тв. сб., 1382).

Удар 1382 г. был направлен именно на Москву. Покончив с Мамаем, Тохтамыш «возвестил» московскому князю «о своем пришествии на Волжское царство». Дмитрий Иванович послал послов «съ дари и съ поминкы». Рассказывая об их возвращении, летопись не говорит, чтобы послы пришли «с ярлыкы», «с пожалованием». Можно думать, что речь идет о простом обмене посольствами: борьба за подчинение великого княжества Московского стояла на очереди. Из Рязанской земли войска направились через Серпухов к Москве. Чтобы так или иначе овладеть городом, проявили не мало изобретательности. Опустошению подверглись земли Московского княжества: Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск, Руза, Дмитров и частью территория, присоединенная к Москве: Переяславль, Волок. Ни тверские, ни нижегородские волости опустошены татарами не были. Москва подверглась страшному разорению. Город был сожжен. Имущество граждан разграблено, а население частью перебито, частью захвачено в плен: «бяше бо дотолѣ видѣти градъ Москва великъ и чюденъ и много людей въ немъ, кипяше богатствомъ и славою, превыде же вся грады в Русстей земли честию многою, въ немъ бо князи и святителие живяста; въ се же время измѣнися доброта ея, и отъиде слава его, и всея чести во единомъ часѣ измѣнися». [1]

Итак, во время военных операций обнаружилась характерная для Орды политика: препятствовать процессу объединения Руси Москвою, ослаблять ее волю и внутриполитическое значение, поддерживать местный сепаратизм, противопоставляя Москве такие княжества, как Рязанское или Нижегородско-Суздальское. Из событий похода и предшествовавших походу разумеется, что она имела не только стратегическое значение. Дальнейшие события не оставляют в этом сомнения.

По смерти Дмитрия Константиновича великое княжение Нижегородско-Суздальское было им передано не Василию, а старому врагу Москвы князю Борису. Василия Тохтамыш взял к себе в Орду еще в 1382 г., возвращаясь с похода. В 1386 г. пленник бежал из Орды, но с пути его возвратили (и в Орде он принял «за то велику истому»). В этом же году в Орду ездил Борис. Посадив его на Нижегородском княжении, Тохтамыш, как и ранее, поддерживал с ним личную связь и тогда, когда внимание Тохтамыша было отвлечено внешними событиями. И даже в эти годы, когда положение Тохтамыша уже не было столь устойчивым, как прежде, он в первое время поддерживал Бориса (на Нижегородском столе) вопреки намерениям московского князя. Так, в 1388 г. Тохтамыш отпустил, наконец, на Русь томившегося в Орде Василия Суздальского, но посадил его не в Нижнем, а в Городце. [2] Той же зимой произошло следующее: Василий и Семен с помощью московской рати подошли и вынудили Бориса уступить им Нижний в обмен на Горо-

[1] Никон., Рог. лл.; ср. Новг. IV, Симеон. лл., 1382,
[2] «и поручи ему царь, вда ему Городець».

дец. Борис поехал в Орду. В это время как раз Тохтамыш шел походом на Тимура (1389 г.). Борис догнал его в пути и 30 дней шел с ним. От Уруктана его хан отпустил и приказал дожидаться своего возвращения в Сарае. По возвращении из похода он восстановил его в прежних правах на великом княжении Нижегородском.[1]

Итак, в противовес Москве Тохтамыш выдвигал Нижегородское княжество, где держал старого врага Москвы князя Бориса. Успехи политики Тохтамыша были налицо уже во время его похода. Но политическое значение его мероприятий особенно ясно выступает в дальнейших событиях. Это же можно наблюдать и на отношениях Тохтамыша к Твери.

Тверского князя Тохтамыш, вероятно, вызвал в Орду во время похода. Михаил поехал в Орду сам. Он полагал даже, что царь, может быть, даст ему великое княжение Владимирское, и пошел «не прямицами но околицами и не путьмя», опасаясь и «таяся» великого князя Дмитрия Ивановича. Михаил выехал из Орды в 1383 г., но оставил в Орде сына Александра. Можно думать, что Александр удостоился большой чести: не случайно его прозвали, как видно из текста тверской летописи, «ордынцем»: за время своего пребывания в Орде (около трех лет) он успел съездить в Царьград. В 1386 г. он вернулся из Царьграда, но не сразу на Русь, а сначала в Орду, откуда прибыл в Тверь в сопровождении посла.[2] Без преувеличения можно сказать, что для Тверского княжества с 1382 г. начинается эпоха возрождения. Тверь вновь ожила, снова началась местная летописная работа, прерванная с 1375 г., после взятия Твери Москвою.[3] «Царь волжский и всѣх орд высочайший царь», как именует Тохтамыша один из наших сводов, действительно «поустрашил» московского князя («а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитреа Московского, и азъ его поустрашилъ и онъ мнѣ служитъ правдою») и, с другой стороны, помог Твери сохранить самостоятельное по отношению к Москве положение; тверской князь договаривался впоследствии с московским князем (Василием Дмитриевичем, по смерти Донского), как с равным.

Передавали, что в Орде возникала мысль поделить великое княжение между Дмитрием Ивановичем и Михаилом Тверским.[4] Великое княжение Владимирское поделено не было. На великого князя московского (на великое княжение и на Новгород) была наложена какая-то великая «дань тяжкая» (повидимому, сверх обычных платежей, единовременная: пришлось «по всему княжению великому» платить «всякому безь отъдатка, со всякые деревни

---

[1] Симеон., Рог., Никон., 1388—1392.

[2] Симеон. л., Тв. сб., Никон. л.

[3] Н. А. Насонов, Летописные своды Тверского княжества (ДАН СССР, 1926). Его же, Летописные памятники Тверского княжества (ИАН СССР, 1930).

[4] Никон., 1384.

по плътинѣ. Тогда же и златомъ даваша въ Орду, а Новъгородъ Великыи далъ черныи боръ»).[1]

Политика Тохтамыша, как мы видели, была направлена, в сущности, против объединительных тенденций московского князя. И только тогда, когда положение самого Тохтамыша в Орде уже явно поколебалось, хану пришлось быть более уступчивым в отношении домогательств Москвы.

Легко заметить, что́ ослабило политическую активность Тохтамыша на Руси. Тохтамыш, поднявший руку против своего покровителя Тимура, в итоге был им разгромлен. Поход 1389 г. навлек грозу на золотоордынские владения. Тимур начал наступление. Попытки Тохтамыша склонить его к миру остались безрезультатными. Тохтамыш отступил к Волге, где потерпел полное поражение: «бысть бой царю Тохтамышу съ царемъ Аксакъ Темиремъ и побѣженъ бысть царь Тахтамышь и воинство его многое множество избиено бысть отъ Аксакъ Темиря царя». [2] Неудача Тохтамыша послужила на пользу московскому князю. Великий князь Василий Дмитриевич поехал в Орду, стал домогаться расширения территории Московского княжения, и Тохтамыш уступил. С послом он выехал из Орды, с Коломны поехал на Москву, а посла с его татарским окружением и бояр отпустил в Нижний. Борис не хотел уступить своих прав на Нижний, когда татары и москвичи пришли в Нижний, но, как известно, боярин его Василий Румянец изменил ему. Вскоре в

---

[1] Рог., 1385 (о черном боре см. выше).

Еще ранее, когда старший сын Донского Василий после нашествия Тохтамыша поехал в Орду, царь «приа» его «въ 8000 сребра» и оставил в Орде (Новг. IV л.; ср. Рог., Симеон. лл., 1383 г.). На следующий год во Владимир приехал посол Адаш. В 1385 г. Василий из Орды бежал и в 1387 г. был доставлен на Москву. После смерти Донского (1389 г.) он ездил в Орду снова. Об отношении Москвы к Орде в счастливый период царствования Тохтамыша см. также в письме Едигея к Василию Дмитриевичу. Текст грамоты см. в С. Г. Г. и Д., II, № 15, в Никон. л. под 1409 г. и Новг. IV л. под 1403 г. (в Соф. I л. только отмечено: «присла Едигѣй свою грамоту къ великому князю на Москву»). Сравнивая текст грамоты Никон. и Новг. IV л. с текстом, напечатанным в С. Г. Г. и Д., находим, что тексты Новг. IV и Никон. лл. имели один общий протограф; так, в Никон. и Новг. IV лл. по сравнению с текстом С. Г. Г. и Д. отсутствует: 1) перечисление «старейших» бояр, 2) упоминание об «оброках» Джанибека. «Посажение» не было перенесено в Москву: Василий Дмитриевич был посажен во Владимире (послом Шихматом) в 1389 г.

[2] Никон., 1392; см. также Тв. сб., 1391; Шериф-ед-дин: «и у тех несчастных (бегущих) спереди оказалась река Итиль, сзади губительный мечъ» (Т и з., II, рукоп.).

Карамзин относит к этому походу известие о том, что князь Василий Дмитриевич уехал от царя Тохтамыша «за Яикъ» (V, примеч. 143). Текст Влад. Полихрона относит известие об этом к 1389 г. Так, в Новг. IV и Соф. I лл. оно стоит под 1389 г. и, следовательно, в их общем протографе; в Воскр. л. оно помещено под 1390 г., откуда, повидимому, попало в Никон. л., где помещено под 1391 г. Таким образом, его можно относить и к событиям 1389 г., что подтверждается как будто известием Шериф-ед-дина, что Тохтамыш в 1389 г. собрал войско, «состоявшее из русских, черкесов, болгар, кипчаков, аланов, (жителей) Крыма, Кафы и Азова да башкирдов и мокши» (Т и з., II, рукоп.).

Нижний прибыл и Василий Дмитриевич. Владимирский Полихрон сообщает, что великий князь Василий Дмитриевич вторично («въ другий рядъ») ходил в Орду и получил, кроме Нижнего, Муром, Мещеру и Тарусу (По Никон. л. — и Городец). Московский свод 1409 г. не упоминает об этом. Но известие о вторичной поездке великого князя в Орду подтверждается Новгородской I летописью, где читаем, что он пошел в Орду «позванъ царемъ». Судьба Нижегородско-Суздальского княжества была решена. Князь Борис, его княгиня и дети были разведены «по градомъ». Навлек на себя гнев московского князя, почувствовавшего, что руки его развязаны, и князь Василий Суздальский. Борис умер в заточении, а Василий с братом Семеном спаслись бегством в Орду, надеясь еще на помощь Тохтамыша.

Таким образом, Нижегородско-Суздальское княжество отошло во власть Москвы. Но Тверь сохраняла свою самостоятельность. И как раз к началу 90-х гг. (когда со стороны Москвы стала грозить опасность) относятся известия, свидетельствующие о том, что Тверь, получившая независимое от Москвы положение, спешила закрепить его работами по возведению новых укреплений. [1]

Сокрушительный удар, нанесенный Тимуром Тохтамышу в 1395 г., на время расстроил политическое состояние Орды. Тохтамыш потерпел полное поражение. Ханом улуса Джучиева был назначен Койраджак, сын Урусхана. Тохтамыш бежал «с несколькими лицами» и «прибыл в страну Буляр в лесистую местность». [2] Вероятно, туда же бежал и князь суздальский Семен Дмитриевич. По сведениям нашей летописи под следующим годом, он напал во главе татарского отряда на Нижний. Узнав об этом, великий князь Василий Дмитриевич Московский не остановился перед решением организовать поход на Болгары. Испугавшись «москвичей», татары покинули Нижний. Армия под начальством Юрия Дмитриевича взяла Болгары, Казань, Жукотин и Керемянчук и, повоевав «землю татарьскую», возвратилась «съ многою корыстью». [3]

Сарай подвергся страшному разгрому (см. у Шериф-ед-дина) от войск Тимура. После 1395 г. Тохтамыш в Сарае монет не чеканил. Он чеканил их в Астрахани и в «Орду-эль-Муаззам». Судя по житию Стефана Пермского, Тохтамыш кочевал к западу от Волги.[4] На ряду с Тохтамышем, между тем, появился другой «царь», выдвигаемый на престол Едигеем. Сражаясь на стороне Тимура в 1391 г., Едигей, после того как Тохтамыш был разбит, попросил разрешения у Тимура собрать своих людей. Получив ярлык, он собрал своих людей, но в войско Тимура не вернулся, а ушел в степь. [5] В 1396—1397 гг. он напал на Крым и осадил

[1] Насонов А. Н., Лет. пам. Тверск. княж., стр. 752, и Никон., л., 1394.

[2] Шериф-ед-дин (Т и з., II, рукоп.). Буляр-Булгар: см. Bretschneider, Méd. res., II, 1910, p. 81.

[3] Новг. IV и Соф. I, 1395; ср. Никон., 1396; Воскр. и Никон., 1399.

[4] В 1396 г.

[5] Шериф-ед-дин (Т и з., II).

Кафу. [1] Ибнарабшах говорит о 15 сражениях между Едигеем и Тохтамышем. [2] Как видно, еще до поражения и бегства Тохтамыша в 1398 г., он не раз испытывал нападения со стороны Едигея. По житию Стефана Пермского, Едигей обладал «Заволжским царством»: Стефан умер «въ лѣто 6000 девятьсот 4 (т. е. — 1396.г.)... в шестое надесять лѣто владычества Тактамыша царя иже обладающоу емоу Мамаевою Ордою, Заволжьское царство обдержащоу второмоу царю, именемъ Темирькоутлоую...» [3] Так продолжалось до 1398 г., когда Тохтамыш был совершенно разбит Тимур-Кутлуком и бежал в Литву. [4]

В эти годы, с 1395 по 1398, в Москве, повидимому, перестали считаться с Тохтамышем. Летописи не говорят о том, чтобы великий князь ездил в Орду или отпускал кого-либо из московских князей. Судя по отношениям к Орде, в последующие годы дань уплачивалась плохо или даже совсем не уплачивалась. Летописи не сообщают о том, чтобы Тохтамыш присылал на Русь в эти годы своих послов: только в 1398 г., когда казалось, что он «от съпротивныхъ освободишуся», он разослал своих послов «по всѣм странамъ»: это было незадолго до его поражения Едигеем и бегства.

Сделавшись, таким образом, хозяином Орды (ханов он сменял в Орде по своему усмотрению, о чем свидетельствуют и русские летописи), Едигей не мог помириться с теми отношениями, какие установились между Москвой и Ордой. На первых порах он ограничивался тем, что посылал в Москву посольства.[5] Но затем мы видим усилия вернуть Москву к тем отношениям, какие существовали в счастливый период царствования Тохтамыша; путь, по которому он шел для достижения своей цели, был именно тот, которым шел в первые годы Тохтамыш: поддерживая местный сепаратизм, он отрывал местные княжества от Москвы и тем самым ослаблял ее волю и влияние. Именно Тохтамыша брал Едигей себе за образец; недаром в своей грамоте московскому князю он вспоминал про старые времена боярина Федора Кошки, ведавшего при Тохтамыше ордынские дела. Следуя по этому пути, Едигей старался сохранить самостоятельное по отношению к Москве положение

---

[1] Элайни (Тиз., I, стр. 631).

[2] Тизенгаузен, I, стр. 470.

[3] См. текст жития в изд. Археогр. ком., 1897 г., стр. 85, и в Пам. др.-р. литер., в. IV, стр. 159.

[4] См. Тв. сб., а также Воскр. и Никон. лл. под 1398 г. Несколько ранее летопись отмечала, что он воевал «Поморскиа грады» (в Никон. и в Троиц. лл.).

[5] Так, в 1403 г. «приходилъ из орды на Русь посолъ, царевичъ Ентякъ, и был на Москве да изъобъмлъвилъ Микулу Татарина» (Воскр. л., а также и в Троицк. л.: Карамз., V, примеч. 203); в 1405 г. «приде къ Великому князю от царя Шадибека посолъ, именем Мирза, иже бѣ казначей Царевъ (в Троицк. л.: Карамз., ibid.): приезд «царева казначея», очевидно, был связан с требованием денег. Ср. обвинения, предъявленные Едигеем московскому князю в грамоте: «а что еси имал в твоеи державѣ со всего улуса з дву сохъ рубль, и то сребро где ся дѣваетъ?»

княжеств Рязанского и Тверского, а также восстановить самостоятельность Нижегородского княжения.

В 1402 г. великое княжение Рязанское по смерти отца получил в Орде князь Федор Ольгович. Вернувшись из Орды, он заключил с московским князем договор, в котором назывался «молодшим братом» московского князя. Он обязывался «не пристати къ Татаромъ ни которою хитростью». Ему разрешалось посылать в Орду своих киличеев и принимать татарского посла, но, посылая в Орду киличеев, он должен был сообщать о том в Москву; Москву же он должен был уведомлять о том, что слышал «отъ Орды»; если же Орда «отдалится» от московского князя, он, согласно договору, должен был с московским князем «учинити по думѣ». [1] Едигей не мог с этим помириться. Татары совершили набег на рязанские земли, может быть, даже без ведома Едигея; сам Едигей готовил некоторые шаги. В 1408 г. из Орды от Булат-Салтана приехал князь Иван Владимирович Пронский в сопровождении царева посла. Из дальнейшего выясняется, что ему дали в Орде Булат-Салтана татарский отряд. Вскоре вслед за его приездом в Пронск он напал с татарами на Федора Ольговича и прогнал с Рязани; вместе с ним был и посол. Московский князь оказал было помощь своему союзнику, но потерпел поражение. Таким образом, Федор Ольгович с Рязани был согнан, и там сел на «великом княжении Рязанском» Иван Владимирович. Спустя некоторое время, рязанские князья помирились и заняли свои отчины; Иван Владимирович ушел в Пронск. [2] Понятно, что при движении Едигея на Москву (в 1408 г.) Рязань сильно пострадала.

Та же политика получила отражение и в отношениях Едигея с Тверью. В 1407 г. из Твери в Москву поехал князь Юрий Всеволодович, «ища великого княженіа Тверскаго подъ великимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Тверскимъ». Заметим, что Иван Михайлович был в ссоре с московским князем, о чем подробно рассказывает нам тверская летопись. С Ордою Едигея он установил связь с самого начала (в 1400 г. посылал своих киличеев). Из Москвы Юрий поехал в Орду; в Орду же поехал («на судѣх Волгою») и великий князь тверской Иван Михайлович. Когда Юрий приехал в Орду, хан отклонил его домогательства, дал ярлык на великое княжение Тверское Ивану Михайловичу и с послом отпустил в Тверь. Не задерживаясь, он поехал на родину. Между тем Юрий получил в Орде весьма решительный отпор: летопись говорит, что после суда «обиниша Юриа» и Юрий бежал в Астрахань. Иван Михайлович вернулся зимой, а весной приехал на Москву и Юрий в сопровождении татарского посла. Возвращение его на Москву с татарским послом и дальнейшие события были бы совершенно непонятны, если бы мы не знали, что происходило в это время в Орде. Как раз, когда князья поехали в Орду, там произошла «замятня

---

[1] С. Г. Г. и Д., I.
[2] Тв. сб., 1408; Воскр., Никон. лл.. 1408.

велика»: Едигей согнал с престола Шадибека и посадил Булат-Салтана. Но Шадибек не перестал чеканить монету: только после 1407 г. он чеканил на Кавказе, в Дербенте (и, вероятно, в Шемахе и в Баку). К тому же из слов летописи видно, что переворот прошел не без борьбы: «и князей многихъ ординскихъ посѣкоша». [1] Таким образом, в то время как в Орде Едигея был посажен на престол Булат-Салтан, Шадибек ускользнул на юг — вероятно, сначала в Астрахань, откуда проехал на Кавказ, где и остался. Ясно, во всяком случае, что когда князь Юрий «бежа» в «Азтороканю», он бежал именно к царю Шадибеку, надеясь от него получить права на княжение, и действительно какие-то права получил и вернулся в Москву в сопровождении посла. Дальнейшие события подтверждают это. Юрий остался в Москве, а посла (Мамант-Дербыша) отпустил в Тверь, как говорит тверская летопись, согласно распоряжению московского князя (Василия). Одна из редакций тверской летописи, повидимому свод Ивана Михайловича, передает содержание переговоров: посол сообщил, что «царь далъ Юрию Кашинъ и десять волостей Тверскихъ». [2] Иван Михайлович отклонил его заявление, ссылаясь на то, что он «сам вчера отъ царя приидохъ» и что «посолъ царевъ днесь» у него есть и «ярлыкъ царевъ данъ» ему «есть на всю землю Тверскую и сам Юрый в ярлыцѣ царемъ данъ» ему; он сказал послу, что его «не послушает», пока не выяснит дела в Орде. Весьма важно, что одна из редакций тверской летописи (и, кажется, наиболее древняя) сообщает, что «посол царев» Юрия отъехал на Москву, «корму не взявъ, бѣ бо ему ни приказано, а Едигеева посла великий князь честивъ и отпусти». Мы видели, что в Твери был другой посол, приехавший вместе с Иваном Михайловичем. Таким образом, из текста летописи можно заключить, что посол, приехавший с Юрием, не был «Едигеевым», как по ходу событий мы и ожидали. [3]

Итак, Едигей не допустил на Тверской великокняжеский стол московского союзника. Той же политики он придерживался и в отношении к Нижнему-Новгороду; только там задача была слож-

---

[1] Тв. сб.; Никон., л., 1407—1408.

[2] Тв. сб.; Моск. летописи, кажется, умалчивали или кратко упоминали о неудачных похождениях Юрия. В Троицк. л. 1409 г. упоминалось, что князь Юрий Всеволодович «тферский» пришел из Орды и привел с собою на помощь посла «добиваяся Кашина, да третьей части Тфери: князь же Иван Михайлович (не назван великим князем) не съступися ему; они же возвратишася к царю Булатъ-Салтану»: так читаем в примечаниях Карамзина (V, 213). О бегстве Юрия в Астрахань (от Едигея) в Троицк. л., повидимому, не упоминалось.

[3] Юрий снова бежал в Орду, и более о нем летописи не упоминают. В Соф. II л. упомянуто, что Едигей во время похода на Москву посылал «ко князю Ивану на Тфѣрь царевича Булата, да ко князю Юрью Кабердѣя» (так и в Льв. л., Этторовой рукоп.); фраза «да ко князю Юрью Кабердѣя» произошла, повидимому, от неправильного чтения фразы «да князя Ериклибердѣя», как в Воскр. л.; Ериклибердей упомянут и в другом месте Воскр. л. (при перечислении князей, а также и в Симеон. л.; в Соф. II л. он также упомянут (Ермоклиберди); Кабердея же при перечислении князей нет и в Соф. II л. Таким образом, о Юрии Всеволодовиче летописи (после известия о его отъезде в Орду в 1408 г.) более не упоминают.

нее, поскольку дело шло о восстановлении самостоятельности Нижегородского княжения. Анализ материала приводит к предположению, что Данило и Иван были посажены в Нижнем Едигеем во время его нашествия. Из рассказа о набеге царевича Талыча справедливо заключают, что Данило и Иван уже сидели в Нижнем-Новгороде. Летопись говорит, что «князь Данило Борисовичъ Нижняго Новагорода приведе къ себѣ царевичя Талычу» и с ним послал своего боярина Карамышева на Владимир, т. е., как можно думать, князь уже в Нижнем видел, куда привел «къ себѣ» Талыча и откуда послал его вместе со своим боярином на Владимир. Общий протограф Симеоновской и Рогожской летописей говорит о «князьях новгородских», т. е. нижегородских. Ежели появление Талыча последовало в июле 1410 г., т. е. вскоре после Едигеева нашествия (и в год приезда Фотия), то всего вернее думать, что сыновья Бориса Данило и Иван были посажены Едигеем во время его нашествия, когда татары занимали Нижний-Новгород и Городец. Так или иначе, если в Нижнем сели старые враги Москвы, самостоятельность Нижегородского княжения была восстановлена, хотя и не надолго. Предстоящий поход Едигея в ноябре — декабре 1408 г. на Москву держался в тайне. Еще в августе на Москву прибыло от Едигея посольство, и с Москвою сохраняли видимость дружеских отношений. [1] Отсюда понятно, что вопрос о восстановлении самостоятельности Нижегородского княжения до начала военных действий Ордою не подымался. Во время похода Едигей обратился к одному из русских князей с повелением итти на помощь против осажденного города: летопись говорит, что, стоя под Москвой, в селе Коломенском, Едигей послал к тверскому князю царевича Булата и князя Ериклибердея с повелением двигаться к нему на помощь с пушками, тюфяками и самострелами.

Итак, в своей политике Едигей шел по стопам Тохтамыша. Политика эта была направлена к тому, чтобы поддерживать местный сепаратизм, отрывать местные княжества (Рязанское, Тверское, Нижегородское) от Москвы и тем самым ослаблять ее волю и внутриполитическое значение. Но реальное соотношение сил уже было не то: поход на Москву Едигей предпринял только на 11-й год своего господства в Орде. Отношения же Москвы к Орде он получил в наследство от последних лет царствования Тохтамыша, когда с Ордой мало считались. И положение в самой Орде было не настолько устойчиво, чтобы можно было сразу решиться на поход против Москвы. Отсюда понятны неудачи Едигея. Мы видели, что Иван Владимирович добровольно уступил Рязань в обмен на Пронск. Тверской князь не оправдал надежд Едигея во время похода: он прямо не ослушался Едигея, но и не пожелал быть в числе нападавших на Москву. Он сделал вид, что исполняет приказание, выступил, но «не въ мнозѣ дружинѣ» и с дороги (из Клина) вернулся. Едигей

[1] Свѐдения о намерениях Едигея были получены Василием Дмитриевичем Московским в ноябре (Никон., 1408—1409).

Москвы не взял. Как известно, он должен был снять осаду города, так как «скоропосольници» принесли из Орды тревожную весть: в его отсутствие Орда подверглась нападению одного из «царевичей»; пришлось удовлетвориться «окупом». Нижегородские князья, повидимому, в 1410 г. ушли в Болгары или на Мордву, откуда выходили в 1411 г. с болгарскими, жукотинскими и мордвинскими князьями. Когда в Орде утвердился Зелени-Салтан, он дал «князьям Нижнего Новагорода» ярлыки на Нижегородское княжение, и они вышли из Орды, пожалованные своей вотчиной (Никон., 1412). Московское княжение было обессилено. Значительная часть центрального района — Переяславль, Дмитров, Серпухов, Верея, а также Ростов, Нижний-Новгород и Городец — была опустошена. От Городца войска Едигея двинулись вверх по Волге, намереваясь дойти до Костромы и Вологды, и только весть из Орды помешала этому плану. Таким образом, значительная часть территории, бывшей фактически под властью Москвы, была опустошена, а оставшееся население терроризировано татарами: «овии сѣчахуть, овии въ плѣн ведяху и тако множество людии бесчислено изгибоша... Да аще явиться где единъ Татаринъ, то мнози наши не смѣяхоуть приближитися ему, аще ли два или три мнози Руси, жены и дети мечюще, на бѣгъ обращахоуся... Много же плѣниша распущении Едигѣем Измаильте...»[1] Когда Фотий прибыл на Русь (1410 г.), он застал картину печального запустения (ср. его духовную: С. Г. Г. и Д., II, № 17).[2] Опасность опустошений и после Едигеева нашествия не миновала; мы видели, что в июле 1410 г. были опустошены г. Владимир и окрестные «села и волости». Московское княжение было обессилено, и нет ничего удивительного, что московский князь сам поехал к Зелени-Салтану, опасаясь, кроме того, литовских интриг в Орде. И после Едигея Орда не сразу отказалась от своей старой политики. Зелени-Салтан, как мы видели, успел выдать ярлыки нижегородским князьям; он вызвал также из Твери в Орду тверского князя. Тверское княжество (никогда не входившее в состав великого княжества Владимирского, в отличие от Нижегородского) надолго сохранило свою независимость от Москвы. Но Нижний-Новгород сохранять самостоятельное положение долго не мог. Когда в 1414—1415 гг. Поволжье охватила анархия, московский князь не замедлил очистить Нижний от своих недругов.[3] Только в царствование Улу-Мухаммеда князю Даниле удалось еще раз выйти (из Орды) «великим князем» на Нижегородский стол. Орда не оставляла своих старых притязаний, но политики в прежнем смысле вести не могла, разлагаясь и вырож-

[1] См. Рог. и Симеон. лл.

[2] Ср. Рог. и Никон. лл. О «Едигеевом полоне» см. в догов. грамоте, пис. около 1433 г.: С. Г. Г. и Д., I, № 48.

[3] Как явствует из нумизматического материала, как раз в этот год, т. е. в 817 г. гиджры, Поволжье было охвачено смутой. Так, в течение одного 817 г. в Болгарах чеканили монету, во-первых, Чокре, во-вторых — Кобяк. В Астрахани, во-первых, Чокре, во-вторых — Джеббар Берди. Монеты Сарая известны, чеканенные Чокре, но предыдущего года.

даясь сама. Разложение и вырождение Орды вносили новые черты в татарско-русские отношения, как было и ранее во второй половине XIV в., в эпоху смут в Золотой Орде, при Мамае и великом князе Дмитрии Донском. А борьба с татарами, оборона страны от нашествий монголов повлияла на ход политического развития Восточной Европы.

Итак, мы видим одну и ту же политику Орды и при Мамае, и при Тохтамыше, и при Едигее. Ее смысл сводится к борьбе против усиления Москвы. Опасность усиления Москвы выросла в эпоху смут, в момент разложения золотоордынского государства, когда началось народное движение за объединение Руси вокруг Москвы и за борьбу с татарами, но опасность усиления Москвы сознавалась Ордою и ранее: традиционная политика Орды в основе своей была выработана до эпохи смут, когда татары стали поддерживать в противовес Москве княжество Нижегородско-Суздальское. Стремление татар «уравновешивать силы князей» заметно и в отношении к Тверскому княжеству, хотя в отношении к Твери Орда соблюдала осторожность, так как недалеко было то время, когда Тверское княжество представляло собою самое сильное на Северо-востоке княжество (в начале XIV в.). Но с началом ордынских смут возникла опасность поглощения Твери Москвою, и политика Орды в отношении к Тверскому княжеству определилась с полной ясностью (Мамай). Орда ведет борьбу против объединения Руси Москвою. Она восстанавливает самостоятельность Нижегородско-Суздальского княжества, Тверского и Рязанского (Тохтамыш) и в дальнейшем тормозит процесс собирания власти Москвою, охраняя самостоятельность Твери, поддерживая сепаратизм Рязани (Едигей) и пытаясь восстановить самостоятельность великого княжения Нижегородского (Зелени-Салтан, Улу-Мухаммед).

***

Резюмируем наши наблюдения.

Появление первой военно-политической организации на Северо-востоке относится к 1257 г.; оно последовало вслед за переписью и стояло в связи с общеимперскими мероприятиями, предпринятыми в царствование императора Менгу; организация эта появилась тогда, когда особенно потребовались средства «охранения» (при переписи за единицу брали не голову, а дом или семейство, подобно тому, как это было принято в Китае; причем, повидимому, принимали во внимание и имущество плательщика); на должность «даругаци» в Россию был назначен сын каанского зятя (1257 г.), обязанностью которого было, как можно думать, не только наладить дело «исчисления», но и создать военно-политическую организацию: на Руси были «поставлены» баскаческие отряды, причем собственно «поставлен» был командный состав, начиная с десятника (десятники, сотники, тысячники, темники), а младший состав, как есть основания полагать, комплектовался преимущественно из тузем-

ного населения; анализ материала позволяет отожествить отмеченную в летописи (под 1257 г.) организацию (темники, тысячники) с баскачеством и тем самым установить, что охрана порядков монгольского владычества была непосредственно в руках монгольской степной аристократии. Главным баскаком был баскак владимирский, называвшийся «великим»; другие баскаки держали баскачество разных княжений. Задачей баскаческих отрядов было держать в повиновении покоренное население. В отношении сбора налогов их обязанностью было не столько сбор, сколько понуждение при сборе, поддержка сборщиков. Но собственно их назначение шире: заменять войска монгольские.

В первые десятилетия владычества мы не видим, однако, желания руководить великим княжением Владимирским или изменить «внешнюю» политику Владимирского стола. Батый даже поддерживал общерусские притязания Владимирского стола, руководясь политическими соображениями; решающее значение имело поведение соперника владимирского князя — князя черниговского: общность в тактике его по отношению к Орде с галицким князем. Опасения вторжений с запада вызвали передвижение Куремсы на запад в конце 40-х — начале 50-х гг. XIII в., с чем, повидимому, был связан переход окраинных районов Юго-западной Руси под непосредственную власть татар. Равным образом, в связи с западными, неприязненными Орде течениями, в Орде не могли относиться с доверием к митрополиту; а между тем особенно с 1261 г., когда Константинополь был взят Михаилом Палеологом, вопрос о сношениях хана с Византией приобретал серьезное политическое значение. В 1261 г. (1261—1262), когда Константинополь был взят Михаилом, в Сарае была учреждена с особым значением епископская кафедра: на сарайского епископа (б. переяславский) переносились те самые функции, которые лежали на митрополичьей кафедре (сношения с византийским императором и патриархом) в данных условиях (посылался, напр., от хана). Таким образом (и в силу других обстоятельств), город Киев как митрополичья резиденция в значительной мере терял свое политическое значение. И хотя мы не видим попыток со стороны Орды изменить политику Владимирского стола в первые десятилетия владычества, нашествие монголов уже в первые десятилетия произвело решительный сдвиг во внутренней жизни древней Руси. Еще в домонгольскую эпоху сложились условия, благоприятствовавшие образованию сильной княжеской власти на Северо-востоке. В XI в. на южных путях сношения с Востоком были затруднены вследствие нашествия половцев, что на ряду с другими причинами ускорило рост экономического и политического значения Ростово-Суздальской земли, где шло движение на водных путях на Восток, к Каспию. На Северо-востоке создаются экономические условия, способствовавшие развитию сильной княжеской власти, претендовавшей на значение власти общерусской. Монгольское нашествие застало Россию в момент, когда шла борьба за преобладание в пределах русской равнины между Северо-восточным княжеством и Чер-

ниговским — двумя княжествами, лежавшими на территории Волжско-Окского бассейна. После татарского погрома Киев, в условиях феодальной раздробленности и в результате татарского нашествия, фактически безнадежно уходил с поля зрения Владимирского стола. Владимир хотели считать центром, столицей «Русской земли», но фактически Владимир был страшно обескровлен: ни Ростов, ни Ярославль, ни Углич, ни Тверь не подверглись, кажется, такому разгромлению, не испытали такого беспощадного избиения своих обитателей. С разгромом и опустошением г. Владимира после татарского нашествия центр жизни Ростово-Суздальской земли передвинулся на север. Средоточием церковной и общественной жизни края сделался Ростов — древний вечевой центр волости. Туда, на территорию Ростовского княжества, потянулось сбитое со своих мест население. И оттуда, со стороны старого Ростова, поднялась в 60-х гг. XIII в. волна вечевых восстаний против порядков ордынского владычества.

Выступление в 1262 г. северо-восточных городов ближайшим образом было направлено против мусульман— откупщиков ордынской дани. Исследование устанавливает, что откупщики приезжали от императора монгольской империи, а не от Берке, не из «Золотой Орды». В начале 60-х гг. XIII в. в империи начались смуты, способствовавшие отделению «Золотой Орды» от империи. Если момент для восстания был благоприятен, то возможно, что сведения о прикосновенности к делу Александра Невского не лишены некоторых оснований. Известия о вечевых восстаниях 1262 г. свидетельствуют об известной согласованности в выступлении городов. Во главе вечевой организации Северо-восточного края стоял «старейший» город волости — Ростов. Естественно, что в в дальнейшем Ростов играет роль очага вечевых волнений. Какие же меры принимала Золотая Орда? Прежде всего, конечно, — меры баскаческого «охранения». Географическая номенклатура края свидетельствует об усиленном баскаческом «охранении» именно на территории Ростовского княжества. Мероприятия, связанные с усилением баскаческого «охранения» в пределах Ростовского княжества, не могли, однако, сами по себе, уничтожить самый источник непокорства, коренившийся в укладе местных отношений. Выполнение такой задачи требовало проведения какой-то политической программы. Поскольку баскаки действовали совместно с князьями, надо было сделать местных князей в полной мере татарскими «служебниками»; поскольку непосредственным источником «непокорства» были вечевые выступления, надо было оторвать князей от местной бытовой почвы, сблизить с Ордою и этим самым в значительной мере обезвредить эти выступления и, наконец, использовать князей для борьбы с непокорными (в основе своей прием этот не был новостью в политической практике монголов).

Важным источником для выяснения истории отношений между Ордою и ростовскими князьями служит «Житие Федора Ростиславовича Ярославского» (в редакциях Антониевой и Степенной книг),

известия которого вполне согласуются со сведениями летописных сводов, а также «Повесть об ордынском царевиче Петре».

Летописный материал совместно с указанными источниками позволяет установить, что ростовских князей ставят в Орде в совершенно исключительное положение: на них направлено усиленное внимание как раз с 60-х гг. XIII в. Вообще говоря, начиная с 60-х гг. XIII в. в Волжскую Орду из Северо-восточной России приезжали почти исключительно князья ростовские да их верный союзник князь Андрей Городецкий. Исследование обнаруживает, что отношения между Ордою и ростовскими князьями приобрели большую прочность, коренившуюся в политическом характере их содержания. Сведения о поездках в Орду и о волнениях в разных городах заставляют думать, что боярство шло в данном случае вслед за князем.

Ряд данных характеризует политику Орды и обнаруживает ее конечную цель. [1] Служба хану (о ней свидетельствовали и сами ростовские князья) выражалась не только в участии в походах вместе с татарами. Чем более ростовские «служебники» хана сближались с Ордою, тем легче и успешнее они и местное боярство могли быть у себя на родине использованы татарами в интересах ордынского владычества и в конечном счете — для борьбы с непокорными. Тяготясь своей ролью ревностных «служебников», ростовские князья были вынуждены выступать и с официальным оправданием своей деятельности (см. летописный текст), ссылаясь на защиту населения от обид и утеснений. Но уже в конце XIII в. они не смогли бы выступить и с таким оправданием своей деятельности. Когда (в конце XIII и в начале XIV в.) в Ростове и в Ростовском княжестве начались новые волнения, ростовские князья принуждены были выступить на стороне тех, кто оружием подавлял сопротивление города ордынскому владычеству в Ростовском княжестве. Политика Орды в отношении к Ростовскому княжеству была сопряжена с сознательным вмешательством монголов во внутренний политический распорядок Северо-восточного края. Оно имело существенные последствия. Во-первых, вмешательством во внутреннюю политическую жизнь Северо-восточного края Волжская Орда создала себе в северных провинциях прочную базу на территории именно Ростовского княжества и приобрела себе послушных союзников и верных вассалов в лице ростовских князей. Во-вто-

[1] Материал подтверждает, что ростовским князьям приходилось не только часто ездить в Орду, но и подолгу там оставаться; некоторые из них удостаивались при дворе хана высокой чести; их сближали с Ордою и узы родственных связей. Но если с одной стороны положение ростовских князей как «служебников» хана, в ревностной службе которых ханская ставка была весьма заинтересована, обусловливало особо внимательное отношение Орды, то, с другой стороны, то же положение ставило и определенные границы близости ростовских князей к ханскому двору; но хотя потомки царского «корени» «выше честь принимали» в Орде, тем не менее ростовские князья и сами могли (судя по тексту «жития Федора Ростиславовича»), в качестве «служебников» хана получать бояр и даже князей «на послужение».

рых, было окончательно уничтожено значение Ростова как старого вечевого центра всей Ростово-Суздальской волости и задавлена вечевая жизнь в городах Ростовского княжества. В-третьих, наконец, из Ростовского края от ордынских властей и под страхом разорения от татарских ратей, приходивших с юго-востока, население разбегалось и сбивалось на западные окраины Северо-восточной Руси. Эти новые явления русской жизни не замедлили оказать свое действие на ход ближайших событий конца XIII и начала XIV в.

Еще в 70-х гг. XIII в. в Золотой Орде стал намечаться второй на ряду с Поволжьем военно-политический центр, а со смертью Менгу-Тимура (т. е. с 1280—1282 г.) в Золотой Орде прямо образовалось два военно-политических лагеря. Установившееся (до 1299 г.) в Орде двоевластие непосредственно отразилось на политических взаимоотношениях на Руси. В соответствии с двумя военно-политическими центрами в Золотой Орде, в Северо-восточной Руси образовались две взаимно враждебных политических группы.

Одна из них признавала «царем» Ногая: это князь Дмитрий Александрович Переяславский и его соратники; другая — не признавала: прочные связи по родству и «службе» сделали ростовских князей верными вассалами ханов Поволжья; вместе с Андреем Городецким они ориентировались на Волжскую Орду.

В эпоху двоевластия в Орде, в последней четверти XIII в., произошли, повидимому, некоторые изменения в организации эксплоатации русского Северо-востока, отразившиеся на организации ордынского владычества в последующее время: в эпоху двоевластия великий князь владимирский начал сам собирать ордынскую дань и отвозить ее в Орду.

О баскаках в последней четверти XIII в., в годы двоевластия в Орде, в княжествах, враждебно относившихся к Волжской Орде (Тверском, Переяславском, Московском), мы сведений не имеем. В Ростовском княжестве, признававшем Волжскую Орду, баскак сидел еще (судя по летописному известию 1305 г.), в начале XIV в. К концу XIII в., в результате существования двух политических ориентаций, образовалось два враждебных лагеря: в одном (в союзе) — представители г. Переяславля, князь тверской и князь московский, в другом — князья ростовские, к которым примыкал их верный союзник князь Андрей Городецкий. Еще при жизни Ногая (на исходе XIII в.) волжский хан делал как будто попытку (не без помощи сарайского епископа) примирить первую группу с ростовской группой князей (съезд 1297 г.). С окончанием смут (около 1299 г.) и гибелью Ногая в Волжской Орде встал по новому вопрос об отношении к Твери, Москве и Переяславлю. На первых порах, ограничиваясь дипломатическими мероприятиями, волжский хан, повидимому, направляет свою политику к тому, чтобы расколоть союз Твери и Москвы, независимо настроенной по отношению к Волжской Орде; далее он ведет наступление на Тверь.

Анализ событий 1317—1318 гг. (поход Кавгадыя на Тверь, убиение Михаила Тверского) показывает, что не московскому князю принадлежала инициатива наступления на Тверь. Поведение Орды в отношении к Твери вытекало из предыдущих событий (знаем, напр., что тверской князь ездил к Ногаю) и определялось тем, что Тверское княжество было самым сильным на Северо-востоке. Отсюда понятна задача ордынской политики: изолировать Тверь и сделать московского князя своим послушным орудием, что и оказывается на деле: вернувшись из Орды на великое княжение Владимирское, Юрий в своей великокняжеской деятельности действительно играет роль верного слуги хана, блюстителя ордынских интересов; не без успеха на ту же роль татары выдвигают затем брата Юрия — Ивана Даниловича. Но и в отношении к Москве существуют опасения, соблюдается осторожность: по смерти Димитрия, например, великое княжение Владимирское передается Александру (Тверскому), а после восстания в Твери и бегства Александра (1327 г.) особенное внимание обращено на князя суздальского. Как правильно отмечено Марксом, — «для того, чтобы поддержать рознь среди русских князей и чтобы обеспечить за собою их рабское подчинение, монголы восстановили достоинство великого княжения (Владимирского)». [1]

С ярлыком на великое княжение Владимирское были связаны особые полномочия и особая территория. Татары принимали активное участие в образовании состава территории этого княжения и вмешивались во владельческие распорядки на Руси. Земля великого княжения Владимирского определялась известным количеством «темь» («15 темь»). В Орде опасались усиления князя, получавшего ярлык на великое княжение Владимирское. Отсюда понятны разделы земли великого княжения: первый — в 1328 и второй — в 1341 г., когда по воле хана было образовано особое великое княжение Нижегородско-Суздальское. Чрезвычайно характерно, что хан решительно воспротивился попытке московского князя вернуть под свою власть Нижний-Новгород и Городец. В Орде, передавая ярлык на «великое княжение Владимирское» московским князьям, стремились вместе с тем воспрепятствовать их усилению, и «приводить силы князей в равновесие». [2]

Ранее, в XIII в., в ведении «дороги» были не только «писцы», но и «даньщики». С конца XIII в. в б. Ростово-Суздальской земле князья, сами собирая дань с помощью своих даньщиков, передавали ее в Орду через великого князя владимирского. В XIV в., с образованием великого княжения Тверского, право передавать «выход» в Орду помимо великого князя владимирского получил великий князь тверской. Вероятно, это право получили и великие князья нижегородско-суздальские с образованием великого княжения Нижегородско-Суздальского. Возможно, оно было дано и некоторым другим князьям. На исходе 30-х гг. XIV в. мы видим, что

---

[1] Маркс, ор. с., р. 78.
[2] Маркс, ор. с., р. 80.

и рязанские князья непосредственно в Орду передают выход, помимо великого князя владимирского. Теперь князья отдельных княжеств имели дело каждый со своим «дорогой», т. е. московский князь — с «дорогой московским», тверской — с «дорогой тверским» и т. п.

Орда поддерживала в противовес Москве другие княжества, сохраняла их самостоятельность и непосредственно с ними сносилась. Принимая эти меры, Орда устранила или ослабила вредные с ее точки зрения стороны великокняжеской организации.

В первой половине XIV в. баскаки на Северо-востоке исчезают совсем. Деятельностью великого князя владимирского могло в некоторой мере восполняться отсутствие баскаков. Он также оказывал в интересах Орды давление на Великий Новгород. У себя дома, в своем городе, он не выходил, повидимому, из-под наблюдения особых ордынских чиновников. Усиление Москвы стало реальной опасностью в эпоху смут в Орде, когда на Руси началось народное движение за национальное объединение и за свержение татарского ига.

Покровительствуя городской торговле, монголы Золотой Орды, однако, сами оставались кочевниками по преимуществу. «Кочевой феодализм» не нашел в себе основ для создания устойчивого государственного образования. В начале XIII в. Чингис-хан пытался приспособить протекавший тогда процесс феодализации к интересам военной империи. Но империя распалась; и правильная система вассалитета, обязанного военной службой, повидимому, со временем утратила свой первоначальный характер. Во второй половине XIV в. мы наблюдаем небывалое усиление кочевой аристократии в Золотой Орде.

Уже в событиях второй половины XIV в., предшествующих распадению Золотой Орды, первенствующую роль играют «эмиры», «ордынские князи», группирующиеся вокруг того или иного хана или «сановника» и ведущие междоусобную борьбу. Эти междоусобия, предшествовавшие распадению золотоордынского государства, заметно не поколебали весьма прочно установившихся отношений зависимости Руси от ханской власти и значительно не нарушили существовавшего политического положения на русском Северо-востоке. Переломным моментом в положении «русского улуса» послужили события (в 60-х гг. XIV в.), совершенно изменившие положение Сарая, когда русский Северо-восток оказался от Сарая оторванным.

Распадение золотоордынского государства в 60-х гг. XIV в., оторванность Сарая привели к соперничеству Мамаевой Орды с Сараем за обладание «русским улусом». В этой обстановке для московского князя открылись некоторые возможности, прежде всего — привести в свою волю князей сарайской ориентации. Таким образом, вначале наступление Москвы не коснулось Твери и Рязани, ограничившись Нижегородско-Суздальским княжеством, фактически утерявшим свою независимость от Москвы. Распадение золотоордын-

ского государства, бывшее налицо в 1363 г., открыло новые возможности к расширению великого княжества Литовского на юге. Я разумею, во-первых, победу Ольгерда на юге Подолии, очевидно оторвавшейся от золотоордынского центра, и, во-вторых, занятие Коршева (тоже в 1363 г.) — факт, свидетельствующий о захвате восточных окраин Черниговщины Литвою, близко подошедшей, таким образом, к степям, где хозяйничала Орда (Мамая), так же оторвавшаяся от золотоордынского центра. На Северо-востоке, в условиях распадения Золотой Орды, определилось отношение московского князя к земле великого княжения (Владимирского), как к своей вотчине, обнаружившееся в последующих событиях.

После того как вопрос о соперничестве Сарая с Ордою Мамая на Руси отпал, не стало условий, благоприятствующих дальнейшему собиранию власти на Руси Москвою. Само по себе собирание власти Москвою не отвечало интересам Мамая, и в дальнейшем попытки московского князя привести в свою волю Тверь и Рязань встретили с его стороны противодействие. Так, в борьбе Москвы с Тверью Мамай явно встал на сторону последней. Не изменил своей политики Мамай и тогда, когда в Орде начались новые неурядицы, позволившие московскому князю пойти на «размирье» с Мамаем и подчинить своей власти Болгары. На Руси началось народное движение за объединение страны и за борьбу с татарами. По свидетельству тверской летописи, население «городов» великого княжения Владимирского шло за Москвою. Не имея достаточно сил (представление о том, что Мамай в годы, предшествовавшие Куликовской битве, выводил Орду из смуты, — совершенно ложно) привести московского князя к покорности, Мамай все же не оставался пассивным зрителем того, что происходило на Руси, и не изменил своей политики вплоть до событий, связанных с Куликовской битвой.

Смута в Орде окончилась с появлением Тохтамыша, во «власть и господство» которого «благодаря распоряжению» Тимура перешел «весь улус Джучиев». Москва приведена была к покорности. Но уже прежний характер господства вернуться не мог. На великокняжескую территорию прочно установился взгляд, как на наследственное владение московских князей, и великокняжеская деятельность утратила свое прежнее значение, связанное с великокняжеским ярлыком и особым положением земли великого княжения. В равной мере окончательно решена была участь некоторых княжений в смысле личной их зависимости от московского князя.

Эпоха Тохтамыша и его ближайших преемников была эпохой, когда Орда напрягала последние силы, чтобы удержать свое господство над Русью не номинально, но фактически; путь к этому представлялся один: препятствовать процессу объединения Руси Москвою, ослаблять ее волю и внутриполитическое значение, поддерживать местный сепаратизм, противопоставляя Москве княжества Тверское, Рязанское, Нижегородско-Суздальское. Эта поли-

тика не была новой. Опасность усиления Москвы выросла в эпоху смут, в момент разложения золотоордынского государства. Но она сознавалась Ордою и ранее: эта политика в основе своей была выработана до эпохи смут (великое княжество Нижегородско-Суздальское было в значительной степени обязано, как мы видели, своим существованием хану). В отношении к Тверскому княжеству тогда еще политика Орды носила двойственный характер, так как недалеко было то время, когда Тверское княжество представляло собою самое сильное на Северо-востоке княжество (в начале XIV в.). Но с началом ордынских смут, когда возникла опасность поглощения Твери Москвою, политика Орды в отношении к Твери определилась с полной ясностью (Мамай). Орда ведет борьбу против объединения Руси Москвой. Она восстанавливает самостоятельность Нижегородско-Суздальского княжества, Тверского и Рязанского (Тохтамыш) и в дальнейшем тормозит процесс собирания власти Москвою, охраняя самостоятельность Твери, поддерживая сепаратизм Рязани (Едигей) и пытаясь восстановить самостоятельность великого княжения Нижегородского (Зелени-Салтан, Улу-Мухаммед).

Итак, исследование позволяет установить факт и методы татарской политики на Руси на протяжении более полутораста лет. В течение всего этого времени татары стремились направлять внутриполитические отношения в завоеванной стране в интересах своего господства. Исследование обнаруживает, что татары не были политически пассивными завоевателями, и, выясняя в исторической перспективе методы их политики, заставляет признать факт значительного воздействия на ход развития нашей родины татар-завоевателей, создавших в Восточной Европе государственное образование, опиравшееся на феодально-родовую (кочевую) знать. Приходится признать, что татары вели активную политику, основная линия которой выражалась в стремлении поддерживать взаимную рознь отдельных политических групп — княжеств и тем препятствовать политической концентрации на Руси.

С упадком Золотой Орды в период смут в XIV и в первой половине XV в. появляются новые черты в русско-татарских отношениях, оказавших большое влияние на ход политического развития Восточной Европы. Политика Орды на Руси теряет направляющую силу, а нашествия монголов встречают отпор и вызывают открытое противодействие. Интересы обороны Руси от нашествия монголов требуют образования централизованного государства, способного противостоять нашествиям и разделаться с остатками ига татар.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ[1] И ЛИТЕРАТУРЫ

Акты исторические, 1, СПб., 1841.
Акты, относящиеся до юридического быта древней России, I, 1857.
Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I—V, 1846—1853.
Акты, собранные в библиотеках и архивах Росс. империи археогр. экспедицией имп. Акад. Наук, I, СПб., 1836.
Алфавитный список насел. мест Ковенской губ., изд. Ковенск. губ. стат. ком. Ковно, 1903.
Антонович Б. Очерк истории вел. княжества Литовского. Монографии, т. I, Киев, 1885.
Архангелогородская летопись. См. Летописец.
Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы. Спб., 1885.
Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Харьков, 1886.
Барсов Н. Материалы для историко-географического словаря России. Вильна, 1865.
Бартольд В. В. Улугбек и его время. Зап. Росс. Акад. Наук, VIII сер., т. XIII, № 5, 1918.
Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Верный, 1898.
Бартольд В. В. Образование империи Чингис-хана. Записки Вост. отд. русск. археол. общ., т. X, 1897.
Беляев И. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879.
Беляев И. Д. О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках. Архив истор.-юрид. сведений, изд. Н. Калачевым, кн. I. М., 1850.
Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.
Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. Труды Вост. отд. Русск. археол. общ., ч. VIII, 1864.
Бичурин. См Иакинф.
Борзаковский В. История Тверского княжества. СПб., 1876.
Брун. Черноморье, I, Одесса, 1879.
Буслаев Ф. И. Русская народная поэзия, СПб., 1861.
Буслаев Ф. И. Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861.
Валуев Д. О местничестве. Симбирский сборник. М., 1844.
Васильевский В. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Летоп. зап. Археогр. ком., в. IX, СПб., 1893.
Великие Четии Минеи. Памятники славянорусской письменности. Изд. Археогр. комиссии.
Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1863.

---

[1] В список не входят неопубликованные источники, цитированные в настоящей книге.

Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Зап. Росс. Акад. Наук, VIII сер., т. XIII, № 6, П-д, 1922.
Веселовский Н. И. Заметки по истории Золотой Орды. Известия отд. русск. яз. и слов. Акад. 1916, т. XXI, кн. 1.
Веселовский С. Б. Сошное письмо II, М., 1916.
Веселовский Н. И. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории, в Отчете СПб. унив. за 1910 г.
Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов, монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
Герберштейн. Записки о московитских делах, пер. Малеина. СПб., 1908.
Голубинский. История русской церкви, т. II, пол. I, П. М., 1900.
Голубовский. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895.
Гошкевич. Полный список населенных мест Виленской губ. Вильно, 1905.
Григора Никофор, Римская история, т. I. СПб., 1862.
Григорьев В. В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Сборн. «Россия и Азия», СПб., 1876.
Григорьев В. В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая. Зап. Арх.-нум. общ., т. II, СПб., 1850.
Грушевский М. Очерк истории Киевской земли. Киев, 1891.
Грушевский М. История Украіні — Руси, III, 1905.
Грушевский М. Хронологія подій Галицько-Волиньскоі літописи, 1901.
Дашкевич Н. Новейшие домыслы о Болохове и болоховцах. Унив. известия, № 6, 1884.
Дашкевич Н. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев; 1885, оттиск из Унив. известий.
Дашкевич Н. Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии Юго-Западной Руси с католичеством. Унив. известия, № 8, Киев, 1884.
Дополнения к Актам историческим, I, СПб., 1846.
Дьяконов М. А. Посильность обложения. Русск. истор. журнал, кн. 1—2, 1917.
Жданов И. Н. Русский былевой эпос. СПб., 1895.
Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Росс. империи, II, СПб., 1892.
Зотов Г. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. Летоп. зап. Археогр. ком., в. IX, СПб., 1893.
Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
Иванов А. И. Походы монголов на Россию по офиц. китайской истории Юань-ши. Зап. разр. военн. археол. и археогр. русск. военно-истор. общ., т. III. П., 1914.
Иванов А. И. История монголов (Юань-ши), об асах-аланах. Христианский Восток, т. II, в. III. СПб., 1914.
Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. I. Киев, 1908.
Иловайский. История Рязанского княжества. Сочинения, 1884.
Карамзин. История государства Российского, изд. Эйнерлинга, 1842.
Карпини Плано. История монголов, пер. Малеина. СПб., 1911.
Кафаров Палладий. См. Старинное монгольское сказание о Чингисхане.
Киссель Ф. История города Углича. Ярославль, 1844.
Ключевский В. О. Боярская дума. СПб., 1919.
Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как историч. источник. М., 1871.
Кобеко Д. Где находился город Бездеж. Журн. мин. нар. просв., ноябрь, 1892.
Книга Степенная царского родословия. См. Летописи.
Коркунов Н. А. Акты из дела о местничестве Сабурова с Заболоцким.., Изв. Акад. Наук по отд. русск. яз. и слов., т. V, в. VII. СПб., 1857.
Красносельцев Н. Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухаммедан. Казань, 1872.

Крылов А. Населенные места Подольской губ. Каменец-Подольск, 1905.
Кротков А. А. К вопросу о северо-восточных улусах золотоордынского ханства. Баку, 1928.
Кротков А. А. Никольский и Керенский клады джучидских монет в Трудах Сарат. учен. археогр. ком., 1915, в. 32.
Лаппо-Данилевский А. С. Очерки русской дипломатики частных актов, Архивные курсы. II, 1929.
Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360 до 7106 г. М., 1819.
Летописи, изданные Археогр. ком. в серии ПСРЛ.
Линниченко. Замечания на статью Режабка в сборн. «Болеслав-Юрий II», изд. Акад. Наук, 1907.
Лихачев П. Н. Два митрополита. СПб., 1913.
Любавский М. Очерк истории Литовско-Русского государства, 1915.
Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, 1893.
Любавский М. Образование основной государственной территории великорусской народности, Л. 1929 г.
Лэн-Пуль Стенли. Мусульманские династии, пер. с прим. и дополн. В. Бартольда. СПб., 1899.
Макарий. История русской церкви, т. IV. СПб., 1886.
Максимка В. Житие Александра Невского. Пам. др. письм. и искусств. СШ, 1913.
Маркевич А. О местничестве. Киев, 1879.
Маркевич А. История местничества. Одесса, 1888.
Марков А. К. О монетах хана Ногая. Труды Моск. нумизм. общ., т. III, 1905.
Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, литогр. изд.
Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и московитян. Архив истор.-юрид. сведений, относящ. до России, кн. 2, ч. 2. М., 1854.
Молчановский. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев, 1885.
Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле в XII и перв. пол. XIII в. Века, I, 1924.
Насонова А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. Изв. Акад. Наук СССР, 1929.
Насонов А. Н. Летописные своды Тверского княжества. ДАН-В, 1926, ноябрь — декабрь.
Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в., 1853.
Неволин К. А. Об успехах госуд. межевания в России до императр. Екатерины II, Полн. собр. соч., т. VI, СПб., 1859.
Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике. Тр. Моск. нумизм. общ., т. III, М., 1905.
Памятники древнерусского канонического права, ч. I. Русск. истор. библ., VI, СПб., 1908.
Патканов К. П. История монголов по армянским источникам, в. II. СПб., 1874.
Патканов К. П. История монголов инока Магакии, XIII в. СПб., 1871.
Пахимер Георгий. История Михаила и Андроника Палеологов. СПб., 1862.
Писцовые книги XVI в. Писцовые книги Московского государства, ч. I. СПб., 1877.
Петрунь Ф. Ханьскі ярлики на Українськіі землі. Східній світ, №2, 1928.
Петрунь Ф. Нове про татарську старовину Бозькодністряньского степу. Східній світ, № 6, 1928.
Петрунь Ф. Степове Побужжя... Журн. научно-исслед. кафедр в Одессе, т. II, 1926.
Повесть об ордынском царевиче Петре. Православный собеседник, 1859, ч. I.
Покровский М. Н. Русская история. т. I.
Пресняков А. Образование великорусского государства. П-д, 1918.

Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам, 1916.
Приселков М. Д. «Летописець» 1305 г. Века, I, 1924.
Приселков М. Д. и Фасмер М. Р. Отрывки В. И. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. П-д, 1916, ИОЯРС, т. XXI.
Родословная книга. Временник Моск. общ. ист. и др. росс., кн. IX. М., 1851.
Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. Малеина, 1911.
Русско-Ливонские акты. СПб., 1868.
Рязановский. Монгольское право. Харбин, 1931.
Савельев. Монеты Джучидов. СПб., 1857/58.
Сахаров Н. Сказания русского народа, т. II, 1849.
Сборник Кирши Данилова, изд. под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901.
Семенов П. Географическо-статистический словарь Росс. империи, т. I—V. СПб., 1863—1885.
Сергеевич. Древности русского права, 1911.
Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития, Чт. Общ. ист. и др. росс., 1915, кн. 3.
Середонин С. М. Историческая география. П-д, 1916.
Смирнов В. Д. Крымское ханство. СПб., 1887.
Смирнов М. И. Статья О князьях мещерских XIII—XV вв. с критич. замечаниями А. Черепнина в Трудах Ряз. учен. арх. ком. за 1903 г., т. XVIII, в. 2.
Снегирев. Москва, изд. Мартынова, т. I, 1865.
Собр. гос. грамот и договоров, т. I и II.
Соловьев С. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847.
Соловьев С. История России, изд. Общ. польза.
Список насел. мест Витебской губ., изд. губ. стат. ком., Витебск, 1906.
Список насел. мест Новгородской губ., Новгород, 1912.
Списки насел. мест Росс. империи, сост. и изд. Центр. стат. ком. мин. вн. дел.
Спицын. Татарские байсы. Изв. Археогр. ком., в. 29.
Срезневский И. И. Материалы для словаря для древнерусского языка по письменным памятникам, т. III, 1912.
Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., 1882.
Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1879.
Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. 1936.
Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Перев. арх. Палладия. Труды членов Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV. СПб., 1866.
Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей росс. церкви. СПб., 1877.
Тарновский. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к древней Руси, в II. Киев, 1876.
Татищев. История Российская с самых древнейших времен..., М., III, 1774.
Терещенко. Быт русского народа, ч. I. СПб., 1848.
Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I. СПб., 1884.
Тихомиров Н. Галицкая митрополия. СПб., 1896.
Указатель населенных мест Гродненской губ., изд. Гродн. стат. ком.
Филевич. Борьба Польши и Литвы — Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб., 1890.
Френ. Монеты ханов улуса Джучиева. СПб., 1832.
Храмцовский Н. Краткий очерк истории и описание Нижнего-Новгорода, ч. I. Нижний-Новгород, 1857.
Хронограф ред. 1512 г. (см. Летописи).
Чечулин Н. Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. Библиограф, 1889, № 2.
Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

Шахматов А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. Исслед. по русск. языку, I СПб., 1895.
Шахматов А. С. М. Середонин. Историческая география. Русск. истор. журнал, кн. 1—2, 1917.
Шахматов А. Отзывы о соч. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». Отч. о прис. XII прем. митр. Макария. СПб., 1910.
Щербатов. История Российская с древнейших времен, т. II. СПб., 1805.
Юань-чао-би-ши. См. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане.
Экземплярский А. В. Великие удельные князья Северной Руси в татарский период, т. I—II, 1889—1891.
Энгельс Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I.
Aboul-Ghâsi. Histoire des Mongols et des Tatares, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons, t. II, traduction, St.-Pet., 1874.
Analecta Franciscana, III, 1897.
Barthold W. Berke. Enzyclopaedie des Islām.
Barthold W. Batu-khan. Enzyclopaedie des Islām, t I.
Blochet. Introduction à l'Histoire des Mongols. 1910.
Bretschneider E. Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources, v. II, London, 1910.
Brosset M. Histoire de la Géorgie, p. I, l. 2, 1850.
Civezza M. de. Histoire universelle des missions franciscaines, trad. de l'italien... par le P. Victor-Bernardin de Rouen. Paris, 1898—1899, t. I, Asie: Tartarie (Grande Tartarie, Chine, Perse, Indes, Paptchak, Thibet, Turkestan), 1898
Cordier. Histoire générale de Chine, II, 1920.
Dlugoss I. Historia Polonica, Dobromili, 1615.
Deveria M. G. Notes d'epigraphie mongole-chinoise. Paris, 1897.
Erben C. J. Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae, p. I, 1855.
Gaubil. Histoire de Gentschiscan et de toute la dynastie .. tirée de l'histoire chinoise. Paris, MDCCXXXIX.
Grousset R. Histoire de l'Extrême-Orient, t. II. Paris, 1929.
Grousset R. Histoire de l'Asie. Paris, 1922.
Histoire de la Siounie par Stephanos Orbélian, trad. par M. Brosset, I, S.-P., 1864.
Historica russiae Monumenta, t. 1. изд. А. И. Тургенева. СПб., 1841.
Hammer-Purgstall. Geschichte der Gold. Horde. Pesth, 1840.
Hammer.-Purgstall. Geschichte der Ilchane, II, Darmstadt, 1842.
Hormayr, Die goldene Chronik von Hohenschwangan, München, 1842.
Howorth H. History of the Mongols, I, London, 1876.
Jule. The dook of ser. Marco Polo, ed. by Cordier, v. I—II, London, 1903.
Kotwicz W. Les Mongols, promuteurs de l'idee de paix universelle au début du XIV-siécle. Varsovie, 1933.
Mailla. Histoire générale de la Chine du annales de cet empire, traduites du tong-kieng-kang-mou, t. IX, Paris, MDCCLXXXIX.
Marx K. Secret Diplomatic History of Eighteenth Century, edit. by Eleonor Marx, London, 1899.
Mathei Parisiensis Chronica maiora, M. G., S. t. XXVIII.
Monumenta Poloniae historica, I—IV, Lemberg, 1864—1887.
Nasonov A. F. Ballod, *Приволжские Помпеи, 1923.* Ders. *Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды, 1923.* Zeitschr. f. slavische Philologie, B. V, H. 3/4, 1929.
Norden W. Das Papstum und Byzanz. Berlin, 1903.
D'Ohsson. Histoire des mongols, II—III, 1834.
Pachymeres G. De Michaele... recogn. Imm. Bekkerus, v. I, Bonnae, 1835.
Pelliot P. Les Mongols et la papauté. Paris, 1923, extrait de la Revue de l'Orient chrétien, 3 ser., t. III, № 1, 2. Paris, 1923.
Pelliot P. Mongols et papes aux XIII—XIV siécles. Paris, 1922.

Quatremère E. Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan par Raschid-ed-din, Collection orientale, t. 1, Paris, 1836.
Raynaldo Od. Annales ecclesiastici... Lucae, 1747—56.
Strakosch-Grassman G. Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Insbruck, 1893.
Wolff D. Geschichte der Mongolen oder Tataren, Breslau, 1872.
Zambaur E. de. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'Histoire de l'Islām. Hannover, 1927.

Примечание. На стр. 75, на карте, от Москвы до Можайска провести линию пунктиром.

ТЕЗИСЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ А. Н. НАСОНОВА «МОНГОЛЫ И РУСЬ»

1. На протяжении более полутораста лет татары проводили активную политику на Руси, стремясь воздействовать на ее внутреннюю жизнь, в связи с политическим положением завоеванной страны, в интересах своего господства.

2. Исследование позволяет отожествить отмеченную в летописи под 1257 г. организацию с баскачеством и установить, что появление постоянной военно-политической организации на русском Северо-востоке относится к этому году.

3. Мероприятия по организации сбора татарских податей на Руси в конце 50-х и в начале 60-х гг. XIII в. (вероятно и ранее) проводились, насколько можно судить по имеющимся данным, из Монголии, а не из удела Джучидов, признаки самостоятельности которого появляются не ранее 60-х гг. XIII в.[1]

4. Насильственная смерть Михаила Черниговского в Орде была вызвана мотивами политического характера, являясь вместе с тем заключительным актом в длительной борьбе владимирского стола с черниговским.

5. Учреждение епископской кафедры в Сарае было вызвано недоверием к деятельности митрополита и связано с задачами внешней политики Золотой Орды и восстановлением старой ромейской империи в 1261 г.

6. Исследование вскрывает политику (Орды) в б. Ростовском княжестве, направление которой объясняется значением Ростова, как очага вечевых восстаний против порядков татарского владычества.

7. Образование двух военно-политических центров в Золотой Орде в последней четверти XIII в. привело к образованию двух взаимно-враждебных политических групп на Руси.

В эпоху двоевластия в Золотой Орде произошли, повидимому, некоторые изменения в организации эксплоатации русского Северо-востока, отразившиеся на организации этого дела в последующее время.

В первой трети XIV в. Волжская Орда проводит на Руси политику в отношении к Твери и Москве, определявшуюся поведением тверского князя при Ногае, соотношением сил на русском Северо-востоке и тенденцией, обнаруженной Ордою, обратить великого князя владимирского в орудие своего господства.

8. С ярлыком на великое княжение владимирское были связаны известная территория и полномочия (в отношениях с другими князьями), содержание которых при Узбеке и Джанибеке в значительной мере определялось задачами татарской политики. Татары оказывали воздействие на ход образования территории великого княжения владимирского, что видно из судьбы Переяславля, Нижнего Новгорода и Городца. Татары дважды производили раздел великокняжеской территории. Политика Орды в эту эпоху на Руси (между прочим — в деле организации сбора дани) не была напра-

[1] При переписи за единицу брали не голову, а дом или семейство, подобно тому, как это было принято в Китае.

влена к усилению князя, державшего «великое княжение владимирское», а к тому, чтобы уравновешивать силы.

В течение первой половины XIV в. ход отношений не свидетельствовал о том, что иго слабело.

9. Смуты в Золотой Орде во второй половине XIV в. и распадение золотоордынского государства позволили начать открытую борьбу с татарами, а задачи борьбы дали толчок к сплочению Руси вокруг Москвы. Одновременно великокняжеская территория была присоединена к отчинным владениям московских князей.

Политика Мамая и, равным образом, впоследствии, политика Тохтамыша и его ближайших преемников определялась стремлением бороться с усилением Москвы в процессе консолидации Руси и противопоставлять Москве другие княжества.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Абака, сын Хулагу, ильхан 41, 44, 99
Абдеррезак 120
Абдуллах, царь (хан) 123, 124, 125, 126, 130
Абдуля, см. Абдуллах.
Абдур-Рахман 11
Абулгази 50
Абусаид 87, 106
Абу-Сеид, ильхан см. Абусаид.
Аваг, грузинский князь 55, 59, 63
Агабек хан 133
Агафия, княгиня, жена Московского князя Юрия, до крещения Кончаза 83
Адаш, посол ордынский 138
Азбяк, см. Узбек
Азис, царь (хан) 125, 126
Айдар, князь татарский, зять вел. баскака Амрагана 20, 21
Айбек хан, см. Агабек хан 133
Акинф, боярин тверской 81
Аксак-Темир, см. Тимур 138
Акхозя, царевич 135
Александр Невский, Ярославич, вел. кн. 7, 22, 32, 33, 34, 39, 47, 52, 53, 55, 59, 147
Александр Михайлович, вел. кн. Тверской 86, 90, 91, 92, 93, 99, 100, 101, 102, 110, 113, 118, 150
Александр Васильевич, суздальский князь 92, 96, 97, 100, 106
Александр Глебович, князь смоленский 112
Александр, князь Новосильский 90
Александр Михайлович, князь Пронский 104
Александр, князь 81
Александр Михайлович, Ордынец» 137
Александр, венгерский королевич 10
Александр до крещения Алекса, см. князь Алекса 29
Алекса Неврюй (Олекса), посол татарский 79
Алекса, князь, старший сын Мансур Киата 29
Алексей, митрополит 47, 95, 102, 110, 118, 123, 126, 130
Албуга 110
Алгу 51
Алгу(й) сын Менгу-Тимура 70
Алтанцибей, посол ордынский 121
Алчедай 721
Алынь (Алын) 72, 73.
Аминь, московский киличей 120
Амраган, баскак великий владимирский 20
Агафия, княгиня Юрьева, она же Кончака 84
Амурат 120, 123, 124, 125, 126
Андрей Боголюбский, кн. 100
Андрей Александрович Городецкий, вел. князь, 59, 60, 62, 64, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 80, 81, 93, 95, 126, 148, 149
Андрей Константинович, кн. Суздальский 98, 119, 121
Андрей Федорович, князь ростовский 106, 108
Андрей Мстиславович, кн. Черниговский 27
Андрей Ярославович, вел. князь 22, 33, 40, 59
Андрей, владыко 89
Андрей (о.) 11
Андреевы бояре 67
Антонович Б. 112, 127
Ануфрий, пустынник 64
Аппак, крымский посол 110
Арабшах 132, 133
Арапша, царевич, см. Арабшах 132
Аратехозя, князь ордынский 119
Арачий, посол 82
Аргун, правитель Ирана 13
Ардемелик, царь (хан), см. Ордуг-Мелик 119
Арикбуга 51
Асан (Осан), посол от царицы 126
Асан (Гасан), кн. ордынский 126, 132

Афанасий, кн., сын кн. Юрия 82, 83, 89, 126
Афанасий, сарайский епископ 95
Ахама, Ахмет 11
Ахмат, баскак 17, 20, 21, 65, 70, 71
Ахмат, посол татарский 103, 104
Ахмиявда 124
Ахмул, см. Ахмыл, посол 107
Ахмыл, посол 62, 86, 90, 107, 108, 110
Ачихожа, ордынский посол Мамая 126, 133

Батый (Бату хан) 9, 10, 11, 12, 13, 14, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 50, 51, 70, 120, 146
Бартольд, В. В. 9, 10, 29, 32, 36, 50, 98
Баян 53
Баялунь, ханша Узбека 87, 89
Бейбарс 42, 50, 69, 75, 78
Бела (чех Hungarie) 38
Беляев, И. Д. 5, 13, 21
Бенакити 70, 74, 119
Бенедикт XII, папа римский 35
Бенешевич, В. И. 101
Березин 21
Бердибек хан 117, 118, 121, 124
Берке, см. Бицик-Берке
Берке — хан (Беркай) 10, 13, 30, 41, 42, 43, 50, 51, 55, 72, 120, 147
Бернардин (Bernardin de Rouen Victor) 88
Бестужев-Рюмин 40
Билыкджи 70
Бицик-Берке 13, 14
Блоше (Blochet, E.) 42, 51
Болеслав-Юрий 35, 112
Борис Андреевич, князь 95
Борис Василькович, ростовский кн. 10, 22, 59, 61, 65, 66
Борис Данилович, кн. брат Москов. Юрия 81, 85, 95
Борис Дмитриевич, кн. Галицкий 121
Борис Константинович, кн. Нижегор.-Суздальский 126, 136, 137, 138, 139
Борис Межебожский, боярин 26
Бретшнейдер (Bretschneider) 13, 55
Броссе (Brosset, M.) 13, 31, 32, 99
Брун 124
Бруно, епископ гр. Шауенбурга 38
Булат Салтан 141, 142
Булат, царевич ордынский 142, 143
Булат Темир, кн. ордынский 122, 126
Буслаев Ф. И. 67, 77
Бури, внук Джагатая 29
Буранда, военачальник 34, 35, 110

Вальдемар (Waldemarus, rex Dacie) 38
Валуев Д. 65, 113
Вардан 55
Вассаф 10, 32, 87, 119
Василий, владыко 48
Василий, сын Алекс. Невского, князь Новгородский 22
Василий Александрович, кн. 73
Василий, сын Александр Глебович, князь Брянский 112
Василий Васильевич, Московский князь 10
Василий Всеволодович, князь 10
Василий Дмитриевич, московский кн. 125, 135, 137, 138, 139, 142, 143
Василий Дмитриевич, князь Городецкий 136, 139
Василий Константинович, князь 67
Василий, кн. Костромской 39
Василий Михайлович, кн. Кашинский 103, 104
Василий, кн. Тверской 100, 120
Василий Ярославович, кн. 21, 114, 115
Василий, кн. Ярославский 102, 105
Василько, кн. брат Данилы Галицкого 24, 26, 40, 110
Василько Константинович, кн. 35, 54
Василий Иванович, сын тысяцкого 133
Василий Румянец, боярин нижегородский 138
Ватац 44
Владимир Андреевич, кн. 129, 130, 131
Владимир Василькович, кн. Влад. Волынский 110
Владимир Константинович, кн. 10, 37
Владимир Рюрикович, кн. 7
Владимир Юрьевич, кн. 35
Владимир Мономах, киевский вел. кн. 49
Владимир, кн. Пронский 131
Всеволод, вел. князь 6, 49
Всеволод Александрович, кн. Холмский 103
Всеволод Юрьевич, кн. 35, 36
Вельяминов-Зернов, В. В. 29
Велъбласмыш 60
Вердеревские, дворяне 131
Веселовский, Н. И. 13, 41, 43, 69, 76, 77, 91, 110
Веселовский, С. Б. 16
Витовт 28, 29
Владимирцов, Б. Я. 16, 117
Волин, С. 9

Вольф (Wolff) 16, 33, 40, 54, 55, 67

Газан, ильхан 14, 75
Гаклюйт 110
Гаммер Пургшталль (Hammer Purgstall) 13, 14, 17
Гаянчар, татарин 86, 89
Гедимин, литовский князь 102, 106, 112, 127, 128
Георгий Амастридский 41
Герберштейн 96, 109, 110
Гетум, армянский царь, 10, 31
Глеб Василькович, кн. Ростовский 30, 59, 60, 61, 62, 64, 66
Глеб Ростиславович, кн. Смоленский 17, 28, 112
Глинские 29
Гобиль (Gaubil) 11, 51, 105
Голубинский 17, 18, 112
Говорс (Howorth, H.) 51
Гормаер (Hormayr) 25
Гошкевич 25
Григора Никифор (Gregoras Nicephorus) 42, 46, 103
Григорьев, В. В. 10, 45, 122
Грушевский М. 23, 24, 34, 48, 127
Грусе (Grousset, R.) 32, 51
Гуюк-каан 10, 11, 12, 26, 29, 30, 31, 32, 33
Гурлень, посол ордынский 135
Гыяседдин 47
Гюрги, см. Юрий, вел. кн. 85

Данилов Кирша 16, 54, 91
Даниил Галицкий, кн. 12, 23, 24, 25, 26, 27, 33, 40
Данило Александрович, кн. московский 71, 73, 74, 76, 80, 95
Данило Борисович, кн. нижегородский 143, 144
Даниил Заточник 7
Даниловна, дочь кн. Даниила, жена Андрея Ярославича 33
Дашкевич Н. 25, 26, 33, 40, 127
Деверия (Deveria, M. G.) 105
Давид, кн. сын Федора Ростиславовича и дочери хана 61
Давид, сын царицы Рузудан 31
Джагадай, брат Угедея 29
Джанибек, 63, 100, 102, 106, 109, 112, 117, 118, 119, 120, 133, 138
Джеббар Берди 144
Джувейни (Djouveini) 12, 15, 20, 22, 29, 32, 120
Джучи, отец Батыя 9, 10, 29, 50, 53, 82, 122
Джучиды 10, 122
Дложевский С. 25
Длугощ 40, 109
Дмитрей, татарский кн. 127
Дмитрий, тысяцкий 23
Дмитрий Александрович, кн. переяславский 39, 53, 64, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 78, 93, 115
Дмитрий Константинович, кн. суздальский 63, 120, 121, 122, 125, 126, 132, 135
Дмитрий Романович, кн. Брянский 112
Дмитрий, кн. Стародубский 106
Дмитрий Михайлович, кн. Тверской 82, 84, 90
Дмитрий Михайлович, кн. Волынский 132
Дмитрий Борисович, кн. Угличский и Ростовский 56, 60, 66, 67, 75, 76
Дмитрий Борисович, кн. Галицкий 108, 121, 125
Дмитрий Иванович Донской, кн. Московский, 57, 78, 86, 95, 105, 106, 108, 109, 110, 118, 120, 121, 123, 124, 125, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 137, 138, 144
Доссон (D'Ohsson) 11, 12, 13, 14, 17, 18, 20, 29, 31, 36, 51, 54, 99, 105, 109
Дубровский 95
Дудко, дьякон тверяк 91
Дьяконов, М. А. 16, 100
Дюдень, 61, 67, 75, 76

Кабердей, см. Ериклибердей 142
Кавгадый 72, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 93, 91
Каганбек 133
Каирбек, посол ордынский 121
Калавун, султан египетский 69
Калантай, татарин 112
Калачев Н. 21
Калин царь (былина) 54
Калита, см. кн. Иван Данилович 106
Каменский 11
Капьтагай, татарин 129
Карамзин, М. Н. 3, 52, 64, 91, 105, 109, 112, 118, 120, 138, 142
Карамышев, боярин 143
Карихан 133
Карпини Плано 9, 11, 12, 14, 25, 26, 27, 30, 31, 32, 33, 52, 110
Карпов, проф. 43, 44
Катремер (Quatremére) 10, 13
Картан, зять Батыя 26
Касим 29
Касачик [Кацик (?)]13
Кацик, см. Касачик
Кильдибек, царь ордынский 120, 122, 123, 125
Кирилл, митрополит 33, 38, 39, 40, 41, 45, 46, 47

Кирша Данилов, см. Данилов
Киссель Ф. 37, 67, 68
Китат, сын императора 19
Климент XIII, папа римский 37
Ключевский В. О. 5, 40, 60, 62, 63, 83, 88, 107, 108
Кобеко, Д. Ф. 103, 120, 124
Кобяк 144
Кога, посол татарский 109, 118, 119
Койраджак, 139
Константин Всеволодович, князь 6, 58
Константин Борисович, ростовский князь, 60, 62 64, 71, 72, 75, 76
Константин Васильевич, князь Ростовский 102, 108, 109, 119
Константин Васильевич, кн. Суздальский и Нижегородский 97, 101, 102, 121
Константин, кн. Белозерский 106
Константин, князь сын Глеба 64
Константин, кн. сын Олега Рязанского 31
Константин Михайлович, князь Тверской 85, 87, 95, 100, 102, 103
Конча, посол 67, 94
Кончака (Кончаза) сестра Узбека, жена Юрия, во крещении Агафья 83, 84, 85, 89
Корач (Карач) татарин 129
Кордие (Cordier) 32, 51, 104
Коренца, см. Куремса
Коркунов, Н. А. 63
Коротопол, кн. Рязанский 112
Костомаров 5
Котвич В. Л. (Kotwicz) 80
Котья 33
Красносельцев Н. 44
Кротков А. А. 122, 123, 127
Крылов, А. 12
Куган или Туган 120
Кульпа 117, 118, 121, 122
Кунджук 70
Куремса (Коренца) 24, 25, 26, 34, 146
Кутлубий (Кутлубей, Котлубий), Хубилай, цесарь татарский 30, 51
Кутлубуга, баскак 20, 78
Кутлубуга, татарский князь 127
Кутлуй, сын Хидыря 118
Кутлукорта 60
Кутлуктимур, эмир 81, 82

Лаппо-Данилевский А. С. 87
Лев, князь 12, 25, 110
Лен-Пуль (Лэн-Пуль) 9, 11, 14, 31, 50, 99, 122
Леонтий, см. Олег Романович, вел. князь Черниговский 99
Линниченко, И. А. 35, 112
Лихачев Н. П. 103
Лука Хрисоверг, патриарх 100
Любавский М. К. 28, 96, 98, 123, 127

Магакий, инок 10, 13, 55, 99
Майа (Mailla) 19, 29
Макарий, митрополит 28, 50, 107, 134
Мансинка, В. 53
Максим митрополит 46, 49, 95, 100, 122, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 140, 144, 150, 152
Мамант-Дербыш, посол ордынский 142
Мамат-Салтан 126, 127, 132
Мамат-Хожа 121
Мамед (Махмед), пророк 51
Мария Юрьевна, песнь о ней 117
Мария, княгиня мать Бориса и Глеба 66
Малеин 11, 12, 31, 50, 54, 96
Мансур Киат, князь 29
Маркевич 65
Марко Поло 51
Марков А. К. 69, 122, 123, 127
Маркс Карл 13, 81, 101, 108, 111, 150
Мартынов, издатель 110
Мирхонд 120
Матвей, сарайский епископ 126
Матвей Парижский 38, 54
Мауци (Могучий) 24
Махрожа 56
Менгу император, см. Мангукаан
Менгу-Тимур 15, 21, 30, 42, 44, 45, 46, 47, 60, 61, 62, 64, 65, 69, 70, 72, 76, 77, 91, 92, 99, 114, 115, 119, 149
Мельников 96
Менгли Гирей 28, 98
Менгукаш, князь татарский 104
Менгукаан, см. Мангукаан
Мангукаан (Менгу) 9, 12, 13, 30, 31, 33, 145
Межибожский, боярин Борис 26
Микула, татарин 140
Милей 12, 25, 26
Милюков П. Н. 120
Минь-Булат, московский дорога 105
Митяй 124
Мир (Хейр) Пулад 125
Мирва, посол ордынский 140
Митрофан, владимирский епископ 38, 40
Митрофан сарайский епископ 45, 46
Михаил Пиницинич, посол новгородский 114
Михаил, сын Кульпы 118

Михаил Палеолог 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 146
Михаил Андреевич, князь 67, 126
Михаил Александрович, вел. князь Тверской 128, 129, 130, 133, 135, 137, 150
Михаил Глебович, кн. Белозерский 59, 60, 62, 64, 75
Михаил Ярославович, великий князь (кн. Тверской) 71, 73, 74, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 93, 94, 95, 100
Михаил князь Черниговский 7, 11, 23, 24, 26, 27, 30, 66
Михайловичи, князья братья 89, 94
Михалон Литвин 109
Могучий (Мауци) 24
Молчановский 25
Монсырь Улан, царевич, посол 10
Мстислав, князь 35, 36, 110
Муалбуга, ордынский князь 117, 118
Мункекаан, см. Мангукаан
Мурут 125
Мустафа-эль-Дженаби 42
Мухамед-Булат 126, 132
Мюнедджим баши 42

Наврус, царь татарский 98, 117, 118, 121, 122
Насонов А. Н. 20, 21, 38, 127, 137, 139
Неволин К. А. 16, 18
Неврюй, ордынский посол, 47, 79
Неврюй, царевич 33
Некомат, сурожанин 133
Нестор, епископ 100
Никифор Григора, см. Григора
Николай, архиепископ 87
Николай III, папа римский 44, 46
Ногай (Ногой) 30, 43, 44, 69, 70, 71, 73, 74, 75, 77, 78, 80, 93, 149
Норден (Norden, W.) 44, 46
Нормантский 105

Орбелиан Стефан (Orbelian Stephannos) 99
Озбяк царь (хан), см. Узбек 82, 88, 96
Ойдар, татарин 129
Олабуга, 33
Олджайту, султан 76, 79, 80, 87, 106
Олег Романович (Леонтий) князь, сын брянского князя 99
Олег Ингваревич, рязанский князь 31
Олег Рыльский, князь Курской обл. 70, 71
Олег Иванович, князь Рязанский 15, 130, 131, 134, 135
Олекса Маркович, посол Михаила 85
Олелько, князь 29
Ольгерд 127, 129, 134
Орду-Мелик 118, 119
Орешников А. В. 35
Осан 127

Павел, апостол 87
Палеолог Михаил, см. Михаил Палеолог 41, 42, 44, 45, 47
Палладий, архимандрит 14, 16, 17
Патканов 10, 13, 17, 20, 31, 32, 55, 59, 63, 91, 99
Пахимер (Pachymeres) 41, 42, 43, 44, 46, 69
Пелио (Pelliot, P.) 26, 44
Петр, ордынский царевич 40, 41, 61—62, 64, 65, 82, 87, 95, 107, 108, 110, 148
Петрунь, 25, 28, 29, 98
Пимен 124
Покровский М. Н. 5, 8, 57
Пресняков А. Е. 5, 53, 74, 84, 86, 90, 97, 98, 105, 112, 133, 134
Приселков М. Д. 5, 21, 72, 77, 101, 118
Прокопий, новгородец 133, 132
Прохор 108
Пулад-Ходжа 126

Райнальди (Raynaldus) 44, 45
Ратибор 114
Рашид-ед-дин 9, 10, 13, 14, 15, 18, 29, 31, 32, 42, 51, 53, 69, 70, 74, 75, 78, 79, 119
Режабек 35, 112
Ринцинь, ханский зять 14
Рогер 54
Романчук Белозерский князь 105
Роман Михаил, князь Брянский 28
Роман, отец Олега, князь Брянский 99
Ростислав Мстиславович, киевский князь 100
— смоленский князь 23
Роман, чернец, родственник тверского князя 102
Россин В. П. 123
Рубрук Вильгельм 11, 31, 50, 54, 110
Рузудан, царица Грузии 31
Рукнеддин 41
Рычаг Петрило, посол новгородский 114
Рязановский 118

Сабуров 63
Савельев 122, 127
Салахимир, ордынец 131
Салтанбаков сын 126, 127
Салчей, астраханский кн. 133
Сарай (Сарайчук) посол 111
Сарайчук, см. Сарай 111

Сараев сын 98
Сарайка, старейшина татар, бывших с послами Мамая 132
Сартак, сын Батыя 14, 23
Сартак, зять Калина царя 54
Сарыхожа, посол ордынский 129, 130
Сахаров Н. 25
Савенчьбуга, посол 90
Святослав Глебович, кн. 35, 36, 112
Святослав, Липовический князь, Курс. обл. 70
Святослав Ярославич, вел. кн. Влад. (кн. Тверской) 21, 28, 33, 115
Сеинхан, см. Батый 70
Секиз-бий 122
Семен Танильевич 72, 73
Семен Димитриевич, князь Суздальский 135, 136, 139
Семен Константинович, князь Дорогобужский 128
Семен Иванович, московский кн. 29, 97, 100, 101, 102, 105, 106, 109, 113
Семенов 18
Сергеевич 106, 113
Сергей Радонежский, житие 107, 108
Серапион, епископ 38, 39
Серебрянский Н. И. 11, 30, 49, 53, 55, 60, 66, 83
Середонин С. М. 48
Сигизмунд, литовский вел. кн. 28, 98
Симеон, владимирский епископ 47, 79, 80
Скидер, князь, меньшой сын Мансур-Киата 29
Снегирев 110
Смбат, брат армянского царя Гетума 10
Смирнов М. И. 123
Смирнов В. Д. 42, 43, 124
Соколов 39, 103
Соловьев С. М. 5, 53, 63, 67, 74, 75, 105, 112, 113
София, княгиня, жена Константина, дочь Юрия 95
Софоний, епископ сарайский 95
Спицын А. 130
Срезневский 52, 91, 114
Сталин 3
Стенли Лэн Пуль (см. Лен Пуль)
Стефан, монах (Stephanus) 88
Стефан Пермский 139, 140
Стефан Сурожский 41
Стракош-Грассман (Strakosch-Grassman) 9, 23
Строев 28, 38
Сюга, темник-воевода 92

Тагай 122, 123
Талыча, царевич 143
Таитемерь, посол ордынский 82, 83, 86
Таир 81
Тайдула (Тайдала), царица 45, 78, 104, 118, 119
Тарасий, епископ ростовский 60, 75
Тарбу 70
Тарновский 40
Татищев 36
Тейтемер, татарский посол 56
Телебуга, хан 30, 69, 70, 71, 74, 110
Телебуга, татарин 84, 88
Темерь 72
Темир, князь дорога рязанский 105
Темир, сын Навруса 118
Темир-Ходя, старший сын Хидыря 118, 119
Темирь Кутлук, см. Тимур Кутлук 140
Темирьхожа 125
Теремтаз, эмир 87
Терещенко 110
Тетекашь, татарин 129
Тех Константин, болгарский король 41
Тизенгаузен 9, 10, 14, 22, 29, 31, 32, 41, 42, 43, 46, 47, 50, 54, 55, 69, 70, 74, 75, 76, 78, 79, 82, 86, 88, 106, 118, 119, 120 и др.
Тимур-каган (Timur Kagan) 79
Тимур Мелик 133
Тимур 135, 137, 138, 139
Тимур Кутлуг 140
Тинабек, старший сын султана 63
Титям (Титяк) 30, 51
Тихомиров Н. 103
Тобци 11
Товлубий, убийца кн. Александра 102, 104, 112, 118
Тога (Toga) 79
Токтога (Toctoga) 79
Тогрыл, сын Менгу-Тимура 70
Тойдый 111
Токтемир, родственник Тохты 77
Токтай, см. Тохта
Токтомерь (?), цесарь татарский 30
Тохтамыш 57, 133, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 145, 152, 153
Тохта, сын Менгу-Тимура 30, 53, 69, 70, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 119, 120
Туда-Менгу 69, 70
Тудан, брат Тохты 75, 76, 91
Тулуй, отец Хубилая и Арикбуги 51
Тулунбек хан 126, 127, 132
Тура 72
Тура-Ага 13
Туракина, вдова Угедея императора 11, 31, 32

Туралык 92
Тургенев А. И. 26
Тюзяк 129
Тюляк, царь ордынский, см. Тулунбек

Увейс, сын шейха 118, 119
Угедей, император 9, 14, 20, 29, 31, 51, 32
Углугбек 98
Узбек-хан преемник Тохты, он же Озбяк и Азбяк 50, 63, 81, 82, 83, 86, 87, 90, 91, 96, 99, 100, 101, 102, 106, 109, 112, 118, 119, 120, 122
Улагчи, он же Улакчи, Улавчей, 14, 22, 23, 30, 50
Улу-Мухаммед 144, 145, 153
Улакчи, см. Улагчи
Улавчей, см. Улагчи
Урузбуга, Бездежский 120
Урус, посол ордынский 121
Урусманда, посол ордынский 125
Урусхан 133, 139

Фасмер М. Р. 101
Фахри Гуссейн 119
Фариседдин Акуш Эльмасуди, эмир 42
Федорчук, темник 92, 113
Федор, владыко тверской 102, 104
Федор Кошка, боярин 140
Федор, боярин 66
Федор, епископ Влад. и Сузд. 38
Федор, Ржевский князь 82
Федор, кн. Стародубский 106
Федор Ростиславович, князь Ярославский 52, 56, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 71, 72, 75, 76, 112, 147, 148
Федор Ольгович, князь Рязанский 141
Федор Иванович, царь 28
Федор Михайлович, Ростовский князь 60
Федор, князь Киевский 48, 127, 128
Федор Ярунович 32
Феогност, сарайский епископ 45, 46, 47, 78, 79
Феогност, митрополит 17, 95, 101, 112, 123
Филевич 112
Филипп, Фирманский епископ 45
Фотий, митрополит 143, 144
Френ 122, 127, 133

Хаджичеркес 131, 133
Хажибей, татарский кн. 127
Хайдер-ибн-Али 118, 119
Хайду 51
Ханум, дочь Бердибека 124
Хасан, шейх 118
Хидырь, хан, Заяицкий царь 117, 118, 121, 122, 125
Хондемир, 120
Храмцовский 96, 126
Хубилай (Кутлубий) император 4, 10, 11, 51, 105
Хулагу (Хулавун) 41, 51, 55, 99
Хулавун, см. Хулагу 55, 41
Хулагуиды 10, 87

Цамбаур (Zambaur) 122

Чабар (Tchabar) 79
Чанибек, см. Джанибек 118
Чармаган (Чормахан, Tchormagoun) 20, 63
Чарык, татарин 129
Чевгу, посол 10, 114
Черкес бек 131
Чучулин Н. 16
Чивецца (de Civezza) 88
Чингис-хан Djenguis-kaan, Tchinguiz-khan) 9, 14, 16, 28, 29, 30, 36, 51, 53, 79, 82, 86, 117, 120, 151
Чингисханиды 11
Чирича, татарин 112
Чокре 144

Шадибек, царь ордынский 140, 142
Шамбинаго 134
Шаханшах, грузинский военачальник 55
Шахматов А. А. 20, 30, 48, 74, 85, 130, 134
Шевкал (Щелкан), посол татарский 57, 91, 99, 100, 110
Шемседдин 47
Шерифед-дин 45, 110, 133, 138, 139
Шихмат, посол ордынский 138
Шуджа-эд-дин Ибн-еддане 42

Щелкан Дуденьтьевич, см. Шевкал 91
Щербаков 33
Щербатов 5, 40, 52

Эддезехеби 82
Элайни 42, 82, 106, 140
Эласади 100
Эльбахерзи шейх 50
Эльбирзали 82
Эльджузджани 32, 50
Эльмаркизи 43, 78
Эльмуффадаль 41, 42, 50, 82, 119
Эльмухабби 124
Эльфарис, посол египетский 42
Эломари 50, 119

Экземплярский 58, 61, 73, 86, 96, 97, 106, 121
Энгельс Ф. 108
Эннасыр Мухаммед, египетский султан 69
Эннувейри 42, 70, 78, 86

Юлиан, доминиканец 16, 54
Юрий Данилович, вел. кн. Московский 80, 81, 82, 83, 84, 86, 88, 89, 91, 94, 95, 96, 99, 103, 150
Юрий, киевский князь 49
Юрий Всеволодович, вел. кн. Влад. 10, 35, 36, 37
Юрий, последний князь Малороссии 112
Юрий Всеволодович, князь Тверской 141, 142
Юрий Дмитриевич, князь 139

Якушкин 77
Якубовский 117, 119, 120
Ярослав Всеволодович, вел. кн. Влад. и кн. Переяславля Залесского 7, 10, 23, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 35, 36, 38
Ярослав Ярославович, кн. тверской 10, 20, 21, 22, 39, 53, 59, 114, 115
Ярославля княгиня 33

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

Сокращ.: г. — город, с. — селение, р. — река

Австрия, 3, 9
Азак (Азов) 119, 120, 122, 123, 138
Азербайджан 10, 106, 122
Азия, западная 37
Азов, см. Азак
Агвания 13
Ала-Куль, озеро 9,
Аланы 37, 138
Англия 3
Аннам 14
Аран 10, 106
Армения 13
Астраханские уделы, 131
Астрахань 131, 132, 133, 139, 141, 142, 144
Авторокань, см. Астрахань

Бакота, 12, 25, 26
Бакота, б. Бессарабской губ. 20
Бакинский проход, 10
Баку 123, 142
Баласуган, 36
Балканы, 9
Баскаки, с. к северу от Твери, 19
Баскаки, с. б. Весьегонского уезда Тверск. губ. 19, 58
Баскаки, с. в 27 верстах от Суздаля 19
Баскаки, с. под г. Владимиром 19
Баскаки, с. б. Новгородской губернии, б. Череповецкого у. 58
Баскаково, с. б. Тотемского у. 58
Баскаково, с. б. Вологодской губ. Грязовецского у. 58
Баскакова, с. в б. Костромской губ. б. Макарьевского у., 19
Баскакова, с. б. Пусто-Ржевского уезда 19
Баскакова, с. б. Бельск. у., б. Смол. губ., 19
Баскаковка р. 19, 58
Баскаково (Лупанье), с. ок. Тулы, 19
Баскаково, с. в б. Костромской губ. Нерех. у., 19
Баскаково, с. в Закамских землях в б. Соликамск. у., 19
Баскаково, с. б. Мосальского у. Калужской губ. р. 19
Баскаково, с. по правую сторону р. Угры, 19
Баскаково, с. в б. Моск. губ., 19
Баскаково, с. под г. Кашиным, 19
Баскаково, с. б. Яросл. губ., 19
Баскаково, с. б. Тотемского у., 19
Баскаково, с. б. Данковского у., 19
Баскаково (Орламское), б. Псковской губ., 20
Баскаково, с. б. Яросл. губ., 58
Баскаково, с. б. Яросл. губ., 85
Баскаково, с. б. Тверской губернии, Кашинского уезда на Угличском, тракте, 58
Баскач, земля в Закубеньи, 19
Баскач, с. б. Яросл. губ., 58
Баскача, дер. Угличская, 19
Баскачаны, с. Бессарабской губ. Хотимского у., на р. Пруте 20
Баскачево, с. б. Вологодской Грязовецкого у., 19
Баскачево, с. б. Яросл. губ., 19
Баскачи, с. б. Новгородской губ. Череповецкого у., 19
Баскачь, с. в б. Тульской губ. Каширск. у., 19
Башкирды 78, 138
Бежецк, 115
Бежичьский верх 111
Бездеж 103, 104, 120, 122
Белад Гюлистан 120
Белгород 25
Белобережье 127
Белоозеро 7, 58, 105
Бирск 20
Богемия (Bohemia) 16, 34, 54
Болгары (народ, страна, город) 48, 105, 122, 126, 127, 131, 132, 138, 139, 144, 152
Болохов 25, 26

Болоховская земля 25
Большие Ижморы 125
Борки 123
Боровск 136
Брянск, г. 28, 98, 112, 127
Бряслав, 25
Буг, р. 25
Бужьковичи 110

Валахия 9
Варшава (Varsovie) 80
Венгрия (Hungaria) 3, 9, 23, 24, 38, 40, 45, 88
Веприя, погост 15
Верея 144
Ветошкино, с. 122
Византия 39, 41, 43, 44, 45, 46, 69
Витебск 6, 18
Владимир, г. 10, 22, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 48, 49, 52, 56, 72, 76, 79, 85, 86, 89, 96, 97, 100, 108, 122, 130, 138, 143, 144, 147
Владимир-Волынский 35, 110
Владимирская, область 78, 109
Вожа, р. 133, 134
Волга, р. 35, 36, 37, 76, 82, 89, 91, 109, 118, 120, 122, 123, 125, 132, 138, 139, 141, 144
Волжские ворота (во Владимире) 36
Волжский путь 122
Волжское царство 136
Волжско-Окский бассейн 6
Вологда, г. 115, 144
Волок, г. 76, 77, 89, 115, 136
Волынь 2
Воронежская волость 18
Вяземки 123

Гавшин двор 128
Галичская земля 24
Галич, южный 7, 24
Галич, Мерський 37, 105, 106, 108, 121, 125
Галичина 4
Генуэзцы 134
Германия 3, 54
Гладковича, вотчина 29
Глеченица, г. 29
Глинеск, г. 29
Гобалык, прозвище Баласугана 37
Горинь, р. 110
Городеск 25
Городец, мещерский 29
Городец (на Волге) 37, 81, 95, 96, 97, 100, 101, 126, 139, 143, 144, 150
Городище 13
Городок, Тверского княж. 128, 129
Грузия 13
Голистан (при Сарайский) 120

Дания (Dacie rex Waldemarus) 38
Даломация (Dalmatia) 45
Дедяков, ясьский г. 64, 87
Дербент (Ворота железные) 85, 87, 142
Дербентская дорогая 87
Дештикипчак 54, 79, 82, 87, 133
Джагатая улус 51
Джучиев улус 133, 135, 139, 152
Джучихановo царство 82
Дмитров, г. 79, 106, 136, 144
Днепр, р. 24
Днестр, р. 25
Дон, Великий, р. 25, 78, 86, 123, 124
Дороговьск, г. в Галич. княж. 24

Европа 3
— восточная 16
Египет 69
Еголдаево городище 28

Жедечев 25
Жукотин 139
Жукотинцы, жители г. Жукотина 95, 121

Заволжское царство 140
Заволочье 90
Закубенье 19
Запьяние 122
Засурие 132
Заячина, погост 15
Заячков, погост 15
Звенигород 136
Земля Берке 119, 120
Золотые ворота, в г. Владимире-Залесском 36

Ивановка, с. б. Княгининский у. 122
Измаильтяне 57
Индия (Indes) 88, 99
Иран 11, 12, 13, 14, 15, 17, 20, 31, 87, 98, 99
Иртыщ 9
Истр, р. 69
Италия 3
Итиль, р. см. Волга 76, 138
Кавказ (северный) 9, 10, 61, 69, 134, 142
Казань, г. 40, 44, 139
Кама, р. 19, 90
Каменец-Подольск 12
Кана земля (?) 30
Канев, г. 25
Карабаг 87
Каракорум 31, 32, 33
Каспий 6, 146
Кафа 138, 140

Кашин, г. 19, 74, 86, 89, 92, 104, 142
Керемянчук 139
Керенск 123
Кидани, народ 16, 17
Киев, г. 6, 7, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 32, 33, 38, 39, 40, 47, 48, 65, 100, 112, 146, 147, 127
Киевщина 4, 6, 9, 48
Кипчак 9, 10, 18, 41, 51, 53, 119
Кипчаки 138
Кинчакские границы 87
Киргизские степи 10
Китай (Chine) 11, 12, 14, 29, 32, 37, 88, 99, 145
Клин, г. 143
Клязьма, р. 36, 38
Козельск, г. 37
Коломна, г. 35, 76, 80, 96, 138
Коломенское, с. 143
Команов земля 12
Константинополь, г. 40, 41, 42, 44, 46, 89, 101, 146
Корелы, народ 48, 64
Коршев, на Сосне 127, 152
Кострома, г. 19, 39, 56, 67, 81, 83, 88, 94, 95, 96, 105, 126, 144
Кременец 10, 34
Кроатия (Croatia) 45
Крым 18, 69, 122, 124, 134, 138, 139
Кснятин, г. 74
Куканлык, местность 78
Кумания (Cumania) 45
Куманы, народ 54
Кура, р. 55, 87
Курск, г. 64
Курская область 28, 70
Курули, народ 78

Ласкариса земли 42
Левгины 87
Ливны 28
Липа, р. 110
Литва 12, 17, 28, 29, 34, 48, 63, 99, 101, 106 (Литва — Русь) 112, 127, 128, 129, 130, 133, 134, 140
Лопасня 121
Лучск 25, 34
Лыбедь, р. 36
Ляхи 48

Маверанагр 37
Мазендеран 10
Мартирополь (Неперкерт) 55
Махтули, крепость 89
Медведица, р. 124
Медяные ворота (во Владимире) 36
Межибожье 25, 26
Мещера, г. 139
Милолюб 28, 98
Мисюрь 118
Можайск 76, 81, 136
Моксель, мокшаны, см. Мокша, народ 54
Мокша, 120, 131
Мокша, р. 122, 123
Молдавия 9
Молога 58
Монголия 11, 13, 16, 17, 30, 31, 32, 33, 60
Моравия, (Moravia) 9, 16, 34, 54
Мордва 49, 144
Мордовские места 132
Москва, 35, 51, 71, 76, 77, 80, 81, 88, 92, 93, 96, 100, 102, 103, 105, 106, 109, 110, 113, 116, 121, 124, 125, 126, 128, 129, 130, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 149, 151, 152, 153
Мужеч 28, 98
Муравская дорога 28
Муром, г. 72, 76, 139

Наровчатское городище 122
Наровчатская область 131
Наручатская страна 122, 123
Немцы 48, 86
Низ (на Низу) 114
Низовки с. 123
Низовские грады (города) 107
Нижний-Новгород 67, 95, 96, 97, 100, 101, 125, 126, 128, 131, 132, 135, 138, 139, 142, 143, 144, 150
Никея 40
Новгород, Великий 6, 7, 10, 12, 13, 15, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 28, 33, 37, 39, 38, 46, 57, 59, 67, 73, 74, 82, 84, 89, 92, 94, 100, 101, 106, 109, 111, 112, 113, 114, 115, 130, 131, 137, 138, 151
Новоберезовка 123
Новый Город (во Владимире) 36
Новый Гюлистан 126
Новых Сарай 119, 120, 123, 125, 126, 127

Ока, р. 130, 132, 135
Ольгов монастырь 15
Онуза, 12
Опоки 100
Опонька, р. 28
Орду-эль-Муаззам 139
Оринины ворота (во Владимире) 36
Оскол 28, 98

Папчак (Paptchak) (Кипчак?) 88
Пекин 10, 14, 16, 17, 20, 29

Перекоп 29
Переяславль, Рязанский 104, 112
Переяславль, Русский 46
Переяславль, Залесский 7, 33, 37, 39, 61, 71, 72, 76, 79, 80, 89, 93, 94, 95, 96, 105, 111, 129, 136, 144, 149
Переяславльская область 96
Переяславские волости 76
Переяславщина 28
Персия (Perse) 75, 88
Песочна, погост 15
Петровки, б. Курмышского у. 122
Петровы Буды 124
Печерний город (во Владимире) 36
Пичаево 123
Побожье (Побужье) 25
Поволжье 9, 10, 18, 54, 69, 92, 93, 96, 97, 144 (Нижнее) 53 и др.
Подолия 35, 127, 152
Покровское, с. 123
Полдова, г. 29
Полоцк 4
Польша 9, 23 (Polonia) 45, 54, 112
Померания 34
Поморские грады 140
Пономарево-Баскаково, к западу от тракта Уфа — Бирск, 20
Понизье (в юго-зап. Руси) 12, 25
Причерноморье 10
Пронск 143
Псков, г. 22, 33, 77, 90, 92, 100
Пьяна, р. 132

Рагодощ 28
Раставский стан 19
Радонеж, г. 107
Ржев 19
Рим 44
Ростов 6, 7, 35, 36, 37, 38, 39, 48, 49, 52, 55, 56, 58, 60, 64, 66, 67, 89, 90, 91, 94, 96, 106, 107, 108, 109, 111, 121, 144, 147, 148, 149
Ростовская волость 6
Ростовская область 107
Руза 136
Русь, народ 65, 88
Рязань 6, 38, 121, 128, 130, 141, 143, 145, 151, 152, 153

Саксинские границы 87
Самарканд 98
Сарай 31, 41, 45, 46, 48, 54, 76, 78, 82, 88, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 131, 132, 133, 139, 146, 151
Сарай-эль-Джедид, см. Новый Сарай
Сарай Бату 119
Сарай Берке 119
Сарайское царство 133
Сарайчик 50
Саратов 122, 123
Селенга, р. 9
Селитренное, с. 119
Семилуки, с. 124
Семиречье 9, 10, 37
Сербия 34
Сереков, вотчина 29
Серповое 123
Серпухов 136, 144
Синие воды 127
Синяя Орда 132
Сить, р. 10, 35, 36, 37, 54
Смоленск 4, 6, 17, 19, 102, 104, 106, 112, 113, 118
Средиземное море 99
Стамбул 42
Станка, вотчина 29
Старая Рязань 123
Стародуб 28, 98, 106
Страна Узбека 120
Страна Урусов 76
Суздаль, г. 19, 33, 35, 52, 72, 76, 108, 125
Сурожане 109
Сухона, р. 19, 58

Тавриз 117
Тарку (Берку, Берды) р. 69, 78
Татария (Tartarie Grande) 88
Таруса 139
Татарские места 132
Татары киевские 29
Тверь 19, 30, 35, 36, 39, 48, 57, 67, 71, 74, 76, 77, 80, 83, 84, 85, 88, 91, 92, 93, 95, 96, 99, 101, 102, 103, 110, 120, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 137, 139, 141, 142, 144, 147, 149, 150, 151, 153
Тверская волость 84
Тавриз 117
Теплый Стан, с. 122
Тетерев, р. 25
Тетяков, г., см. Дедяков 87
Тибет (Thibet) 88
Тоймицы, народ 48
Торжок, г. 37, 72, 83, 89, 102, 111, 113, 115, 133
Трансоксиания 12, 15
Троицк-на-Мокше 123
Тула, г. 19, 78
Туркестан (Turkestan) 37, 88
Турки 3
Тюрки 16, 17

Углич, г. 7, 19, 35, 36, 37, 39, 48, 58, 67, 68, 76, 96, 105, 106, 133, 147
Угличский тракт 58
Угры 40, 48
Б. Уды 122
Удрома 90
Узи, см. Днепр 69, 78
Уйгуры 82
Улус монгольской империи 79, 80
Улус Берке 119, 120
Улус русский 121
Улус Узбека 120
Уруктана 137
Урусов страна 76
Устюг, г. 7, 19, 48, 52, 58, 90, 108
Уфа, г. 20

Франция 3

Харджитархан, см. Астрахань 54
Харьков 28
Ховаризм 131
Ходжент 50
Холм, г. 35, 40, 109
Холохолна, погост 15
Хопор 123
Хорезм 10
Хоровов, вотчина 29

Царьград 41, 44, 46, 47, 79, 101, 102, 124, 137
Царев, г. 119
Цна, р. 123

Червленый Яр 17
Черемисы, народ 49
Черкасские города 87
Черкесия 54
Чернигов 24, 38, 48
Черниговщина 2, 28, 127
Черное море 6, 62
Чехи 48

Шаховцово, с. 124
Швеция 33
Шексна, р. 18, 19, 58
Шемаха 142
Шумск, г. 110
Юрьев 6, 72, 76, 136
Яик, р. 138
Яксай (Аксай), р. 78
Янги-шехр-эли-Махрусе 123
Ярославль 7, 35, 36, 37, 39, 48, 51, 52, 56, 57, 61, 66, 67, 91, 96, 107, 108, 147
Ясские города 87
Ятвяги 48

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аристократия, степная, кочевая, родовая 7, 16, 117
Архив, рижский 15
— ватиканский 26
Ахмылова рать 62, 107, 108

Баиса, см. пайзе 130
Баскак 12, 17, 18, 23, 25, 48, 59, 65, 70, 71, 78, 93, 109, 111, 115, 127, 128, 148, 147
Баскак великий владимирский 4, 20, 21, 23, 146
Баскаческая организация 57
Баскаческий отряд 17, 18, 21, 22, 58, 145
Баскачество 7, 17, 18, 20, 34, 109, 146
Башаф, см. баскак 12
Бесермен (Бесерменин, Бесурмен, Бесурменин) 11, 17, 30, 51, 52, 65, 70
Бичикчи (бицикчи, битекачи) 13, 14, 21
Болгарские князья 144
Болоховские князья 25
Боляре русь, бояре 57, 65
Бортные угодья и земли 15, 96
Борцы, сборщики «бора» 113
Боярин ростовской области, отец Сергия Радонежского 107
Братан, двоюродный брат 91
Братанич, сын брата 62, 64, 91, 103
Братья (союзники) 73
Булла 26, 35
Вассал 32, 67, 71, 73, 77, 93 и др.
Вассальные отношения 16, 117 и др.
Вои 131
Война, повинность, налог (?) 15
Выходы, входы 89, 90, 98, 104, 105, 107, 109, 111, 112, 113, 114, 150
Гинь, династия 13
Глады хлебные, глад 117, 123
Головные князья 118
Гостебник, понизовской земли 115
Гость 109, 114, 115
— хопыльский 92
— немецкий 115
Грюнвальденская битва 28
Грамота 59, 95
— патриарха 100, 123
— духовная 95, 105, 106, 123
— договорная 113, 114, 86
— Тайдулы 46, 104
Царева 114, 115

Давтар великий 99
Дань 4, 11, 12, 15, 21, 22, 24, 28, 50, 51, 71, 77, 86, 93, 98, 99, 103, 107, 113, 114, 137, 146, 147, 150
Даньщик 21, 35, 77, 104, 150
Дар, дары 21, 32, 36, 37, 108, 110, 113, 130
Дарига, см. дорога
Даруга, даругаци, см. дорога
Двор
— ханский, царев 62, 66
— монетный 119, 122
Десятина 15, 22
Десятник 15, 16, 17, 18, 145
Дефтерии 99
Долг бесерменский 86
Должник (длъжник) кредитор, заимодавец 86, 89
Дорога, должностное лицо 14, 104, 105, 145, 150, 151
— волостные 104
— городные 104
— сельные 104
— нижегородско-суздальский 105
— тверской 105
— московский 105
Дружина Кавгадыя 85
Дюденева рать 61, 67, 75, 76

Жито 72
Жукотинские князья 144

Заложник, русского князя в Орде 73
Запрос 106, 112, 113

Злато 138
Знать ордынская 65, 101

Ильхан 41, 70, 75
Ислам 82

Каан 10, 30, 31, 59
Казначей царев 140
Кановичи 31
Караван торговый 50
Караулы 123
Касимовские цари и царевичи 29
Киличей 120, 135, 141
Кипчакское войско 53
Клады золотоордынские 123, 124
Конюшенное место 110
Корабль червленный 76
Кочевка 63
Краеземные татары 124
Кремль московский 35
Куликовская битва 111, 132, 133, 152
Куман 45
Купли 105
Купцы мусульманские 117
— китайские 117
Курултай сейм 28, 29, 31
Ливонский орден 20
Лионский собор 45

Маджарское войско 53
Мамаево побоище 57
Мамелюки египетские 69
Места за столом у монголов 63
Местничество московское 63, 65
Мещерские князья 123
Минориты 54
Монастырь Петровский на поле 108
— Троицко-Сергиевский — Варницкий 107
Монеты хана Ногая 69
золотоордынские 123, 124
Мордовские князья 132, 144

Налог 11, 12
Наместник в Новгороде от вел. князя 82, 83, 89, 92, 113, 130, 133
Наследование личное 30
Неврюева рать 33
Недоимка 89
Нойан (noyan) 16, 81

Оброк 138
Окольничий, посол тюркский 47
Осетинские ясские пленники 64
Откуп на сбор налога 11
Откупная система 50
Откупщик 4, 21, 50, 51, 52, 57, 71 147

Пайзы(е) золотые 10, 130
Папа римский 26, 33, 34, 40, 45
Писец 21, 77, 104, 150
Писцовые книги 19
Побратимство, обряд 65
Погост 15, 72
Подать поголовная 16
Податной округ 98
Полон 33, 64, 144
Полтина 138
Поминки (и) 136
Поплужник 21
Поплужное 15
Посадник 56, 74
Посажение 10, 110, 138
Посол 12, 15, 21, 22, 23, 24, 32, 42, 44, 46, 47, 51, 56, 67, 75, 79, 80, 86, 88, 89, 90, 92, 95, 100, 103, 104, 107, 109, 110, 111, 121, 124, 126, 130, 131, 132, 133, 137, 138, 140, 141, 142
Послужение 65
Потомки царского корени 64
Престол ханский 64
Пристав 70
Пятина новогородская 18
Регентша 11
Рыбная ловля 96

Самострел 143
Сборщик 11
Сват 64
Серебро выходное 89, 90, 94
— закамское 106, 111
Серебро 138, 140
Скоропосольницы 143
Смоленская торговая правда 17
Собор церковный 100
Соляные источники Переяславской обл. 96
Сотник 10, 15, 16, 17, 18, 78, 145
Сошное письмо 16
Служебники татарские, русские князья 59, 63, 64, 65, 66, 147, 148
Списатель книжный 4
Сродник князь Олег князю Святославу 70
Ссудные сделки 86
Стан татарский 87
Суд 86, 141
Султан египетский 41, 47, 69
Султан 62, 78
Сутяжей 86
Съезд князей 4, 8, 79, 80, 111, 113, 121

Табун 72
Таирова рать 81
Тамга 15, 22

Таможник 21, 105
Таньмач 17
Темник 15, 16, 17, 18, 69, 92, 123, 145
Товар 90
Торг 57, 91
Трапеза царская 62
Туман единица счета населения 98
Туман мелкая территориальная единица 98, 99
Туска 15
Тысяцкий 23, 74
Тысяча личная Теремтаза 87
Тысячник 10, 15, 16, 17, 18, 63, 145, 146
Тьма 150
— часть войска 78
— единица счета населения 98, 99
— в значении области 98
— Сараева сына Егалдая 28
— Курская 28
Тюфяки 143
Тягость данная 86, 104

Уделы государства 117
Улус 70, 123, 124, 126, 140, 151
Улусник 137
Урук 70

Факир 69
Федорчукова рать 93, 113
Феодал землевладелец из татар 28, 29
Феодалы местные 25
Феодальное боярство 25, 26
Феодальное ханство 29
Феодальная монгольская военная аристократия 57
Феодальная раздробленность 48
Феодализация 177
Феодализм кочевой 29, 117, 151

Ханша 61
Хатуни 62, 86, 89

Царев обычай 87
Царевич 62, 63, 73, 123, 124
— азиатские безземельные 65
— из рода Чингисхана 82
Царица 130
Озбякова (Узбека) 87
Цесарь, титул 30, 33
Церковь св. Богородицы Ростовская 67, 89
— св. Софии в Константинополе 46
— св. Спаса в Твери 102
— св. Федора в Костроме 95

Чадь Муалбуги 117
Чадь 118
Чаши поднесение 62
Черкесское войско 53
Чернь 126
Черный бор 43, 138
Черные люди 68
Численники 13, 14, 15, 16, 17, 18, 22, 59
Число, перепись 22

Шейх 69

Эмир 53, 54, 62, 63, 67, 81, 82, 117, 118, 120, 124, 131

Юань-ши, официальная китайская летопись 11, 13, 14, 55, 105
Юань династия 14
Юрт старинный Ногая 69, 78
— Батыев 53

Ямь 15
Яса Чингис-хана 9, 120
Ясские пленники (осетинские) 64
Ярлык 8, 9, 10, 17, 28, 80, 103, 124, 125, 130, 133, 135, 136, 139, 141, 142
— царев, ханский 4, 21, 79, 95
— от царя великокняжеский 73, 90, 94, 95, 96, 98, 104, 113, 120
— Менгу-Тимура 15, 45, 77
— Менгли-Гирея 98
— Тайдулы 119

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Политика монголов в первые десятилетия их владычества: Монгольская империя (центр — Каракорум), западный удел империи (удел Батыя; центр — на Нижней Волге) и Русь. Перепись. Организация баскачества. Анализ материала показывает, что непосредственная организация владычества татар на Руси была в руках монгольской степной аристократии. Южная, Юго-западная и Северо-восточная Русь в политике монголов. О некоторых результатах монгольского владычества (о политике татар в связи с византийско-русскими отношениями; об упадке политического значения г. Киева; о разгроме г. Владимира-Залесского и об отливе населения на север, к г. Ростову) . . . . . 9—49

Глава II. Вечевые восстания в Ростове и городах Ростовского княжества против порядков монгольского владычества. Некоторые данные о классовом составе веча в изучаемую эпоху. Политика татар в отношении к князьям ростовской группы и к местному боярству. Подавление вечевых восстаний. Результаты политики татар, связанной с событиями в Ростовском княжестве . . 50—68

Глава III. Период двоевластия в Золотой Орде.[1] Как события в Орде отражались на политических отношениях в Руси. Изменения в организации татарами эксплоатации русского Северо-востока. Орда и съезды князей; политика Орды в первые десятилетия XIV в. Восстание в Твери . . . . . 69—93

Глава IV. Политика татар на русском Северо-востоке до эпохи смут в Золотой Орде второй половины XIV в. Разделы земли великого княжения Владимирского, предпринятые Ордою. О термине «тьма» в применении к «великому княжению» Владимирскому. Меры, принятые завоевателями с целью не допустить усиления князя, получившего ярлык на «великое княжение» Владимирское; вопрос о взносе выхода. О деятельности московских князей в качестве «великих князей владимирских» . . . . . 94—116

Глава V. Период феодально-родовых смут в Орде и распадение золотоордынского государства. Влияние политических событий в Орде на события в Северо-восточной Руси и в Южной (рост великого княжества Литовского). Сплочение Руси вокруг Москвы и борьба с татарами. О традиционном характере татарской политики: политика Орды до Тохтамыша; политика ближайших преемников Тохтамыша на русском Северо-востоке . . . . . 117—153

Указатель цитированных источников и литературы . . . . . 154—159

Тезисы к исследованию «Монголы и Русь» . . . . . 160—161

Указатели: личных имен, географический и предметный . . . . 162—177

---

[1] Под «Золотой Ордой» обычно разумеют западный удел монгольской империи, фактически отделившийся во второй половине XIII в. В источниках, как известно, термин «Золотая Орда» появляется очень поздно (см. т. XIX ПСРЛ).

КОПИРОВАНИЕ
13.12.94

Цена 6 р. 50 к.